новая ПОЛЬША

2005

ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ УКРАИНЫ?
Польские инвестиции в России
Выставка «Варшава — Москва»
Стихи цыганской поэтессы Папуши
ПРОЗА: Войцех Кучок
польская молодежь снова учит русский
Говорит олимпиец Роберт Коженёвский

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»: <u>www.novpol.ru</u>

«Новая Польша» в сети — это не только зеркало текущего номера. В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО» главный спонсор деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

№ 1(60) 2005 январь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!	3
Мариуш Пшибыльский СТРАНА БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	8
Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	11
Славомир Поповский ЭТА НЕХОРОШАЯ ВАРШАВА	16
Януш Тазбир ХРЕСТОМАТИЯ ПЕРЕД СУДОМ ПОТОМКОВ	18
Борис Успенский НИКОЛАЙ I И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК	24
В ПОЛЬШЕ СНОВА ХОТЯТ УЧИТЬ РУССКИЙ Беседа с Розалией Скибой	32
Олег Закиров ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	34
Бронислава Вайс (Папуша) СТИХОТВОРЕНИЯ	38
Ежи Фицовский ПАПУША И ЕЕ ПЕСНЯ	41
Войцех Кучок ГНИЛЬ	47
Лешек Шаруга	50

Релакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция Кацпер Ванчик

Адрес редакции Al.Niepodległości, 213 02-086 Warszawa Ал. Неподлеглости, 213

02-086 Варшава

тел: (0-22) 608 27 95;608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl
Информация о журнале
для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: 280-83-52

e-mail: Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

mik@mecom.ru

По поручению Министерства Культуры Республики Польша Тираж 4800 экз.

Виктор Кулерский

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!

- Президент Александр Квасневский о выборах на Украине: «Мы должны быть заинтересованы в том, чтобы выборы действительно были честными и чтобы у кандидатов был равный доступ к СМИ (...) Польша делает то, что должна делать: призывает мировое общественное мнение поддержать свободные, демократические выборы на Украине. Кто их выиграет зависит от воли украинцев, и, разумеется, мы, уважая эту волю, будем сотрудничать с новоизбранным президентом Украины». («Жечпосполита», 9 ноября) • Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, представлявший Совет Европы, назвал первый тур украинских выборов «шагом назад». Во время встречи в Киеве Виктор Ющенко показал поддельные протоколы, заранее подготовленные ко второму туру. «Украина нуждается в таком стратегическом партнере, как Польша», — сказал Ющенко. Цимошевич выразил сожаление, что не смог встретиться с Януковичем и Кучмой, которые выбрали встречу с Путиным. («Газета выборча», 13-14 ноября)
- Благодаря усилиям польской дипломатии Евросоюз призвал Украину сделать все, чтобы второй тур президентских выборов был «свободным и честным». («Тыгодник повшехный», 14 ноября)
- «Вчера по всей Польше прошли "оранжевые" манифестации в поддержку Виктора Ющенко». («Газета выборча», 20-21 ноября)
- Почти 96% пребывающих в Варшаве украинцев, которые участвовали во втором туре президентских выборов, отдали свои голоса за кандидата оппозиции Виктора Ющенко. За него проголосовали 1992 человека, за Януковича 68. («Газета выборча», 22 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Яцек Сариуш-Вольский: «Нет никаких сомнений. Масштаб фальсификации был так велик, что исказил результаты выборов не в пользу Виктора Ющенко». («Газета выборча», 23 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Гражина Станишевская: «Я надеюсь, что Евросоюз наконец отреагирует на фальсификацию выборов на Украине. Польские депутаты наверняка приложат все усилия, чтобы это произошло». («Газета выборча», 23 ноября)
- Анджей Леппер: «Судя по тому, что я видел на Украине, настроения были скорее в пользу Ющенко. Поэтому победа Януковича наводит на размышления». («Жечпосполита», 23 ноября)

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «Новости, поступающие из Киева, весьма разочаровывают. Я пользуюсь здесь дипломатическим языком, но мне хотелось бы выразить это гораздо более сильными словами. То, что нас ставят в ситуацию, когда мы должны всерьез отнестись к сообщению, что где-то на Восточной Украине явка превысила 96 или 98% и поэтому действующий премьер-министр победил, просто противоречит здравому смыслу и оскорбляет чувство элементарной порядочности». («Газета выборча», 23 ноября)
- Александр Квасневский первым из президентов государств-членов ЕС высказался на тему украинских выборов. «Есть серьезные основания подозревать, что выборы были фальсифицированы», сказал Квасневский. Между тем Сейм окрасился в оранжевый цвет. В зале заседаний некоторые депутаты махали оранжевыми флажками и выкладывали перед собой апельсины. Большинство фракций сказали «нет» тому, что произошло на Украине. Заявления по ситуации на Украине приняли «Уния свободы», «Союз демократических левых сил» (СДЛС), «Право и справедливость», «Гражданская платформа» и «Польская социалдемократия». («Газета выборча», 24 ноября)
- «Овацией встретил Киев польских евродепутатов Ежи Бузека, Гражину Станишевскую и Михала Каминского. "Я верю, что у вас все получится, как получилось у нас во времена «Солидарности»", сказал бывший премьер-министр Ежи Бузек на Майдане Незалежности. "Украина—Польша навеки!" долго скандировала после этого восторженная толпа (...) "Мы рады, что вы с нами, сказал бывший министр иностранных дел Украины и один из лидеров оппозиции Борис Тарасюк. Вы даже не представляете себе, насколько мы рассчитываем на твердую поддержку поляков и польских властей"». («Газета выборча», 24 ноября)
- Депутат Европарламента Гражина Станишевская: «Я нахожусь под огромным впечатлением. Атмосфера очень напоминает мне Польшу 24 года назад, поэтому я даже расплакалась, выступая вчера утром перед демонстрантами на площади. Сегодня же вся наша делегация евродепутатов расскажет в Европарламенте, что мы видели на Украине. Мы должны мобилизовать Европу и мир, чтобы помочь людям, борющимся за правду (...) На демонстрации я обещала, что мы будем посланцами украинцев в Евросоюзе. Нельзя позволить убить правду. Я от всего сердца желаю украинцам победы». («Газета выборча», 24 ноября)

- По предложению польского депутата Яцека Сариуш-Вольского комиссия по иностранным делам Европарламента призвала провести чрезвычайное заседание, посвященное ситуации на Украине. Заседание пройдет 1 декабря. Под польским предложением подписались более ста депутатов из многих стран ЕС. Подписывавшимся раздавали оранжевые шарфы. Комиссия по иностранным делам констатировала, что выборы на Украине фальсифицированы и их результаты не могут быть признаны. По мнению комиссии, у украинского народа не было возможности свободно избрать президента. («Газета выборча», 25 ноября)
- По мнению президента Александра Квасневского, российская политика в отношении Украины «очень последовательна начиная с середины первого срока полномочий президента Путина. Эта политика делает ставку на восстановление [российского] влияния в нашей части мира с помощью весьма конкретных политических и экономических действий и в то же время на то, чтобы убедить западных партнеров, что они должны признать контакты с Россией более важными, чем контакты с другими странами региона. Украинский вопрос один из элементов очень серьезных разногласий между Польшей и многими странами Запада». («Газета выборча», 25 ноября)
- Проф. Ежи Помяновский напоминает аксиому Ежи Гедройца: «Поддерживать как можно лучшие отношения с Россией, но не за счет независимости и жизненных интересов народов, живущих между Россией и Польшей, а прежде всего — не за счет украинцев». («Жечпосполита», 22 ноября)
- «"За вашу и нашу свободу!" этими словами, произнесенными по-польски, закончил свое выступление в польском Сейме посланец Виктора Ющенко Борис Тарасюк (...) Он напомнил слова Ежи Гедройца о том, что независимость Украины — гарантия независимости Польши. "Украинский народ поднялся с колен и продемонстрировал свою гражданскую сознательность, получил шанс и воспользовался им. Однако выборы были грубо фальсифицированы", — сказал Тарасюк (...) Депутаты устроили ему овацию стоя. Аплодировали представители всех фракций. Тарасюк получил букет [оранжевых] цветов (...) Непосредственно перед выступлением Тарасюка Сейм принял обращение к Верховной Раде Украины, в котором призвал украинских депутатов: "Сделайте все, что от вас зависит, чтобы правда, свобода и демократия победили"». («Газета выборча», 26 ноября)
- «Бывший президент Польши, лауреат Нобелевской премии мира Лех Валенса появился утром на киевском Майдане Незалежности в сопровождении другой легенды польского подполья Збигнева Буяка. "Вы ведете трудную борьбу, но, видя ваш энтузиазм, я верю, что вы победите!" говорил Валенса стотысячной толпе. Толпа, размахивающая оранжевыми флагами и транспарантами, благодарила

- его, скандируя: "Валенса! Валенса! Польша! Польша!" Валенса не скрывал волнения и долго не сходил с трибуны, призывая демонстрантов "заботиться друг о друге и не болеть". Рядом с ним стоял Ющенко. Толпа безумствовала (...) Валенса умолял оппозицию не поддаваться на провокации, "потому что провокации наверняка будут" (...) В это же самое время польские дипломаты во главе с бывшим послом Польши в Москве Станиславом Цёсеком вели переговоры с Кучмой, готовя почву для визита Александра Квасневского». («Газета выборча», 26 ноября) • «Встреча Валенсы с Януковичем продолжалась 45 минут. После нее Валенса вышел в совсем другом настроении (...) "Это меня огорчило, — сказал он по окончании встречи. — Я очень боюсь, что власти могут ответить провокацией. На стороне оппозиции все больше людей, но те тоже собирают силы"». («Жечпосполита», 26 ноября)
- Петр Дзедушицкий, бывший шеф протокола Валенсы, сопровождавший его в поездке в Киев и участвовавший в переговорах: «Наш президент [Валенса] предупредил его [Януковича] об ответственности, если дело дойдет до беспорядков. В конце он предложил встретиться непосредственно с Ющенко. В принципе Янукович уже согласился на это, когда неожиданно вошла секретарша и сообщила, что звонит Путин. Через десять минут наш собеседник вернулся совершенно преображенный. О встрече с Ющенко уже не было речи, зато он предостерег, что в Киев едут тысячи шахтеров, чтобы дать отпор оппозиции. Еще он сказал одну странную вещь: "Я против насилия, но я не в силах повлиять на свой штаб"». («Жечпосполита», 1 дек.)
- «Движение на польско-украинской границе замирает. Польские водители не хотят застрять в глубине Украины из-за блокад и всеобщей забастовки. Украинцы предпочитают не уезжать, так как не знают, в какую страну им пришлось бы возвращаться». («Жечпосполита», 26 ноября)
- Во многих городах Польши в частности в Катовице, Лодзи, Гдыне, Варшаве, Кракове и Быдгоще прошли «оранжевые» демонстрации солидарности. Более 60 местных газет напечатали призыв поддержать украинский народ, а в своих логотипах использовали оранжевый цвет. («Газета выборча», 26 ноября)
- Конференция епископата Польши объявила 5 декабря днем молитв за Украину. «Епископы выражают надежду, что близкий нам украинский народ сможет свободно определить свое национальное естество в духе правды, демократии и справедливости», говорится в коммюнике, распространенном Конференцией епископата. («Газета выборча», 27-28 ноября)
- После продолжавшихся весь день драматических консультаций с участием президента Александра Квасневского и главы дипломатии ЕС Хавьера Со-

ланы состоялась встреча за «круглым столом». После 18 часов в Мариинском дворце в центре Киева за стол переговоров сели Леонид Кучма, Виктор Янукович, Виктор Ющенко, Владимир Литвин, президенты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, Хавьер Солана, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и спикер российской Думы Борис Грызлов. После переговоров советник президента Польши по делам восточной политики Станислав Цёсек сказал: «Одному Богу известно, что будет дальше. Это только начало, но самое главное сделано». («Газета выборча», 27-28 ноября)

- Из интервью со Станиславом Цёсеком: «Президента Квасневского пригласили оба лагеря. Мы поддерживали хорошие отношения и с президентом Кучмой, и с оппозицией. Благодаря этому на Украине к нам испытывают доверие. Люди верят, что мы желаем украинцам блага. И это чувствуется на каждом шагу (...) Если бы наша восточная политика была неправильной, мы бы точно не получили такого приглашения». («Жечпосполита», 2 дек.)
- Виктор Ющенко: «Несколько дней назад во время ночного разговора с президентом Квасневским я сказал ему, что ничего нельзя сделать без посредников. А посредником может быть только тот, к кому испытываешь доверие. Таким доверием пользуются на Украине Польша и польские политики. Поэтому по нашей просьбе они взяли на себя эту задачу. Украинцы должны решить свои проблемы сами, но посредники помогли нам определить форму переговоров и сесть за стол». («Газета выборча», 30 ноября)
- В субботу и воскресенье практически во всех крупных польских городах прошли демонстрации в поддержку Виктора Ющенко и украинской оппозиции. Улицы заполнились оранжевыми ленточками, шариками и транспарантами. («Жечпосполита», 29 ноября)
- Делегация польских парламентариев во главе с маршалом Сейма Юзефом Олексы встретилась в Киеве с Леонидом Кучмой, Виктором Ющенко и Виктором Януковичем. Двое польских депутатов не участвовали во встрече с Януковичем. «Для нас [эта встреча] была своего рода признанием политика, несущего ответственность за фальсификацию выборов. Поэтому наше отсутствие было намеренным», сказал один из них. («Жечпосполита», 30 ноября)
- сказал один из них. («жечпосполита», 30 нояоря)
 Томек, студент-химик из Кракова: «Один раз мне захотелось сфотографироваться с людьми, державшими флаг УПА (Украинской повстанческой армии), которая когда-то сражалась и с поляками. Они согласились без колебаний, а потом спросили, знаю ли я, что это за флаг. Я ответил, что, конечно, знаю. На это они сказали, что ненависть между поляками и украинцами это уже далекое прошлое, что теперь мы лучшие друзья. Уже ради одной этой фразы стоило приехать». («Газета выборча», 30 ноября)

- «Если мы позволим России безнаказанно расправиться с Украиной, расколоть ее или бросить на колени, мы сами можем стать следующими». (Петр Вемсбицкий, «Газета выборча», 1 дек.)
- Председатель «Польской социал-демократии», бывший маршал Сейма Марек Боровский, обращаясь к депутатам Бундестага, сказал: «Нельзя класть интересы какого бы то ни было государства на алтарь отношений с Россией». («Газета выборча», 2 дек.)
- «Сорок тысяч экземпляров львовского "Высокого замка" со специальным приложением газетой "Жечпосполита" по-украински были доставлены вчера на киевский Майдан Незалежности (...) Демонстранты с энтузиазмом восприняли "Жечпосполиту", о которой говорили и с эстрады (...) Во Львове и других городах Западной Украины "Высокий замок" вместе с "Жечпосполитой" распространялся как обычно по подписке и в киосках. "Многие люди, особенно из интеллигенции, звонили мне и очень хвалили эту идею, говорили об огромной радости от того, что поляки поддержали нас", сказал главный редактор "Высокого замка" Степан Курпиль». («Жечпосполита», 1 дек.)
- «Как (...) оценить действия иностранных посредников, и прежде всего Александра Квасневского, которому удалось экспортировать на Украину польский "круглый стол"? Самый простой ответ на этот вопрос дал [бывший] президент Лех Валенса, которого трудно заподозрить в симпатии к Квасневскому. Он не только не сомневался в том, что можно и нужно разговаривать с Виктором Януковичем, но и — до тех пор, пока с ним не встретился, — прямо-таки демонстративно подчеркивал свою беспристрастность и желание убедить обе стороны конфликта, что необходимо наконец начать поиски мирного решения. Более того, многое указывает на то, что действия обоих президентов — бывшего и действующего, Валенсы и Квасневского, — были скоординированы. И слава им обоим за то, что в столь важный для Украины момент они сумели стать выше личных обид». (Славомир Поповский, «Жечпосполита», 2 дек.)
- Бывший премьер-министр Ежи Бузек представил в Киеве четыре условия урегулирования кризиса, предложенные Европарламентом: 1) разрешить кризис без применения силы; 2) сохранить территориальную целостность Украины; 3) повторить второй тур выборов, но без фальсификаций и без возможности голосовать по открепительным талонам; 4) обеспечить обоим кандидатам равный доступ к СМИ. Помимо Ежи Бузека в составе делегации Европарламента в Киев прибыли, в частности, Яцек Сариуш-Вольский, Марек Сивец, Гражина Станишевская и Михал Каминский. («Газета выборча», 2 дек.)
- «С самого утра Солана, Квасневский и президент Литвы Валдас Адамкус были уже в Киеве. Они встретились в польском посольстве, а затем вместе с Виктором Ющенко

и Виктором Януковичем [второй раз] провели переговоры за "круглым столом". На переговорах присутствовали также президент Леонид Кучма и министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич. Вечером к ним присоединился спикер российской Государственной Думы Борис Грызлов». («Жечпосполита», 2 дек.)

• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Редакция: — Кучма с утра говорит одно, а днем уже совсем другое. Александр Квасневский: — Но ведь мы же подписали коммюнике и после первого заседания "круглого стола", и после второго. Я считаю эти решения обязательными к исполнению. Подписать принятую в среду декларацию я попросил самого Кучму. А там написано: мы отказываемся от применения силы, ведем политический диалог, делаем все, чтобы сохранить территориальную целостность Украины. И главное: ждем решения суда, в то время как эксперты обсуждают сроки». («Газета выборча», 3 дек.)

• Мирослав Попович, профессор Киево-Могилянской академии, директор Института философии Национальной Академии наук Украины: «В событиях на Украине западные посредники играют ключевую роль. Они уравновешивают политическую ситуацию. Благодаря международному давлению президенту Леониду Кучме приходится сдерживать обещания, под которыми он собственноручно подписался. Особенно положительно я оцениваю роль в этих переговорах Польши и президента Александра Квасневского, который пользуется доверием украинской политической элиты. Хорошо также то, что представители Запада беспристрастны». («Жечпосполита», 6 дек.)

• «"Я разделяю радость украинцев", — сказал (...) президент Александр Квасневский [после оглашения вердикта украинского Верховного суда о проведении заново второго тура выборов]. Вместе с главой дипломатии ЕС Хавьером Соланой и президентом Литвы Валдасом Адамкусом Квасневский был посредником на продолжавшихся неделю переговорах, в результате которых была достигнута договоренность о повторении второго тура». («Газета выборча», 4-5 дек.)

• «На Украине идет революция, прекрасная революция, подобная польскому августу 80-го или "бархатной революции" в Чехословакии». (Мартин Босацкий, «Газета выборча», 4-5 дек.)

• Украинский публицист Владимир Павлов: «Украинцев приятно удивила прямая поддержка Польши. Усилия польской дипломатии, выступления польских евродепутатов на митингах в Киеве, присутствие и активность на выборах сотен наблюдателей из Польши, интерес польских СМИ — все это сближает наши народы больше, чем примирительные заявления президентов обсих стран, сделанные за последнее десятилетие. Мы не забудем, что сделали для нас поляки». («Ньюсуик-Польша», 5 дек.)

• Первый фургон с дарами, собранными отцами-василианами из греко-католического прихода на ул. Медовой в Варшаве, выехал на Украину неделю назад и через Дрогобыч доехал до Киева. Во вторник отправляется следующий. («Газета выборча», 7 дек.)

• Фургон и пикап с грузом теплой одежды, продуктов и лекарств отправил на киевский Майдан Незалежности городской совет Варшавы. Совет выделил миллион злотых на материальную помощь Киеву. Первая автоколонна везет товары стоимостью 270 тыс. злотых. Вскоре будут посланы следующие. «Это наша помощь и знак поддержки этой прекрасной революции», — сказал президент (мэр) столицы Лех Качинский. («Жечпосполита», 7 дек.)

• Заместитель председателя Европарламента Януш Онышкевич: «Выборы на Украине объединили всю Польшу. Ну, почти всю, так как от всеобщей, чуть ли не восторженной поддержки замечательного демократического подъема украинского народа явно открещиваются круги, связанные с "Лигой польских семей" и "Самообороной". Такая поддержка имеет несколько серьезных причин. Во-первых, это память об исторических узах, связывающих два наших народа, и воспоминания о временах "Солидарности". Во-вторых убеждение, что в демократической, стабильной, зажиточной и хорошо управляемой Украине жизненно заинтересованы не только мы, но и вся Европа. Ну и, наконец, осознание того, что если России удастся восстановить свое политическое господство и экономический контроль над Украиной, то возникнет прекрасная питательная среда для российской тоски по утраченному международному значению, что чревато возвращением России к имперскому мышлению». («Газета выборча», 6 дек.)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, 48% поляков положительно оценивают посреднические действия президента Александра Квасневского, а 31% — отрицательно. 61% опрошенных симпатизируют Виктору Ющенко и оппозиции, 4% — Виктору Януковичу и власти. 62% выступают за то, чтобы Евросоюз поддерживал демократические движения в соседних странах; 27% — против этого. Роль России в событиях на Украине отрицательно оценивают 67% поляков, а положительно — 8%. («Жечпосполита», 10 дек.)

• «Мы выполнили программу-минимум», — заявил Александр Квасневский после продолжавшегося шесть часов третьего раунда «круглого стола». На этот раз была достигнута договоренность о внесении изменений в положение о выборах и об изменении состава Центральной избирательной комиссии. В переговорах участвовали Виктор Ющенко, Виктор Янукович, президент Леонид Кучма, а также иностранные посредники: прези-

денты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, спикер российской Думы Борис Грызлов, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и глава дипломатии ЕС Хавьер Солана. («Жечпосполита», 7 дек.)

- «Парламент принял комплексный пакет законов. Большинство украинских политиков, а также иностранные участники "круглого стола" с радостью восприняли результаты голосования. «Миссия международных посредников завершилась успехом», — прокомментировал это событие Александр Квасневский». («Жечпосполита», 9 дек.)
- Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: «Я считаю, что прошедший в понедельник третий раунд "круглого стола" стал переломным. Эта встреча наглядно показала Кучме, что он в изоляции, что международные посредники не разделяют его взглядов. Я не согласен с теми, кто критикует Квасневского. Польский президент этого не заслуживает». («Газета выборча», 9 дек.)
- Збигнев Буяк, приехавший на Украину вместе с Лехом Валенсой и остававшийся там две недели: «Шапки долой перед посредниками! Это полная победа (...) Ющенко сделал ставку на разрешение кризиса на базе права и конституции. Это очень ценно». («Газета выборча», 9 дек.)
- «Миллионы поляков переживали борьбу свободных украинцев за повторение второго тура выборов. Массовость, с которой поляки поддержали украинскую оранжевую революцию, может вселять надежду. Сотни тысяч людей носят оранжевые банты, участвуют в многочисленных демонстрациях или просто внимательно смотрят телевизионные репортажи из Киева». (Петр Семка, «Жечпосполита», 9 дек.)
- Александр Квасневский: «Во всяком случае, одну вещь надо выкрикнуть так, чтобы услышал весь мир: на карте Европы появился новый суверенный общественный и политический субъект. Украинец это не перекрашенный советский русский. Он не позво-

лит править собой с помощью фальсифицированных выборов. Связи Украины с Россией не подлежат сомнению. 22% жителей Украины — это этнические русские. Украинская революция — серьезная тема для разговоров в Москве». («Политика», 11 дек.)

 «На Майдане развеваются десятки польских флагов. С каждым днем их все больше. Это важно для украинцев. Когда я шел по улице со своим маленьким флажком, до меня долетали обрывки фраз: "Смотри, из Польши, они тоже с нами, спасибо". И слова, которые здесь знает каждый: "Еще Польска не згинела". Может, потому что наши гимны начинаются похоже? [Украинский гимн начинается словами «Ще не вмерла Украина...». — Ред.] Но не только поэтому. "И нас, и их потрепали вихри истории", — говорит Адрианна из Перемышля, приехавшая в Киев по зову сердца. Она считает, что теперь украинцы смотрят на нас по-другому». (Витольд Шабловский, «Тыгодник повшехный», 12 дек.) • «Сейчас, в декабре 2004-го, на наших глазах вершится история, которая, быть может, касается нас в еще большей степени, нежели наша переломная [1980-1989 гг.]. На украинцев, которые на морозе борются за свои права и достоинство, мы смотрим со снисходительной симпатией: у них есть своя замечательная солидарность, но они еще не знают, что у них, как и у нас, тоже придет время несолидарности, войны в верхах и темных делишек, проворачиваемых в кабинетах власти (...) Сумеет ли нынешняя Польша мудро, с пониманием исторических особенностей, протянуть Украине руку помощи? Ведь речь идет не о разделе этой страны или присоединении ее к Польше, но о соединении ее с Западом. Удастся ли нам убедить в этом медлительный Евросоюз? Этого я не знаю. Но мне бы очень хотелось ответить на этот вопрос утвердительно». (Ежи Сурдыковский, «Ньюсуик-Польша», 12 дек.)

Мариуш Пшибыльский

СТРАНА БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ — ТОПЛИВО Объем российских капиталовложений в Польше во много раз превышает объем наших — в России. Согласно данным Польского агентства информации и иностранных инвестиций, до конца 2003 г. россияне инвестировали в Польше 1291,9 млн. долларов. Преобладающую часть этих денег вложил «Газпром». На строительство системы газопроводов и телекоммуникационные проекты в Польше концерн предназначил 1283,8 млн. долларов. Стоимость проектов остальных российских фирм на фоне инвестиций газового гиганта можно назвать маргинальной. «Лукойл», вторая крупнейшая российская фирма в нашей стране, истратила на газовые станции в Польше 5,5 млн. долларов. Следующий инвестор из этого списка, «Багдасарян — Снежка», затратил на кондитерскую фабрику в Валбжихе (особой экономической зоне) 2,6 млн. долларов. В настоящее время объем российских

Muenu

Славомир Пётровский, президент фирмы «Бэс», производящей косметику:

Лучший способ увеличить объем продаж в Россию — зарегистрировать фирму на российской герритории, запустить производство и создать профессиональную диперскую сеть. Если это не получается, то можно инвестировать только в распирение диперской сети и маркетинга. Третий способ — собственная сборка из поставляемых узлов. При таком способе можно съкономить на высоких таможенных пошлинах, ибо таможенные пошлины на полуфабрикаты в России гораздо ниже, чем на готовые изделия. Все три варианта можно осуществлять самостоятельно или вместе с российским партнером, который поможет решить организационные вопросы, найти подходящее место для предприятия или купить уже существующее предприятие, а также получить лицензии и разрешения.

инвестиций в Польше составляет почти 2% от общего объема инвестиций всех иностранных фирм в нашей стране. Объем польских капиталовложений в России в самые ближайшие годы возрастет в несколько раз. И главная заслуга в этом принадлежит трем крупным фирмам — «Граево», «Форте» и Торунскому предприятию по производству перевязочных материалов: вкладывая сотни миллионов злотых, они строят по ту сторону восточной границы свои фабрики.

Отечественные фирмы неохотно идут на то, чтобы строить предприятия за пределами нашей страны. Вместо этого они предпочитают экспортировать свои изделия. «В том, что касается России, это положение меняется, ибо тот, у кого есть предприятие на месте, просто больше зарабатывает», — говорит Марек Старчевский, заместитель директора Хозяйственной палаты восточных рынков. По данным российской стороны, в 2002 г. польские фирмы инвестировали в России лишь 5,2 млн. долларов. В прошлом году объем польских инвестиций в России превысил 20 млн. долларов. Текущий год с этой точки зрения станет исключительным. Запланированный объем инвестиций только двух польских инвесторов, фирм «Флайдерер— Граево» и «Форте», оценивается в несколько сот миллионов

злотых — сообщается в информации торгово-экономического отдела польского посольства в Москве. Российская сторона приводит разные сведения о нынешнем объеме польских инвестиций в России. По разным источникам, их объем составляет от 46,5 до 85 млн. долларов. Польские дипломаты считают, что ближе к истине вторая цифра.

БОЛЬШАЯ ТРОЙКА Торунское предприятие по производству перевязочных материалов развивает свое производство в Егорьевске. Кроме того, оно хочет построить в России центр логистики. «Граево» (производитель мебельных плит и фанерной облицовки) запускает широкомасштабное производство древесно-стружечных плит, а «Форте» — фабрику по производству мебели из плит, производимых фирмой «Граево». Эта тройка и составляет движущую силу польских капиталовложений в России. Остальные наши фирмы, осуществляющие свою деятельность на территории восточных соседей, сильно отстают. В настоящее время большая часть польских инвесторов в России — это акционерные кампании, работающие в деревообрабатывающей и целлюлознобумажной промышленности, машиностроении и металлургии, химической и нефтехимической промышленности, а также фирмы, занимающиеся производством продуктов питания, одежды или строительных материалов.

С ЕВРОСОЮЗОМ ЛЕГЧЕ Многое указывает на то, что недоразумения в польско-российских отношениях в сфере торговли уходят в прошлое. После расширения Евросоюза нам удалось распространить на нашу страну действие соглашения об экономических отношениях между Россией и ЕС (так называемый договор РСА — соглашение о партнерстве и сотрудничестве) и подписать соглашение о создании польско-российской комиссии по вопросам торговли. В задачу этой комиссии входит решение спорных вопросов. Недавно удалось также приступить к разработке нового соглашения о поддержке и защите инвестиций. Первое соглашение, касающееся инвесторов, было подписано много лет тому назад, но российская сторона его не ратифицировала. Из-за этого наши бизнесмены несут убытки, ибо вынуждены оплачивать страховку по более высоким ставкам.

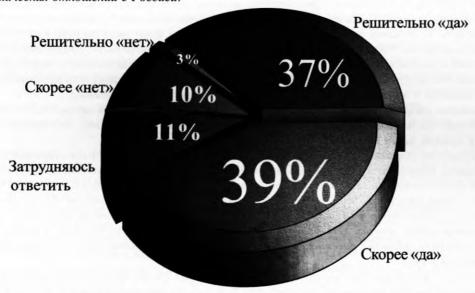
СЕЗОН ВИЗИТОВ Последние месяцы нынешнего года и начало следующего богаты важными визитами российских чиновников в Польшу, а представителей польского правительства — к нашим восточным соседям. В начале ноября 2004 г. в Польшу приезжал Герман Греф, министр экономического развития и торговли России. Он представил карту железнодорожного сообщения по широкой колее от Дальнего Востока до Славкова в Польше. «Это более дешевый путь транспортировки, чем морской», — сказал он. Вскоре ожидается визит в Польшу главы ветеринарной службы РФ. Наши власти хотят убедить его предпринять шаги, направленные на то, чтобы контроль, проводимый российскими инспекторами на польских мясоперерабатывающих предприятиях, осуществлялся быстрее. Во всех фирмах ЕС, которые экспортируют мясные изделия в Россию, контроль должен проводиться российскими инспекторами.

В декабре в Москву приехал вице-премьер Ежи Хауснер. Его визит был посвящен главным образом вопросам энергетики. Польша хочет убедить российскую сторону проложить вторую нитку газопровода «Ямал» по нашей территории. Ожидаемый январский визит президента Владимира Путина в Польшу должен стать своеобразным увенчанием наших взаимных отношений. Будем надеяться, что он прилетит в Варшаву около 25 января. Более точную дату российская сторона пока еще не подтвердила.

ОПРОС ПО ЗАКАЗУ ГАЗЕТЫ «ЖЕЧПОСПОЛИТА»

проводился Сопотским центром исследований общественного мнения 20-21 ноября 2004 г. по репрезентативной выборке среди 1017 человек взрослого населения Польши

Считаете ли вы, что с польской стороны должны быть предприняты шаги с целью улучшения экономических отношений с Россией?

76% поляков считают, что мы должны предпринять шаги с целью улучшения наших экономических отношений с Россией, — следует из опроса. Лишь 13% опрошенных придерживаются противоположного мнения. А 11% поляков затруднились дать ответ на этот вопрос. Группу опрошенных, в которой больше всего сторонников улучшения наших экономических отношений с Россией (95%), составляют те, кто работает в сельском хозяйстве. Поэтому нет ничего удивительного, что эта идея получила поддержку на уровне выше среднего в воеводствах с преимущественно сельскохозяйственным производством, таких, как Куявско-Поморское, Опольское (по 89%), Люблинское и Подкарпатское (по 83%). Любопытно, что больше всего противников стремления к улучшению экономических отношений с Россией — в Малопольском (29%), Варминско-Мазурском (20%) и Западнопоморском (22%) воеводствах. Что касается двух последних, то причиной такого недоброжелательного отношения может быть большая доля осевших там репатриантов с восточных окраин II Речи Посполитой.

М.П.

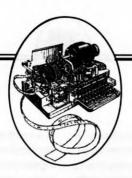
С ЕВРОСОЮЗОМ НАМ ЛЕГЧЕ

Беседа с Мирославом Зелинским, заместителем министра экономики и труда

- С момента вхождения Польши в ЕС большинство вопросов, связанных с товарообменом между Польшей и Россией, мы решаем через Брюссель. Облегчает это экономические отношения или затрудняет?
- После 1 мая нам стало легче разговаривать с российской стороной, ибо от нашего имени выступает весь Евросоюз. Любой вопрос, касающийся экономических отношений ЕС с Россией, проходит согласование и консультации с нами.
- Вероятно, Россия вступит во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2006 году. Снизятся ли в связи с этим таможенные пошлины на товары из ЕС, а значит, и из Польши?
- Россия завершила переговоры с ЕС по этому вопросу, но ей еще предстоит договариваться со всеми странами ВТО, так что пока мы не знаем, какими будут окончательные ставки. Могу сказать, что из достигнутых на данный момент договоренностей между Россией и ЕС следует, что положительные для нас изменения касаются, в частности, мебели и фармацевтических препаратов.
- Несколько недель тому назад вице-премьер Ежи Хауснер и российский министр экономического развития и торговли Герман Греф подписали соглашение, на основании которого будет вновь создана комиссия по разрешению сложных проблем в экономических отношениях. Кто станет ее руководителем?
- Этой комиссии предстоит играть особую роль. Кроме того, что в заседаниях комиссии принимают участие представительи правительств, в двусторонних встречах предполагается также участие представителей предприятий. Участие бизнесменов в официальных встречах на уровне правительств облегчит дальнейшие контакты. С польской стороны сопредседателем комиссии будет вице-премьер Ежи Хауснер, а что решила российская сторона, мы пока не знаем. Соглашение должно быть утверждено польским правительством и российскими властями. Я надеюсь, что в марте или апреле состоится первое заседание этой комиссии. Мы хотели бы вести разговор, в частности, о нефти и газе, а также о транспортной инфраструктуре, особенно о железнодорожном сообщении по широкой колее до Славкова.
- Российская сторона уже заявляла о своем намерении прокладывать газопровод по морскому дну, а также расширять транзит газа через Украину. Есть ли опасения, что вторая нитка «Ямала» не пойдет через Польшу?
- Газопровод по морскому дну приоритет для российской стороны. Но мы стараемся убедить их прокладывать вторую нитку газопровода через Польшу. Таким образом, возможно, будут созданы разные пути транспортировки газа. В частности, этому будет посвящен декабрьский визит Ежи Хауснера в Россию. Кроме того, в ходе этого визита будет затронут вопрос о сотрудничестве «Польской нефте-и газодобычи» с «Газпромом» в области разведки и добычи газа в Узбекистане и Казахстане.
- На протяжении многих лет между Польшей и Россией нет соглашения о поддержке и защите инвестиций. Недавно российская сторона передала нам проект такого соглашения. Когда оно вступит в силу?
- Я думаю, что в будущем году, так как сейчас мы работаем над его положениями. После 1 мая нынешнего года вопросы защиты инвестиций регулируются РСА, то есть соглашением между ЕС и Россией о торговых отношениях. Двустороннее соглашение может быть лишь дополнением к положениям РСА.
- Большую часть нашего импорта из России составляют газ, нефть и руда. Без них польская экономика не может функционировать. Однако удастся ли добиться такого положения, при котором у нас не будет дефицита в товарообмене с Россией?
- За девять месяцев текущего года объем польского экспорта в Россию увеличился по сравнению с девятью месяцами 2003-го на 71%. Вероятно, по итогам года в целом он достигнет уровня, который был отмечен до российского кризиса. И я думаю, что в дальнейшем достичь сбалансированного сальдо в товарообмене вполне возможно.

Беседу вел Мариуш Пшибыльский

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Из речи президента Александра Квасневского у могилы Неизвестного солдата в Варшаве на торжественной церемонии, посвященной Дню Независимости: «Обрести независимость великое дело, но не менее важно хорошо ею распорядиться. В этот День Независимости у нашей страны есть особые основания для гордости. Мы впервые встречаем этот праздник в Европейском союзе (...) Теперь, когда Польша входит в сильнейший военный альянс, когда она стала частью европейского сообщества, когда нас окружают союзники и партнеры, а экономика развивается быстрыми темпами, можно с уверенностью сказать, что наша отчизна добилась успеха. И это успех всего общества». («Газета выборча», 12 ноября)
- Согласно опросу института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», стиль и эффективность работы президента Александра Квасневского положительно оценивают 50,4% поляков, а отрицательно 39,8%. 40% опрошенных считают, что правление Квасневского способствовало развитию демократии и правового государства, 18% придерживаются противоположного мнения, а 40,4% заявили, что влияние президента на эти процессы было незначительным. 38,5% опрошенных верят, что президент Квасневский не замешан в подозрительных связях политиков с крупным бизнесом, 34,1% думают иначе, а 27,4% не определились с ответом. («Впрост», 21 ноября)
- Польша впервые приняла полугодичное председательство в Совете Европы, объединяющем 46 государств, население которых в общей сложности составляет 800 млн. человек. Свой первый визит в качестве главы дипломатического ведомства страны, председательствующей в Совете, министр Влодзимеж Цимошевич нанесет в Киев. («Газета выборча», 12 ноября)
- Польша, Германия и Словакия подписали договор о создании совместной группы сил быстрого реагирования в рамках Евросоюза. На первых порах это соединение будет находиться под польским командованием. На 55-60% оно будет состоять из польских солдат. Соединение достигнет полной боеготовности к 2009-2010 году. В силах быстрого реагирования ЕС будет 13 таких групп, по полторы тысячи солдат в каждой. («Газета выборча», 23 ноября)

- По мнению директора-распорядителя Международного валютного фонда Родриго де Рато, польская экономика сильна и прекрасно развивается. Польша проводит ответственную монетарную политику, а к концу 2005 г. инфляция не должна превысить 2,5%. МВФ планирует открыть в Варшаве постоянное региональное представительство. «Это решение должно подчеркнуть активность МВФ в Центральной Европе и роль Польши в этом регионе», сказал де Рато. («Жечпосполита», 23 ноября)
- «При приватизации Польского банка "Всеобщая сберегательная касса" министр государственной казны Яцек Соха достиг того, о чем мечтали многие другие игроки на рынке капитала: он наконец-то привлек на фондовую биржу огромную массу мелких инвесторов (...) Тем самым Соха сумел частично восстановить общественное доверие к приватизации, облегчив задачу своим преемникам». («Ньюсуик-Польша», 28 ноября)
- Доходы от продажи книг выросли в Польше с 240 млн. злотых в 1991 г. до 2,9 миллиарда в 2003-м. («Газета выборча», 25 ноября)
- Уровень безработицы продолжает снижаться: по данным Главного статистического управления (ГСУ), в сентябре он составлял 18,9%, а в октябре уже 18,7%. В октябре в Польше было 2,938 млн. безработных, т.е. на 3,9% меньше, чем год назад. («Жечпосполита», 26 ноября)
- Божена Лопацкая, выигравшая процесс о компенсации за неоплаченные сверхурочные часы: «[Сеть супермаркетов] «Бедронка» («Божья коровка») это пирамида страха. Один боится другого, а все вместе — безработицы (...) Я должна бросить «Бедронку» и рассказать, что женщины работают там по десять часов в день вместо шести. Что за 400 злотых на руки они лишаются здоровья, а иногда даже детей (...) Я испугалась угроз и подписала заявление об увольнении (...) Наконец я взбунтовалась (...) Я буду бороться, я выступлю против гиганта. В иске я написала все, что чувствую, - так по-простому, по-польски (...) меня нашел Эдвард Голент из Общества пострадавших от действий Жеронимо Мартинса [владельца «Бедронки»]. Это общество основали обманутые предприниматели, которым не заплатили за товар. Когда я вступила в него, простых наемных работников там было всего полто-

ра десятка. Теперь нас уже несколько сотен. В самом конце процесса мне бесплатно помог адвокат Лех Обара. Когда оглашали приговор, перед судом стояли три машины телевизионщиков, журналисты из "Газеты выборчей", из "Жечпосполитой", с Би-Би-Си и даже из Нью-Йорка (...) Я победила, потому что Польша — не страна бесправия. Потому что в суде надо говорить правду (...) Звонили работники [других сстей супермаркетов] "Реала", "Касторамы", "Лидла", "Жеанта", чтобы с нами объединиться (...) Работают уже девять пунктов юридической помощи жертвам Жеронимо Мартинса. Мы будем следить за этой фирмой. Мы накажем ее, чтоб остальные задумались». («Газета выборча», 20 ноября)

- Марек Голишевский, основатель Business Center Club: «До сих пор члены нашего клуба предназначили на помощь обездоленным почти 200 млн. злотых. Они покупают мебель для богаделен, устраивают детям выезды на каникулы, становятся приемными родителями, оплачивают юридические консультации бездомным, организуют профессиональную практику для безработных, дают стипендии будущим предпринимателям. Тем самым они способствуют развитию гражданского общества». («Тыгодник повшехный», 14 ноября)
- По заказу Института философии и социологии Польской Академии наук ЦИОМ провел опрос о престижности в Польше отдельных профессий. Опрошенные оценили 36 профессий по пятибалльной шкале, приписывая им соответствующую степень уважения — от огромного до ничтожного. Первое место занял университетский профессор, набрав 81,61 балла. Далее места распределились так: шахтер — 77,25 балла; медсестра — 77,02; учитель — 76,35; врач — 75,22; информатик — 74,87; крестьянин-единоличник, владеющий средним хозяйством, — 73,64; кадровый офицер в чине капитана — 72,32; заводской инженер -72,06; журналист — 71,70; каменщик — 70,82. 13-е место занял судья, 16-е — полицейский, 17-е — уборщица, 19-е — продавец, 20-е — владелец маленького магазина, 22-е — адвокат, 23-е — священник, 32-е — курьер, 34-е — министр, 35-е депутат Сейма, 36-е и последнее — деятель политической партии. («Политика», 27 ноября).
- Совет государственной гражданской службы почти единогласно постановил, что бывшие сотрудники госбезопасности ПНР не могут работать в государственной администрации. В каждом отдельном случае решение будут принимать начальники учреждений. («Жечпосполита», 26 ноября)
- Адвокат Томаш Квятковский, бывший директор канцелярии президента Леха Валенсы, окончательно признан виновным в люстрационной лжи.

По неофициальным сведениям, его контакты с госбезопасностью начались во время учебы на юридическом факультете Варшавского университета. Адвокат отрицал это. Постановление Верховного суда означает, что Квятковский на протяжении 10 лет не сможет работать адвокатом. («Жечпосполита», 10 дек.)

- «Когда в Свентайно наступает ночь, мужчины садятся в машину и отправляются в дозор. До рассвета они будут патрулировать улицы и окраины деревни. В машине у них есть телефон и прожектор. Они необыкновенно эффективны. В деревне прекратились кражи, нападения и взломы. Свентайно самая безопасная гмина в Польше». («Жечпосполита», 17 ноября)
- Комиссия Сейма по расследованию аферы «Орлена» решила допросить маршала Сейма Юзефа Олексы, который много лет назад поддерживал приятельские отношения с российским шпионом Владимиром Алгановым. (Сейчас Алганов связан с российским энергетическим сектором в этом качестве он встретился на торговых переговорах с польским предпринимателем Яном Кульчиком). («Тыгодник повшехный», 14 ноября)
- Лодзинская прокуратура начала следствие по факту встречи Кульчика с Алгановым. («Тыгодник повшехный», 14 ноября)
- «Ян Кульчик обещал помочь президенту "Лукойла" захватить польский нефтяной рынок (...) В октябре 2002 г. Кульчик встретился в Лондоне с президентом "Лукойла" Вагитом Алекперовым. Речь шла о слиянии концерна "Орлен" с Гданьским нефтеперерабатывающим комбинатом, а также о шансах россиян получить контрольный пакет в новой объединенной компании. Тем самым "Лукойл" получил бы контроль над ключевым для энергетической безопасности Польши нефтяным терминалом "Нафтопорт"». («Жечпосполита», 8 дек.)
- 35% поляков верят, что комиссия Сейма по расследованию аферы «Орлена» выявит нелегальные связи бизнеса с политикой. 51% придерживается противоположного мнения, а 14% не определились с ответом. Состоялось уже 22 заседания. Члены комиссии проработали вместе почти 170 часов, в течение которых они допросили 25 свидетелей и одного уполномоченного свидетеля. Проведены 4 очные ставки прокуроров с офицерами бывшего Управления охраны государства. Депутаты выслушали информацию, предоставленную министром юстиции Мареком Садовским, начальником Разведывательного управления Анджеем Ананичем и начальником Управления внутренней безопасности Анджеем Барциковским. Ход 15 открытых заседаний описан на 2610 страницах стенограмм. Семь заседаний прошли за закрытыми дверями: они не транслировались по телевидению,

были недоступны для журналистов, а стенограммы допросов были засекречены. В комиссии скопилось уже 1200 томов документов по делу, расследование которого ей поручил Сейм. «Быть может, Сейм очертил слишком широкий круг проблем, не ожидая, что наружу выйдет столько грязи», — размышляют депутаты. («Политика», 20 ноября)

- «Хотя наше государство всерьез больно, оно предприняло попытку оздоровления. Система оказалась излечимой. Лекарством послужили следственные комиссии Сейма, ставшие чем-то вроде предохранителей системы. С них и началось восстановление». (Игорь Залевский, «Впрост», 21 ноября)
- Вынесен приговор по делу Льва Рывина. Апелляционный суд пришел к выводу, что Рывин действовал не один, но был посредником во взяточнической миссии. Таким образом подтвердилось заключение следственной комиссии Сейма, в дальнейшем принятое всем Сеймом. Рывин приговорен к двум годам лишения свободы и штрафу в размере 100 тыс. злотых. Приговор вступил в законную силу. Теперь прокуратура должна либо согласиться с судом и начать допрашивать тех, кто послал Рывина, либо обжаловать приговор. («Жечпосполита», 11-12 дек.)
- Сейм лишил депутатской неприкосновенности обвиненного в коррупции Анджея Пэнчака и дал согласие на его арест. На следующий день депутат, исключенный из «Союза демократических левых сил» (СДЛС), был арестован. («Тыгодник повшехный», 28 ноября)
- «После ареста депутата Анджея Пэнчака возникло замешательство. Следует ли возить арестованного депутата на голосования: ведь никто не лишал его мандата, а сам он, несмотря на призывы партийных товарищей, не захотел от него отказаться? Будет ли он получать полную депутатскую зарплату? Будет ли его канцелярия, содержащаяся за государственный счет, работать как ни в чем не бывало? Не совсем понятно, что делать, так как налицо правовой пробел и сначала надо было бы изменить закон о правах и обязанностях парламентариев». (Янина Парадовская, «Политика», 4 дек.)
- «Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян пишет письма сменяющимся маршалам Сейма, обращая их внимание на неисполнение постановлений Конституционного суда по важным для граждан вопросам. Он напоминает, что проходят установленные сроки, но ничего не изменяется (...) Налицо явный кризис в отношениях Сейма и Конституционного суда — кризис столь опасный, что даже несоответствия основному закону не ликвидируются. И Сейм это нисколько не беспокоит». (Янина Парадовская, «Политика», 13 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, в конце ноября «Гражданскую платформу» поддерживали 29% поляков, «Право и справедливость» 18, «Самооборону» 12, «Лигу польских семей» 11, крестьянскую партию ПСЛ 7, СДЛС 6, «Польскую социал-демократию» 5, «Унию свободы» 4, «Унию труда» 2%. (Избирательный барьер составляет 5%). («Газета выборча», 9 дек.)
- Депутат Европарламента от «Права и справедливости» Михал Каминский: «Пришло время задаться вопросом, почему деятели "Лиги польских семей" всегда занимают позицию, отвечающую интересам России?» В голосовании по принятой Европарламентом резолюции по Украине депутаты ЛПС воздержались. По их мнению, это вмешательство в дела суверенного государства, а украинцы должны сами определить свое будущее. («Газета выборча», 6 дек.)
- Из резолюции, принятой Всепольским советом «Унии свободы»: «В Польше уже много лет существует лагерь сторонников России, поддерживающий имперскую политику российской олигархии. К нему принадлежат люди из разных партий и кругов. Они действуют как неформальное российское лобби, способствуя политическому и агентурному проникновению России в Польшу». («Газета выборча», 8 ноября)
- «Когда десять дней назад [беженцы из Чечни] пересекали польскую границу, Салман сказал: "Вот она, эта страна". Шестилетний Абу припал к окну вагона. "Нравится?" — спросил его отец. Абу на секунду задумался: "А где танки? У них здесь что — нет танков?"» («Политика», 27 ноября)
- Делегация польского МИДа заявила в Москве, что Польша значительно расширит категорию граждан Белоруссии, России и Украины, которые смогут получать долгосрочные и многократные визы. Это будет касаться, в частности, предпринимателей, деятелей культуры, спортсменов, железнодорожников и водителей, часто ездящих в Польшу, а также пенсионеров и лиц, у которых в Польше есть родные. Россияне и белорусы, входящие в эту группу, смогут получать многократные визы на год, а украинцы на пять лет. («Газета выборча», 19 ноября)
- Польская православная Церковь отпраздновала 80-летие своей автокефалии, т.е. независимости от других поместных Церквей. Юбилейные торжества, которые возглавил архиепископ Савва, прошли в кафедральном соборе св. Марии Магдалины в варшавском районе Прага. В Польше живет 600 тыс. православных. («Тыгодник повшехный», 21 ноября) «Премьер-министр Марек Белька принял участие в
- «Премьер-министр Марек Белька принял участие в закрытой для прессы встрече с представителями парламентских фракций, на которой обсуждалась ситуа-

ция в Белоруссии и на Украине. По окончании встречи было, в частности, сказано, что Польша будет выделять бюджетные средства на поддержку демократических инициатив у своих восточных соседей». («Тыгодник повшехный», 21 ноября)

- МИД рекомендовал польским консулам выдавать гражданам Белоруссии, России и Украины визы с более длительным сроком действия. («Жечпосполита», 22 ноября)
- Министры иностранных дел 25 стран Евросоюза приняли предложение Польши относительно контактов ЕС с белорусскими властями. Принцип запрета на двусторонние контакты с властями Белоруссии останется в силе. Исключение составят вопросы, касающиеся приграничного сотрудничества. («Жечпосполита», 23 ноября)
- До недавнего времени, когда речь заходила о возможности принятия Украины в Евросоюз, польские дипломаты оказывались в изоляции. Сейчас за «европейскую перспективу» для Украины высказываются Чехия, Венгрия, Словакия, Литва и Латвия, а скандинавские страны хотят быстрого развития контактов с Украиной. Министры иностранных дел Польши и Германии представили Совету ЕС совместную стратегию развития отношений с Украиной, выходящую за рамки недавно принятого стандартного плана действий. («Жечпосполита», 10 дек.)
- Бывший начальник Разведывательного управления Збигнев Сементковский (СДЛС): «Я знаю одно: в случае любого западного концерна, который хочет делать в Польше бизнес, мы имеем дело только с экономическим планом. За этим концерном не стоит политический план государства, в котором размещается капитал. С Россией совсем другое дело. Можно предположить, что политика экономической экспансии главных российских концернов связана с генеральными политическими планами российского государства (...) Я сказал комиссии, что экономический критерий применим, когда имеешь дело с посредником, экспортирующим овощи, а не монополизирующим поставки важнейшего для Польши стратегического сырья». («Газета выборча», 24 ноября)
- Станислав Лем: «Путин пытается реставрировать советскую империю, но на этот раз методом экономического давления. В нашей стране царит, пожалуй, умышленное неведение относительно преднамеренности его действий. Лишь изредка можно услышать голоса людей, предостерегающих перед надвигающейся опасностью. В военном отношении Россия не собирается снова заковывать нас в кандалы, однако будет достаточно, если она начнет постепенно перекры-

вать краны с нефтью и газом. Я бы не надеялся на то, что нас спасет НАТО или ЕС. Если мы сами себя не спасем, никто за нас этого не сделает». («Тыгодник повшехный», 28 ноября)

- Вальдемар Кучинский: «В 1999 году (это последний год, за который у меня есть полные данные, однако существенных изменений с тех пор не произошло) 68% используемого в Польше энергетического сырья составляло твердое топливо, т.е. уголь отечественного производства. Доля нефти (исключительно импортной) составляла 20%, а газа — 11%, в т.ч. 4,8% добывалось в Польше. В общей сложности около 73% энергетического сырья было отечественного производства, а 27 импортного (...) Разумеется, 27% импорта — это немало. Они удовлетворяют нужды транспорта, работающего на жидком топливе, части теплоэнергетики и некоторых отраслей промышленности (...) Импортируемая часть сырья важна, однако, что касается нефти, составляющей 3/4 импорта, то здесь потенциальной угрозы со стороны России быть не может. В гданьском порту есть четыре терминала, которые позволяют ежегодно перегружать из танкеров водоизмещением до 300 тыс. тонн 34 млн. тонн нефти и нефтепродуктов. В Плоцк можно транспортировать нефтепроводом 25 млн. тонн. Польша использует в год около 19 млн. тонн, а Плоцк перерабатывает 12 млн. тонн нефти (...) Остается газ, т.е. около 6-7% необходимого нам энергетического сырья (...) Что касается газа, то мы чрезмерно зависим от одного государства-поставщика, и вдобавок это государство — Россия. В Польше нет дискуссий по поводу того, что зависимость эту нужно уменьшать путем диверсификации источников поставок». («Политика», 4 дек.)
- Из интервью с премьер-министром Мареком Белькой: «Обстоятельства вынуждают нас четко определить, на чем должна основываться наша политика в отношении российских инвестиций в Польше и польских в России. Необходимо ясно сказать, что есть стратегические секторы (в частности нефтяная промышленность), где приоритетом является безопасность государства. А это значит, что в стратегическом секторе иностранные, в т.ч. и российские инвестиции, должны подчиняться этому критерию (...) Вообще говоря, нужно обеспечить себе хотя бы потенциальную возможность диверсификации поставок». («Газета выборча», 4-5 дек.)
- Вице-премьер Ежи Хауснер: «Несмотря на аферу "Орлена" и участие в ней российского шпиона Владимира Алганова, Москва все еще хочет участвовать в приватизации польского нефтяного сектора. Пока что мы не собираемся ничего продавать. Я ясно сказал об этом нашим московским партнерам». («Газета выборча», 8 дек.)

- «Решающее значение для уровня нашей энергетической безопасности имеет логистика — ведь электричество, нефть, газ и топливо нужно как-то доставить потребителям. Для этого необходимы высоковольтные линии, нефтепроводы, газопроводы, насосы, склады и т.п. (...) Нефтяной терминал и Поморский трубопровод становятся стратегическим элементом польской энергетической инфраструктуры и лакомым кусочком для инвесторов, особенно российских. Отсюда решение правительства оставить энергетическую инфраструктуру в руках государства, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, а все фирмы, торгующие энергией и энергетическим сырьем, могли иметь к ней равный доступ. Это — один из элементов правительственных "Основ энергетической политики государства до 2020 года" — базового документа, определяющего направление развития польской топливно-энергетической отрасли (...) 30-35% используемого нами газа поступает из польских месторождений. Продолжаются работы по увеличению добычи». (Адам Гжещак, «Политика», 11 дек.)
- Согласно опросу ЦИОМа, почти каждый третий поляк считает, что независимость Польши в опасности. Большинство поляков рассматривает Российскую Федерацию как потенциальную угрозу польской независимости. Каждый второй поляк считает, что в контактах с Россией Польша недостаточно защищает свои интересы. По мнению каждого третьего, наши контакты развиваются нормально. («Газета польска», 10 ноября) • «Институт национальной памяти (ИНП) принял решение начать следствие по делу о катынском преступлении. Следствие коснется убийств, совершенных советскими должностными лицами в Москве, Харькове, Смоленске, Катыни, Калинине (ныне Тверь) и других местах на территории СССР с 5 марта до неустановленного дня 1940 года. В 1940 г. НКВД расстреляло около 22 тысяч офицеров и полицейских, а также гражданских лиц, взятых в плен после нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года. В сентябре 2004 г. Главная военная прокуратура РФ прекратила продолжавшееся 14 лет следствие по этому делу». («Жечпосполита», 1 дек.)
- Директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, заместитель директора ИНП проф. Витольд Кулеша: «Если бы Главная военная прокуратура Российской Федерации пере-

- дала ИНП заключительный документ проведенного ею расследования и если бы из него вытекало, что цели следствия достигнуты, то наше расследование не имело бы смысла. Но мы такого документа не получили». («Газета польска», 8 дек.)
- Проф. Витольд Кулеша: «ИНП должен составить как можно более полный список жертв катынского преступления, а также установить фамилии преступников. Другая наша обязанность — квалифицировать это убийство как военное преступление и акт геноцида (...) Во время августовских переговоров в Москве тамошняя Главная военная прокуратура выложила на стол в качестве своего рода декорации документы по катынскому делу. Мы их быстро сосчитали. Вышло 165 томов. Между тем мы получили копии только 92 томов. Остальные нам обещали прислать, но не позволили в них заглянуть. Несмотря на несколько напоминаний, мы их до сих пор не получили (...) Когда в Москве отвергли наше мнение о том, что катынское преступление — акт геноцида, я напомнил, что на Нюренбергском процессе советский прокурор утверждал обратное». («Впрост», 12 дек.)
- По мнению заместителя министра иностранных дел России Сергея Разова и помощника президента Путина Сергея Ястржембского, катынское преступление нельзя квалифицировать как акт геноцида, ибо в подобном преступлении не может быть обвинен член антигитлеровской коалиции. Кроме того, в советских тюрьмах и лагерях сидело около 250 тыс. поляков, а в Катыни их убили «только» 22 тысячи. (Директор ИНП проф. Леон Керес, «Жечносполита», 11-12 дек.)
- «Пусть эти ракеты так устрашают противника, чтобы вам никогда не пришлось ими воспользоваться», пожелал польским солдатам министр обороны Израиля Шауль Мофаз во время церемонии передачи первой партии ракет «Спайк». Ракеты, производимые израильской фирмой «Рафаэль», будут основным противотанковым оружием польской армии. («Газета выборча», 17 ноября)
- «Президент Варшавы Лех Качинский призвал домовладельцев, жилищные кооперативы и администраторов домов помочь бездомным кошкам пережить зиму. Достаточно позаботиться о том, чтобы подвальные или чердачные двери были приоткрыты, благодаря чему животные смогут войти в теплые помещения». («Жечпосполита», 8 ноября)

Славомир Поповский

ЭТА НЕХОРОШАЯ ВАРШАВА

Когда на киевском Майдане Незалежности толпа в несколько сот тысяч человек скандировала: «Польща, Польща» [так по-украински звучит «Польша»] — кое-кто в Москве скрежетал зубами. По мнению российского политолога Сергея Маркова — одного из тех, что перед выборами лавиной ринулись на Украину, чтобы обеспечить Кремлю победу послушного кандидата, — во всем виноваты Польша и поляки. Это они, по его утверждению, «придумали» Ющенко. Они хотят, чтобы победа Ющенко придала больше весу Польше в ЕС, а это в свою очередь — на руку Вашингтону, ибо благодаря Варшаве можно будет не допустить дальнейшей интеграции Евросоюза под покровительством Франции и Германии (по мнению Москвы, более надежных союзников России. — Прим. авт.). Потому-то, как утверждает Марков, польские политтехнологи вообразили себе, что им удастся повторить переворот по образу и подобию Грузии и Сербии, и только поэтому решили отправить в Киев с посреднической миссией Квасневского и Валенсу...

Так думает и значительная часть российской верхушки, которая, обвиняя нас в якобы врожденной у поляков русофобии, сама страдает полонофобией или шире — комплексом Запада. Польшу — в соответствии с архаичным стереотипом — воспринимают исключительно как потенциального конкурента, желающего соперничать с Россией на том пространстве, которое Россия считает «своим»; Запад же, несмотря на дипломатические приемы Путина, постоянно воспринимается как враждебная сила, которая желает лишь одного: ослабить Россию и не допустить ее восстановления в качестве мировой сверхдержавы, каковой статус ей бесспорно полагается. То, что такие страны, как Белоруссия, Грузия, Молдавия или Украина, имеют право на независимость реальную, а не только в рамках, определяемых Москвой, для данной части российской верхушки не имеет ни малейшего значения. К сожалению, именно эта часть российской верхушки задает сейчас тон в политике Москвы и таким образом в очередной раз заводит ее в цивилизационный тупик.

ПУТИНУ НАНЕСЕН УДАР

Варшава одной из первых подняла тревогу в связи с фальсификацией президентских выборов на Украине и была первой, так недвусмысленно (невзирая на свои внутренние политические разногласия) выразившей поддержку Виктору Ющенко и украинской оппозиции. Более того, в значительной степени она способствовала тому, что Запад наконец-то понял, что существует предел в уступках Москве, пытающейся весьма грубо — и не считаясь с тем, что ее декларации об общих ценностях и совпадении в долгосрочной перспективе ее и европейских интересов, звучат в этом контексте странно, — подчинить себе все постсоветские государства.

Наконец — и это многие в Москве восприняли как политическую пощечину — к Варшаве, Вильнюсу и Брюсселю, а не к Москве обратились за посредничеством двое из трех главных действующих лиц конфликта. Присутствие в Мариинском дворце во время первого заседания «круглого стола» спикера российской Государственной Думы Бориса Грызлова носило скорее декоративный характер. И если он оказался среди его участников, то для того главным образом, чтобы уж не совсем раздражать Москву.

Но ни у кого не вызывает сомнения факт, что активная роль в поисках мирного разрешения внутреннего украинского конфликта принадлежит Польше — сначала Леху Валенсе, а затем Александру Квасневскому. А также — Хавьеру Солане и литовскому президенту Валдасу Адамкусу. Но прежде всего Польше. Ибо три предварительных условия соглашения сформулировал президент Александр Квасневский.

Таким образом, занятая Варшавой позиция оказалась ударом по самой чувствительной точке российской политики и по амбициям Путина, для которого главная задача — восстановить влияние Москвы на всем постсоветском пространстве.

Однако в случае с Украиной речь идет о большем. Мы воспринимаем ее как суверенное государство, в то время как для значительной части, чтобы не сказать для большинства, россиян — это всего лишь временное образование, которое смогло отделиться только в результате распада СССР и беловежского «заговора» Бориса Ельцина. Образование, которому рано или поздно придется вернуться в лоно «матушки России» — единственной преемницы прежней Руси. И не имеет значения, что древняя Киевская Русь — теперь всего лишь миф; что на ее огромных пространствах, как и во всей Европе, в XIX веке происходили процессы, в результате которых сформировались новые нации: белорусская и украинская. Россияне, попросту говоря, не хотят с этим считаться. Разумеется, они признают, что существует украинская нация, обладающая своим собственным языком, литературой, культурой и традициями, но главенствующей у них по-прежнему остается идея восточнославянского единства, сообщества, в котором России — в силу ее потенциала — должна быть обеспечена по меньшей мере позиция «старшей сестры».

ДРЕЙФ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ПРОШЛОМУ И ЗАЩИТА СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

На протяжении многих лет мы добивались хороших отношений с Россией. Президент Квасневский использовал любой предлог, чтобы отправиться в Москву, встретиться с Путиным и — после периода охлаждения — добиться перелома в наших взаимоотношениях. Началом такого перелома должен был стать визит российского президента в Польшу... А между тем перелом все не наступал. Да его и не могло быть. Хотя бы потому, что за это время изменилась сама Россия.

Под управлением Путина Москва стала явно дрейфовать по направлению к прошлому, к великодержавной политике, а мы, как и остальная Европа, либо не сумели, либо не захотели вовремя этого заметить. Мы говорили о примирении, о сближении, о завершении исторических расчетов с прошлым — в тайне рассчитывая на открывающиеся широкие возможности российского рынка, в то время как русские недвусмысленно давали понять: Польша интересует их исключительно как страна транзитная, а также как сфера возможной экспансии российского капитала, прежде всего на топливно-энергетическом рынке. В частных беседах представители крупных российских нефтяных и газовых концернов еще добавляли: «Рано или поздно мы все равно вас скупим — если не напрямую, то, как в Литве, с помощью западных фирм, на которые вы так рассчитываете...»

Как это связано с последними событиями на Украине? Самым непосредственным образом. Бартломей Сенкевич совершенно прав, задавая на страницах «Газеты выборчей» в статье «Экспортный товар Путина» вопрос: «Как долго можно не обращать внимания на "российскую лабораторию" в надежде, что выращиваемые там вирусы не выплеснутся за ее пределы? Не пришло ли время начать сильнее и решительнее выражать обеспокоенность по поводу стандартов демократии и прав человека в России?»

Это-то Варшава и старается сейчас делать, участвуя в разрешении внутреннего украинского конфликта. Однако Польша выступила не только в защиту европейских стандартов и принципов приличия, но и в защиту интересов — собственных и всей Центральной и Восточной Европы. Интересов, которые противоречат интересам России — в том виде, в каком они формулируются сегодня в Кремле. И не надо бояться говорить об этом вслух. Давайте называть вещи своими именами. Эти действия направлены не против Москвы, но, повторяю, в защиту собственных, четко выраженных интересов. Только поставив вопрос таким образом, мы можем рассчитывать на настоящий, а не мнимый, зачастую даже двусмысленный диалог.

Одним из величайших грехов нашей восточной политики была мифологизация России. Действующее в Польше пророссийское лобби — сотни и тысячи мелких и средних фирм, осуществляющих торговлю с Россией, — не устает повторять: «Не надо раздражать Москву, иначе мы потеряем огромный рынок». В этом утверждении немало правоты, но по меньшей мере столько же и фальши. Однако прежде всего есть определенная иерархия интересов, о которых политикам нельзя забывать. В отношении Москвы Гедройц и Мерошевский сформулировали эту иерархию совершенно четко: хорошие отношения с Москвой, но не за счет наших ближайших соседей, прежде всего Украины. Может быть, впервые в таком контексте наши политики — невзирая на существующие между ними идейные расхождения — применили ее на практике. И слава им за это.

RZECZPOSPOLITA

Автор — многолетний московский корреспондент газеты «Жечпосполита».

Януш Тазбир

ХРЕСТОМАТИЯ ПЕРЕД СУДОМ ПОТОМКОВ

Из полутора десятков профессоров-поляков, преподавателей Императорского Варшавского университета, созданного в 1869 г. вместо закрытого Главного училища, пожалуй, самой худшей репутацией пользовался Теодор Вежбовский (1853-1923), историк, издатель источников и библиограф. В укор ему ставили чтение лекций на русском языке по истории польской литературы (с 1882): якобы этим он вообще загубил возможность преподавать по-польски. Его лекции вызывали всеобщее возмущение: польская печать, выходившая в Австрии и Пруссии, выражала это открыто, скованная цензурой печать Царства Польского — намеками. Возмущение было еще сильнее из-за того, что предыдущий кандидат на чтение этого курса Петр Хмелёвский решительно отказался принять сделанное ему предложение, тем более что знаменитый своей политикой русификации Александр Апухтин хотел разделить курс на две части: до XV века его должен был читать поляк, а о следующих столетиях, полных конфликтов Речи Посполитой с восточным соседом, — русский.

На создание кафедры польского языка и литературы Александр II дал согласие в январе 1881 г. правда, не в качестве самостоятельной, а в составе кафедры славянской филологии. Однако и так, пишет биограф Вежбовского Э.Гацон-Домбровская, «радость польского общества была повсеместной». Ее сменило разочарование, как только стало известно, что лекции будут читаться по-русски, а не попольски, как предусматривалось первоначально. Как вспоминает один из современников, сам Александр II, по слухам, смеялся «над глупостью своих исполнителей, когда ему сказали, что польский язык полякам в их собственной стране преподается по-русски», но власти, управлявшие образованием в Царстве Польском, твердо на этом уперлись. И вот начали искать кандидата-поляка, у которого не было бы угрызений совести честного человека. «Нашли Теодора Вежбовского, человека, не лишенного научных знаний, но мерзейшего карьериста, — и сразу все свихнулось». Так писал Станислав Кшеминский, бывший член национального правительства во время восстания 1863 года. И далее: «Литература г-на Вежбовского — это литература для русских: молодежь на его курс не ходит, ибо предмет не обязательный, а лекции отпугивают». Такое же мнение выражал правовед и публицист Станислав Кошутский (1872-1930) в опубликованной многие годы спустя автобиографии. У него мы читаем, что курс Вежбовского подвергался бойкоту, так как он взялся читать его по-русски «вопреки требованиям молодежи, чтобы власти ввели преподавание этого предмета по-польски».

Разочарование, возмущение и гнев были тем более велики, что от такого курса многого ожидали. В обстоятельствах того времени, когда постановлениями Комитета по делам Царства Польского 1868-1869 гг. русский был введен в государственных школах как язык преподавания, уроки польского оставались единственным источником знаний не только о родном языке и литературе, но и о польской культуре. Намерения же властей, совершенно очевидные, состояли в том, чтобы и обучение польскому стало еще одним орудием русификации. Как пишет исследователь системы образования в Царстве Польском, «знакомить учащихся с историей польской литературы или оригинальными литературными произведениями не дозволялось». Даже польскую грамматику преподавали по-русски и в точном соответствии с преподаванием русской грамматики.

Невольно думаешь, что в каком-то смысле, хотя и в фундаментально изменившихся условиях, повторялась ситуация эпохи Речи Посполитой, когда учащиеся иезуитских коллегий, независимо от того, на каком языке говорили у них дома, были обязаны переводить латинские и греческие тексты на польский, а польские — на латинский и греческий. В результате они приобретали умение пользоваться языком Рея и Кохановского. Однако, если им это не подходило, они могли пойти в какую-то из других школ, в том числе и иноверческих, в то время как в Царстве Польском времен Апухтина мужские гимназии были только государственными (частные гимназии были разрешены лишь после революции 1905 года).

Русификация образования, проводившаяся столь безжалостно, находила свое соответствие в Пруссии, где точно так же проводилась германизация. И настолько близкое соответствие, что свою знаменитую новеллу, показывающую трагедию польского ребенка в русской школе, Генрик Сенкевич сначала напечатал в Галиции под заглавием «Из записной книжки репетитора», чтобы, изменив некоторые реалии, затем опубликовать ее с согласия русской цензуры под названием «Из записной книжки познанского учителя». Общество было возмущено и русификацией, и германизацией, тем более что с этим контрастировало положение в Австрии, где, как известно, после получения Галицией автономии наступила полная реполонизация образования — от высших учебных заведений вплоть до начальных школ. Из галицийской печати можно было также узнавать об успехах русификации и германизации в остальных двух частях разделенной Польши.

Составленный Вежбовским учебник возбуждал возмущение еще и потому, что в вышедшей раньше книге для чтения Петра Дубровского (компилятора, о котором Петр Хмелёвский писал, что тот «не чувствовал тонких различий между родственными языками — польским и русским — и допускал многочисленные ошибки против духа польской речи») вступления и примечания к отдельным произведениям давались только по-польски, по-польски и по-русски приводились заглавия вошедших в книгу для чтения отрывков, а в конце был польско-русский словарик. Не было русских объяснений и в вышедшей почти одновременно (1 изд. — 1882-1883) книге для чтения Антония Бондкевича, отличавшейся, по словам его биографа, «хорошим отбором и богатством материала». То же касается и вышедших позже «Польской книги для чтения» Юзефа Лукомского (чч. 1 и II, Варшава, 1890 и 1893) и «Хрестоматии польских писателей» Максимилиана Лышковского (ч. I, Варшава, 1895).

Общественность никогда не забыла и не простила Вежбовскому то, что его учебник до самого конца российского владычества оставался единственной книгой, содержавшей объяснения по-русски. Возмущались не только русской «оправой» польских текстов, но и помещенным в конце «Словарем архаизмов, провинциализмов, иностранных слов и латинских выражений», где все объяснения Вежбовский давал только по-русски. Вдобавок хрестоматию подготовил тот же человек, который почти одновременно стал по-русски читать лекции в отнятом у поляков университете. Таким образом, она по многим причинам не служила польско-русскому сближению, так же, как и включение в список обязательного чтения «Тараса Бульбы», о котором даже начальник пётрковской жандармерии писал в 1880 г., что учитель русского языка безо всякой необходимости заставляет читать на уроках те отрывки романа, которые «оскорбляют национальные чувства польских учащихся», ибо говорят о взаимной ненависти поляков и русских, в то время как у того же Гоголя можно найти и такие сочинения, которые «говорят о дружбе этих народов».

Напрасно Вежбовский пытался оправдать свое решение преподавать по-русски, объясняя, что еще один отказ либо вообще прикончит самую возможность курса польской литературы, либо приведет к тому, что курс поручат русскому. Он также напоминал, что его курс охватит всю историю польской литературы, а не только период до начала XVI века. Но его попытка поместить эти объяснения в тогдашней варшавской печати встретилась в 1882 г. с отказом ряда редакций. До всеобщего сведения Вежбовский сумел довести их только в начале XX века. В памяти школьников того времени он остался главным образом как автор хрестоматии по литературе для средних школ, о которой автор примечаний к «Сизифову труду» Стефана Жеромского написал, что «в результате тенденциозного подбора текстов в согласии с навязанной властями программой» она не давала «подлинной картины нашей национальной словесности». Как и книга для чтения Петра Дубровского, она, пишет комментатор, была полна сознательных искажений и очищена от «опасных» текстов, способных помешать в деле русификации молодежи.

В «Сизифовом труде» Зыгер читает один из многих, совсем неинтересный текст из хрестоматии Вежбовского. Одноклассники, видя, что начинаются обычные «национальные занудства», взялись за недоделанные уроки или попросту «кое-как укладывались подремать». Прямо перед этим чтением Зыгера учитель польского Штеттер поручает кому-то перевести на русский стихотворение Чайковского «Паук». Здесь Жеромский пользуется правами художественного вымысла: из текста романа ясно следует, что это стихотворение находится в хрестоматии Вежбовского, между тем как ни в первом (1884), ни во втором (1888) издании хрестоматии не было ни одного сочинения Антония Чайковского. Кстати, Казимеж Чаховский, автор биографии Чайковского в «Польском биографическом словаре»

(1938) включает «Паука» в число произведений, пользовавшихся широкой популярностью, в частности ввиду содержавшейся в нем похвалы упорному труду. Кроме того Мартин Борович из «Сизифова труда» родился в 1864 г., учиться в гимназии начал десятью годами позже, а закончил ее до выхода «Хрестоматии» Вежбовского.

Вышеупомянутая книга для чтения Петра Дубровского (1812-1882) никак не могла сравниться с учебником Вежбовского. Еще современники указывали многочисленные ошибки автора в грамматике и стилистике. (В декабре 1882 г. Жеромский отправил в «Газету келецку» весьма критическую заметку о хрестоматии Дубровского, но, как он и ожидал, ее не напечатали.)

Это был лишенный всякого серьезного замысла выбор текстов для чтения, рассказывающих о разных континентах, растениях, животных, а также о человеческих пороках, текстов, по преимуществу заимствованных из более ранних хрестоматий. Правда, Дубровский поместил и отрывки из произведений Игнация Ходзько, Казимежа Бродзинского, Станислава Яховича, Юзефа Коженёвского, из моральных рассуждений Яна Снядского, Юзефа Игнация Крашевского, философа и историка искусства Юзефа Кремера, но в целом это были произведения низкой художественной ценности, к тому же многие из них были способны вызвать у школьников скуку. Этому хаотическому собранию мало могли помочь «Возвращение отца» Мицкевича, «Павел и Гавел» Фредро или несколько сказок Красицкого. Хотя вышеупомянутого «Паука» мы не найдем и у Дубровского. Как вытекает из дневников Жеромского, учась в школе, он пользовался исключительно книгой для чтения Дубровского, о которой отзывался весьма критически, а вынесенные им впечатления перенес на учебник Вежбовского, фамилия которого в дневниках вообще не появляется. В Вежбовского он, окончив гимназию, не заглядывал, да и незачем было.

Несмотря на все это, книга для чтения Дубровского, скончавшегося в 1882 г., до 1890 г. дождалась целых 11 переизданий, в том числе нескольких посмертных, что следует отнести на счет замысла автора, в который входили все предъявляемые к таким учебникам требования. Принципиальная цель этих требований сформулирована уже в самом заглавии: «Польская книга для чтения с целью упражнения в переводах с польского языка на русский, с приложением польско-русского словаря». Заседавшие в органах народного образования русификаторы, должно быть, с горячим одобрением читали содержащееся в предисловии Дубровского утверждение, что сравнительное изучение двух языков (польского и русского) «чрезвычайно полезно может быть для учащейся молодежи, особенно тем, что таким образом удается увидеть близкую их друг с другом родственность, а во многих случаях различия только мнимые, вытекающие главным образом из различной письменности, то есть славянской и латинской». В школах апухтинской эпохи действительно стремились внушить учащимся убеждение, что польский — лишь один из диалектов русского, а не отдельный язык. Таким образом, Дубровский идеально воплощал мечты русификаторов об учебнике, в который «входили бы статьи польских авторов, дружественно или по крайней мере не враждебно относящихся к России» (Э.Сташинский. Царская политика народного просвещения в Царстве Польском. От восстания 1863 г. до I Мировой войны. Варшава, 1968. [Приводимые здесь и далее ссылки на литературу даются в русском переводе авторов и заглавий. — Пер.]).

Тайна многочисленных переизданий книги для чтения Дубровского состояла и в том, что учебник Вежбовского, который должен был с ней конкурировать, уже в первом издании возбудил недовольство властей. Они без особого труда расшифровали патриотический замысел и верно угадали действительные намерения автора. Им, конечно, не мешали включенные в хрестоматию в числе так называемых приложений избранные «народные песни, пословицы и поговорки, предания и легенды с разных концов Польши». На такие тексты русская цензура смотрела даже благожелательно, уверенная, что они будут служить «воспитанию чувства племенного единства всех славян». Вежбовский старательно воспользовался и «этой возможностью, чтобы посредством литературы повлиять на упрочение национального чувства среди польской молодежи» (Л.Словинский. Преподавание польской литературы в школе в 1795-1914 гг. Варшава, 1976).

В согласии с намерениями властей, которые как огня боялись систематического изложения истории литературы, в учебнике не было разделения на эпохи. Авторы приводились в хронологическом порядке, по датам рождения. Все это, однако, не слишком улучшило мнение властей о хрестоматии. Крайне бестактным, например, они сочли включение в нее гимна «С дымом пожаров...», указывая, что

эта песня считалась «национальным гимном последнего польского восстания». Вежбовский подчинился этому указанию, заменив песню отрывком из «Жалобы Иеремии» того же Корнеля Уейского. Однако в короткой заметке о жизни и творчестве Уейского он не преминул сообщить читателям, что поэт — автор хорала «С дымом пожаров...». Вступления, иногда весьма обширные, были напечатаны по-русски, но названия упоминаемых произведений Вежбовский приводил по-польски, то же относилось и к библиографическим сведениям. Разумеется, Вежбовскому пришлось отказаться от текстов, недружелюбно говоривших о «Москве» и русских, а из «Начал и развития московской войны» он привел только резкую критику той поддержки, которая была оказана Дмитрию Самозванцу, прямо называя его мошенником. Правда и то, что он обильно приводил тексты, критикующие порочное устройство Речи Посполитой, а из произведений «трех великих поэтов» [Мицкевича, Словацкого и Красинского] привел стихи сравнительно невинные и лишенные политического контекста. В стихотворении Каспера Мясковского в честь Яна Замойского он опустил строфу, славящую его победы в Ливонии, взятие Плоцка и «укрощение тирана» (Ивана Грозного), в довольно обширной биографии Яна Хризостома Пасека обошел молчанием его бои с Московией. Зато в биографии Хуго Коллонтая Вежбовский нашел нужным упомянуть, что после взятия в плен Коллонтай ушел в Австрию, где просидел в тюрьме вплоть до 1802 года. Одновременно в хрестоматию попали даже те фрагменты «Барбары Радзивилл» Алоизия Фелинского, которые когда-то так возмутили великого князя Константина.

Напомним, что еще в 1821 г. власти запретили ставить эту пьесу и запрет сохранялся до самого конца российского владычества. Да и трудно этому удивляться, если Фелинский постоянно называет поляков «свободным народом», а Вежбовский с явным удовлетворением это перепечатывает. Не случайно было и то, что в хрестоматии заняли много места отчеты с различных сеймов, на которых монарху напоминали, что «мы тебя (...) свободными голосами королем избрали». В произносимых там речах постоянно звучит напоминание о том, какие «великие свободы» получили поляки.

В период усиленной русификации почти провокацией следует считать включение в хрестоматию обширной похвалы национальному языку авторства Кароля Либельта (1807-1875). Учащиеся могли там прочитать, что язык составляет необходимое условие существования народа. «Выпусти из человека кровь, утечет с ней и жизнь его; выпусти из народа язык, утечет с ним и жизнь его. Народ жив, пока его язык жив». Чтобы противостоять этому, следует придать воспитанию «национальное направление. Так начала свое дело славная в нашей истории Комиссия образования. Да только средство слишком поздно уже было употреблено. Немощь чересчур уж возымела силу в народе, и жизнь его политическую спасти невозможно было», — писал Либельт. Из текста ясно вытекало: речь идет о том, что Речь Посполитую стерли с политической карты Европы. Правда, он был сильно порезан — например, пришлось убрать слова о том, что «из потерпевшего крушение национального корабля на одной ладье языка нашего можем мы спастись от полного уничтожения».

Похвалам польскому языку и Комиссии образования сопутствовала в хрестоматии похвала Конституции 3 мая пера Юзефа Шуйского. Гимназисты, воспитанные на полонофобском учебнике истории Иловайского, могли с изумлением, но и удовлетворением прочитать в отрывке из его текста «Былая Речь Посполитая и ее эпигоны», в чем состояло величие этого закона: в том, что он «отступил от слепого идолопоклонства» перед былыми формами Речи Посполитой и сумел «практически взять из старого все, что было хорошего и отвергнуть — что плохого, принять из-за границы все, что было хорошего, но загранице не подражать; что она вышла готовая, самородная, практическая, как Минерва из головы Юпитера». И очень плохо, что позднее, когда миновали «первые дни Княжества Варшавского и Царства [Польского]», не оказалось поколения, «оживленного творческим и практическим духом 3 мая». В той же статье мы найдем похвалу галицийской автономии и, что еще важнее, определение Речи Посполитой времен Саксонской династии «как заезжей корчмы войск Фридриха и России (!)».

Из Мечислава Романовского в хрестоматию включен отрывок из эпопеи «Девушка из Сонча», повествующий о войне со шведами во время «потопа», зато в краткой биографии автора читаем, что он погиб «в стычке под Юзефовом 24 апреля 1863 года». Кстати, его стихотворение «Когда же» упоминает Стефан Жеромский в «Сизифовом труде»: Мартин Борович находит его на страницах альбома пансионерки, куда стихи вписала его любимая Бирута. Если бы он внимательней перелистал хрестоматию Вежбовского, то узнал бы, где и когда погиб поэт...

Следует признать и подчеркнуть, что Вежбовскому удалось включить в хрестоматию писателей, скончавшихся в эмиграции, таких, как Ленартович, Лелевель, Словацкий, Мицкевич. Правда, из Иоахима Лелевеля приведен лишь небольшой отрывок из «Исторической параллели Испании с Польшей», зато в обширном вступлении находится перечень его важнейших работ, в том числе изданных в изгнании. В его биографии сказано, что в 1831 г. он «покинул» Польшу и с тех пор до самой смерти жил в Париже. Вежбовский не преминул упомянуть в биографии Юлиана Немцевича, что, взятый в плен под Мацеевицами и освобожденный затем императором Павлом I, он потом отправился через Швецию и Англию в Америку, а в 1813 г. покинул Польшу и умер в Париже. Только в биографии Словацкого мы обнаружим уклончивое сообщение о том, что в 1831 г. он выехал из Варшавы «точно неизвестно, по какой причине» (!). О Теофиле Ленартовиче написано, что в начале 1850-х он выехал сначала во Францию, а затем окончательно поселился в Италии.

В биографии Мицкевича сказано, что в 1824 г. ему назначили местопребыванием Москву, а в 1829 г. он выехал за границу. В хрестоматии поэту посвящены целых 16 страниц, на которых мы найдем, в частности, отрывки из «Крымских сонетов», «Фариса», «Гражины», «Конрада Валленрода», І части «Дзядов» и из [парижских] лекций о славянских литературах. Словацкому отведено только 10 страниц, включающих отрывки из «Часа мысли», из поэмы «В Швейцарии» и из «Отца зачумленных». Зигмунт [Сигизмунд] Красинский представлен на 17 страницах как автор «Прощания с Италией» и нескольких более мелких произведений (в частности «Псалма веры»), а также эпилога драмы «Иридион».

Под нажимом цензуры Вежбовский «почистил» следующее издание: из 600 страниц осталось 464. Выпали, в частности, Галл Аноним, Винценты Кадлубек, Янко из Чарнкова, Анджей Кшицкий и Анджей Рысинский, но основной канон остался неизменным. Зато прибавились Сигизмунд Милковский (отрывок из романа «Ускоки»), Мария Конопницкая (два стихотворения) и Генрик Сенкевич («Янко-музыкант»). Не могли, разумеется, остаться и вышеупомянутые похвалы Шуйского майской конституции — впрочем, его текст «Былая Речь Посполитая и ее эпигоны» был убран целиком. Не помогло и содержащееся в нем (в соответствии со взглядами всей краковской школы историков) осуждение польской склонности к анархии, которая довела Речь Посполитую до крушения. История Польши Михала Бобжинского, где провозглашались такие же взгляды, потому-то и получила цензурное разрешение в Царстве Польском, что вызвало язвительный комментарий Жеромского в том же «Сизифовом труде». Исчезла и «Лумка изгнанника» Ленартовича, описывающая тоску ссыльного по родным краям. В герое легко было угадать одного из сибирских каторжников. Вежбовский заменил «Думку» лишенным политического звучания «Золотым кубком» того же Ленартовича. И тут автор хрестоматии поначалу использовал политическую наивность цензора, так как Ленартович стал знаменит благодаря резкому ответу на объявленное российским императором помилование польской эмиграции, озаглавленному «Изгнанники к народу» (1850) и выражавшему патриотический протест против какого бы то ни было компромисса с оккупантом. Правда, «Думка изгнанника» была напечатана в петербургских «Избранных стихотворениях» Ленартовича два года спустя после его смерти (1893), но в сильно порезанном виде, без заключения, говорящего, откуда раздается этот голос. Биографию Ленартовича Вежбовский перепечатал во втором издании хрестоматии в неизмененной форме. Однако в этом издании Мицкевич «занимал намного больше места, чем в какой-либо другой книге для чтения из использовавшихся до того времени в русских гимназиях» (Л.Словинский, цит. соч.). Изменения состояли только в том, что место «Романтичности» занял «Гимн на день Благовещения Пресвятой Деве Марии», прибавлены «Три Будрыса» и вступление к «Пану Тадеушу», где было верно сохранено обращение «Литва, отчизна моя!», — заметим, что в Галиции нередко или вообще опускали первые четыре строки, или заменяли Литву Польшей. То, что принимала русская цензура (великий польский поэт называет своей отчизной Литву), видимо, шокировало некоторых его галицийских соотечественников.

Даже в несколько порезанном виде второе издание хрестоматии (1888) не могло встретить одобрения органов народного просвещения, ибо по существу в ней выступал основополагающий канон польской литературы, где то и дело звучал патриотизм авторов, — поэтому куратор Варшавского учебного округа потребовал выбросить еще ряд отрывков. Вероятно, уступки Вежбовского мало помогли бы, раз Апухтин еще в письме от 15 июля 1884 г. прямо констатировал, что этот учебник стремится протащить историю Польши, возбуждает национальные чувства и национальную гордость. В хрестоматии усмотрели тексты не только безразличные в отношении России, но и прямо ей враждебные. В результате на полтора десятка лет пришлось вернуться к учебнику Дубровского, а хрестоматия Вежбовского была изъята из школьного употребления.

Сверхлояльная позиция, которую занимал Вежбовский, привела к тому, что комиссия по программам обучения Варшавского учебного округа 1 сентября 1900 г. постановила, пока не будут составлены и утверждены полностью пригодные учебники, допустить к использованию в гимназиях хрестоматии вышеупомянутых авторов (Бондзкевича, Лукомского и Лышкевича), а также второе издание хрестоматии Вежбовского. О книге для чтения Дубровского в протоколе вообще не упоминалось.

Следует отметить, что благодаря своей далеко идущей лояльности Вежбовский сделал карьеру на царской службе, заняв, в частности, должность директора Главного архива древних актов в Варшаве.

Будучи с 1898 г. членом комиссии по обучению польскому языку и литературе, Вежбовский часто оказывался в конфликте со своими русскими коллегами, ибо постоянно и последовательно боролся за расширение преподавания польского, что признаёт даже настроенный против него Волынский в своих «Воспоминаниях времен русской школы в бывшем Царстве Польском» (Варшава, 1936). В марте 1905 г. на заседании ученого совета Варшавского университета Вежбовский выдвинул довольно демонстративное предложение освободить от дисциплинарной ответственности студентов — участников недавнего митинга протеста. Более того, он добивался введения преподавания польской истории и литературы, а также правоведения по-польски. Он требовал также выделить полякам половину университетских должностей и поляка поставить ректором. Это предложение, разумеется, не нашло поддержки у его русских коллег. Вместе с Игнацием Хшановским и Самуэлем Дикслемом Вежбовский вошел в состав комитета, готовившего создание Варшавского научного общества.

Однако в польский Варшавский университет, возрожденный в 1915 г. [после занятия Варшавы немцами], Вежбовского не взяли. Он умер 19 декабря 1923 г., оставаясь, пишет его биограф, «в глазах широкой общественности тем, кто запродал царскому правительству национальное дело». По-видимому, мало кого убедил некролог, написанный Пшемыславом Домбковским, где говорится, что Вежбовский после обретения Польшей независимости испытал немало незаслуженных обид от своих соотечественников. Но история воздаст ему по справедливости, ибо его защитят его собственные труды, которыми он «обрел право на почетное звание: хорошо послуживший отчизне».

Большинство открытий в гуманитарных (и не только гуманитарных!) науках вытекает, как известно, из плохого знания литературы предшественников. Не желая подтверждать этот тезис, хочу отметить, что, пожалуй, первым исследователем, который обратил внимание на своеобразный «валленродизм» Вежбовского, был Лех Словинский. В 1975 г. этот ученый обратил внимание на то, что Вежбовский включил в свою хрестоматию ряд текстов, не встречавшихся у его предшественников. «В ряде случаев ему удалось перехитрить цензуру и включить в учебник произведения, весьма ценные с национальной точки зрения». Поэтому в руках хорошего учителя хрестоматия Вежбовского совсем не обязательно становилась орудием русификации. Более того, вопреки намерениям оккупанта она служила «укреплению национального чувства среди учащихся-поляков».

Словинский удивляется слепоте цензуры, которая позволила опубликовать в хрестоматии Вежбовского произведения, тематически связанные с освободительной борьбой поляков в XIX веке. В «оправдание» царских контролеров печатного слова можно напомнить, что тексты, включенные в хрестоматию, были отрывками, изъятыми из общего контекста. Сами по себе они звучали на вид невинно, ибо не содержали открытой похвалы вооруженной борьбе за независимость или призывов к новому восстанию. «Неблагонадежной» могло быть, таким образом, только все остальное творчество включенных в хрестоматию писателей и их более чем явственно ощутимая патриотическая тенденция. Не один только Жеромский выносил приговор хрестоматии Вежбовского, не заглядывая в нее. То же самое относится и к анонимному автору примечаний к «Сизифову труду», который в издании романа 1973 г. написал, что «эта хрестоматия, приспособленная к реакционной программе обучения, не давала учащимся даже приблизительного понятия о величии и богатстве польской литературы». Это примечание — за исключением лишь слов «приспособленная к реакционной программе обучения» — повторено в новейшем издании романа (2000). Видно, царские власти верней расшифровали содержание хрестоматии, чем наш современник-комментатор...

Борис Успенский

николай і и польский язык

Публикуемый документ* (который представляет собой брошюру без обозначения выходных данных с грифом «Секретно» на титульном листе) был в свое время случайно обнаружен автором этих строк в московском букинистическом магазине на Кузнецком мосту среди разного рода оттисков и разрозненных повременных изданий. Несомненно, он появился после польского восстания 1863-1864 гг., когда, в контексте общей политики русификации польского населения Российской империи, предпринимается попытка перевести польскую письменность на кириллицу. В 1865-1869 гг. появляется ряд учебников для начальных школ на польском языке, напечатанных кириллицей; такие учебники были изданы сначала в Санкт-Петербурге и затем в Варшаве. Публикуемый нами документ — по всей видимости, это служебная записка, составленная в Министерстве народного просвещения, — излагает предысторию этой попытки; таким образом, документ этот с уверенностью можно датировать 1864-1865 гг.; скорее же всего, он относится к 1864 году.

Как следует из данного источника, предложение об использовании в польском языке русской азбуки было выдвинуто двадцатью годами раньше. В 1844 г. министр народного просвещения граф С.С.Уваров и наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал граф И.Ф.Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский, обратились к императору Николаю I с «предположениями... о средствах к приведению в действие мысли о применении русской азбуки к польскому языку».

По высочайшему повелению был создан комитет для рассмотрения этой проблемы: выбор членов комитета был предоставлен С.С.Уварову. Первоначально предполагалось привлечь к этой работе одного из ученых Царства Польского, однако Уваров возражал против этого, заявив, что подобное назначение придало бы делу «особую гласность». Работа эта была приостановлена в 1845 г. и затем возобновлена в 1852 году.

Из нашего источника не видно, кому именно принадлежала «мысль о применении русской азбуки к польскому языку»: между тем есть основания полагать, что она исходила от самого императора, который и явился, тем самым, фактическим инициатором данного проекта. По словам А.П.Щербатова, биографа Паскевича: «В стремлении Государя к слиянию, хотя бы внешнему, Царства Польского с Империей у его Величества в 1844 году явилась мысль о замене польской азбуки русскою. Фельдмаршал [Паскевич], исполняя волю Государя, предложил министру народного просвещения Уварову образовать особый комитет из ученых, хорошо знающих славянские наречия, которым и поручил исполнение мысли Государя». Характерно в этой связи, что еще до создания комитета О.А.Пржецлавский составил специальную записку о трудностях, которые могут встретиться при осуществлении этого дела; надо полагать, что предложение Николая стало ему известно. Эта записка была доложена императору, и он распорядился привлечь Пржецлавского к работе над данным проектом.

Впоследствии, как мы увидим, Николай I принимает непосредственное участие в работе над новой польской орфографией, которая призвана была заменить традиционную польскую орфографию, основанную на латинском письме.

Оба государственных деятеля, которым было поручено осуществление данного проекта в 1844 г., известны как протагонисты самодержавия. Уваров был автором знаменитой формулы «Православие, Самодержавие, Народность» (1832 г.); достойно внимания при этом, что эта формула, ставшая девизом русской государственности, была провозглашена сразу же после польского восстания 1830-1831 гг. Паскевич вошел в историю как усмиритель этого восстания (за что и получил титул светлейшего князя с наименованием Варшавского). Выдвинутое предложение вполне соответствовало ру-

^{*} Статья представляет собой вступление к публикации документа «О предложениях заменить в польском языке латынский алфавит русскою азбукою», который мы (за недостатком места) не помещаем. Заинтересованные лица могут обратиться к первой публикации в журнале «Die Welt der Slaven», XLIX, 2004. По той же причине опускаем примечания. — *Ped*.

сификаторской политике николаевского царствования. Одновременно оно отвечало и славянофильской идеологии, и характерно, что император, распоряжаясь о создании специального комитета, который должен был заняться этим вопросом, ссылается на А.С.Шишкова: «Так как покойный адмирал Шишков, сколько известно, занимался этим предметом, то предлогом к назначению комитета должно быть продолжение ученых по этому предмету занятий покойного Александра Семеновича, не давая этому делу вида политического». Последующие попытки комитета, образованного по повелению Николая I, обнаружить какие-либо сочинения «почтенного славянофила» (А.С.Шишкова), посвященные этому вопросу, не увенчались успехом; вместе с тем из слов императора следует, что ссылка на продолжение ученых трудов Шишкова являлась лишь предлогом к назначению комитета, который должен был скрыть политическую подоплеку этого предприятия.

Использование русского алфавита становится таким образом знаком идеологической программы. Эта программа представляет собой в сущности не что иное, как реализацию уваровской формулы «Православие, Самодержавие, Народность».

о предположенияхъ

3 A M B H H T b

ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКЪ ЛАТИНСКІЙ АЛФАВИТЪ РУССКОЮ АЗБУКОЮ.

Бывшій намѣстникъ Царства Польскаго киязь Варшанскій графъ Паскевичь-Эриванскій сообщиль бывшему министру народняго просвітненія графу Уварову, отть ¹¹/₂₃ мая 1844 года за Ж 36, что по всеподаннійшему докладу предположеній обочиль сихъ лить о средствахъ къ приведенію въ дійствіе мысли о примѣненія русской азбуки къ польскому языку, Его Императоское Вълчество, вполиб одобривъ мысли килзя Паскевича и графа Уварова, Высочайше повсліть сооднольнь.

- 1) Составить на этотъ конецъ из С. Петербургѣ, по выбору графа Уварова, особый комитетъ изъ лицъ, посвятившихъ себя плучевію славянскихъ варѣчій и вполить съ ними ознакомленныхъ, пригласивъ въ этотъ комитетъ статскаго совѣтника Пржецлавскаго, составившаго записку о трудностихъ, какія въ этомъ дѣлѣ встрѣтиться могутъ, которая бъла поверглема на Высочайшее возърѣніе министромъ статсъ-секретарелъ Туркуломъ.
- Въ составъ комитета, если окажется нужнымъ, назначить одного члена изъ ученыхъ Царства Польскаго, извъстивищаго познаніями своями въ славляскихъ нартчіяхъ.
- Такъ какъ покойный адмираль ППишковъ, сколько извъстно, занимался этямъ предметомъ, то предлогомъ къ назначенно комитета должно бытъ продолжение ученыхъ по этому предмету занятий покойнаго Александра Семеновича, не давая этому дълу вида политическаго.
 - 4) По окончанія трудовь комитета, чтобы діло это, съ общинь

Действительно, русская азбука воспринимается прежде всего как азбука славянская (специально созданная для славянского населения) — в отличие от интернационального латинского алфавита; поскольку поляки являются славянами, им и надлежало бы пользоваться славянским алфавитом. Далее, это азбука, принятая в Российской империи, и это также делает оправданным переход на нее в польских губерниях (совершенно так же впоследствии в Советском Союзе все народы, за исключением прибалтийских, должны были перейти на русский алфавит). Наконец, русская азбука противостоит латинской по конфессиональному признаку, как православная католической (подобно тому, как противопоставлены в этом отношении сербский и хорватский языки), и характерно, что впоследствии (в 1852 г.) министр народного просвещения князь П.А.Ширинский-Шихматов заботится о том, чтобы к рассмотрению данного вопроса были привлечены специалисты по польскому языку и литературе православного вероисповедания (см. ниже). Все это отвечает уваровской формуле.

Необходимо напомнить, что уже Петр I относился к алфавиту (собственно говоря, к начертаниям букв) как к средству выражения идеологической программы. Как известно, в 1710 г. он вводит новую — гражданскую — азбуку, которая была призвана обслуживать новый литературный язык, открытый для иностранных влияний и предназначенный для новой, европеизированной России. Противопоставление церковной и гражданской азбуки соответствовало, с одной стороны, противопоставлению церковнославянского и гражданского русского языка, с другой же стороны, — противопоставлению греческого и латинского алфавита. Петр принимал самое непосредственное участие в работе по определению формы новых букв, считая это делом первостепенной государственной важности: новые формы букв знаменовали новую культурную ориентацию — ориентацию на Западную Европу. Характерно при этом, что начертания гражданских букв оказываются приближенными к латинице: гражданская азбука

выступала в сущности как латинизированный вариант славянского алфавита. Не случайно в гражданском письме были устранены просодические знаки, которые приняты как в греческом, так и в церковнославянском, — только потому, что их не было в латыни (и Петр специально настаивал на устранении этих знаков в гражданском письме).

Позиция Николая I и его сотрудников в какой-то мере напоминает позицию Петра I: так же как и Петр, Николай считает вопрос об алфавите вопросом первостепенной государственной важности и принимает непосредственное участие в работе над этим вопросом. Вместе с тем акценты меняются: на этом этапе алфавит оказывается средством выражения не столько культурной, сколько собственно политической ориентации. Соответственно, русская гражданская азбука противостоит сейчас азбуке латинской как средство выражения именно русской национально-государственной идеологии. В этих условиях противопоставление церковнославянского и русского гражданского алфавита (столь актуальное для Петра I) оказывается нерелевантным, и, напротив, первостепенное значение приобретает противопоставление русского и латинского письма.

Эта идеологизация письма в конечном итоге не ограничивается собственно графикой, т.е. начертаниями букв, и распространяется на орфографию: графика и орфография оказываются при этом органически связанными друг с другом.

Так, в частности, применение к польскому языку русской азбуки ставит вопрос об использовании еров (букв ъ и ь). Это становится предметом обсуждения. Первоначально (в проекте 1844 г.) предполагалось обозначать смягченные согласные надстрочным знаком, как это принято в польской орфографии; это предложение мотивировалось соображениями о неприменимости к польскому языку русского способа обозначения палатализации. Так, в журнале комитета, представленном 26 сентября 1844 г., говорится: «Смягчение согласных обозначать надстрочными знаками, как было в польском»; и далее в журнале от 20 октября 1844 г. (представленном 19 января 1845 г.) следует подробное рассуждение о том, как неудобно было бы употреблять вместо этого русскую букву в. Наряду с этим в журнале 26 сентября 1844 г. предписывается «согласные твердые в конце слов не обозначать ъ». Тем не менее в проекте 1852 г., представленном на рассмотрение Николая I и в целом заслужившем его одобрение, предлагается «русское в употреблять на место надстрочного польского знака»; о букве в здесь прямо не говорится, но, судя по приводимым примерам она должна была ставиться в польских словах на конце слова, если слово оканчивалось на твердый согласный, — в полном соответствии с нормами русской орфографии.

Вопрос об использовании буквы ъ был актуальным и для русского языка. Вскоре после создания русской гражданской азбуки раздаются голоса, призывающие исключить эту букву из алфавита. Нападки на букву ъ, начавшиеся в первой половине XVIII в., продолжаются и в XIX в., и таким образом эта буква выступает как символ русского графического консерватизма: не случайно буква ъ на конце слова исчезает сразу же после революции. Замечательным образом в данном случае русский орфографический консерватизм распространяется и на польские тексты.

Польский принцип обозначения палатализации сохраняется в проекте 1844 г. и при противопоставлении твердого и мягкого. Как известно, в польском языке обозначение твердости в данном случае маркировано: буква *l* сама по себе обозначает мягкую фонему, тогда как ее твердый коррелят обозначается специальным образом — как *l* («л перечеркнутое»). В проекте 1844 г. польская буква *l* передается как л, а польской букве *l* соответствует обозначение ň (т.е. л со специальным надстрочным знаком). Так, в журнале комитета от 20 октября 1844 г. читаем: «Польское *l* имеет двоякое произношение: твердое, выражаемое прочеркнутым латинским *l* и мягкое (но не в такой степени, как русские ле, ля и проч.), обозначенное буквою *l*. Для отличения на письме твердого л от мягкого комитет предлагает к русскому л присовокуплять знак придыхания (spiritus asper) ň, напр[имер] *laska* — ляска, *laska* — ласка». Между тем в проекте 1852 г. это противопоставление обозначается в соответствии с русским принципом различения твердых и мягких согласных — при помощи последующей буквы, обозначающей гласную, или же с помощью букв ъ и ь; иначе говоря, противопоставляются написания ла и ля, ль и ль и т.п. Польское *l* перед гласными *e* и *e* передается при этом через э: былэмъ, глэмбоки и т.п.; здесь надо заметить, что в проекте 1844 г. предлагалось вообще отказаться от буквы э в польском письме.

Достаточно показательна и трактовка носовых гласных. Комитет 1844 г. вынес следующее определение: «Но[со]вые гласные *q* и *q* не могут быть заменены русскими буквами, по недостатку самых звуков в русском языке. Поэтому комитет находит полезным оставить эти знаки в их прежнем виде и значении».

Такой же вывод был сделан и комиссией 1852 г.: в проекте, представленном на рассмотрение императора, предлагалось «носовые польские гласные q и e (он и ен) сохранить как незаменимые». Николай, однако, не согласился с этим заключением, отметив в этом месте: «вернее так и писать», т.е. предложив писать вместо польских носовых гласных сочетания он и ен. При этом он собственноручно исправил слова вонсы (wąsy «усы»), сконпы (skąpy «скупой»), вензел (węzeł «узел»), бенбенъ (bęben «барабан»). Николая отличала вообще исключительная самоуверенность, проявляющаяся, в частности, и в языковых вопросах. Тем не менее необходимо признать, что его предложение под определенным углом зрения может считаться не лишенным смысла. С точки зрения польского языка это предложение трудно признать удачным, поскольку предлагаемое им написание не соответствует характеристике воспроизводимых гласных. Однако с точки зрения русского языка оно не лишено оснований, поскольку отвечает русскому восприятию этих гласных: так слышатся польские носовые гласные русскому уху, что отражается в передаче польских фамилий (например, Ленский, Глембовский и т.п.), в написании полонизмов (например, вензель), и т.п. Следует добавить, что в некоторых позициях (а именно перед смычными согласными и аффрикатами) носовые гласные произносятся как сочетание чистой гласной с носовым согласным, и для таких позиций правописание он, ен могло бы считаться оправданным.

Отказ от введения в русскую азбуку букв q и ϵ позволял, далее, отказаться и от буквы j, которая была предложена как в проекте 1844 г., так затем и в проекте 1852 г. «для смягчения следующих за нею гласных е и о и носовых q и е» (авторы проекта 1852 г. ссылались при этом на наличие буквы ј в сербской азбуке). Против этого места император отметил: «не нужно, ибо выразить можно и нашими литерами: e и без того произносится как i и e слитые вместе, поэтому писать: edenb (один), iodna(ель), паіонкъ (паук), ензыкъ (язык)». Итак, авторы проекта 1852 г. предлагали передавать польские формы jeden, jodła, pająk, język как едень, iодла, naiонкь, ензыкь; такое написание ближайшим образом соответствует исходному написанию польских слов. Мы имеем в данном случае нечто близкое к транслитерации польских словоформ; между тем Николай предлагает их транскрипцию. В самом деле, звучание таких польских слов как jeden или jodła вполне может быть передано при помощи графем e или io, поскольку гласному, обозначаемому этими графемами, в начале слога обязательно предшествует протетическая йотация. Буква ј в подобных случаях оказывалась ненужной: она была необходима, однако, при передаче таких польских написаний, где за буквой ј следовала буква, обозначающая носовую гласную. Отказ от введения в русскую азбуку букв q и e с заменой их, соответственно, сочетаниями ен и он решал эту проблему, позволяя избежать употребления буквы ј. Общая тенденция отказа от ориентации на польскую орфографию может быть прослежена и в других случаях. Характерно, например, что оба проекта предписывают писать польское сочетание szcz как щ, а не как шч, хотя П.И.Прейс предлагал употреблять в этом случае шч. Использование сочетания шч отвечало бы польской орфографии, поскольку сочетание szcz состоит из sz и cz, которые передаются соответственно как ш и ч.

Как проект 1844 г., так и проект 1852 г. предполагают сохранение польского \acute{o} с надстрочным знаком, например, $\kappa p \acute{o} n b$ и т.п., однако Николай I в этом месте отметил: «писать y вернее» — и исправил форму $\kappa p \acute{o} n b$ на $\kappa p y n b$. Одновременно Николай возражает против передачи польского сочетания rz русской буквой $\not p$ с надстрочным знаком, отмечая при этом «вернее прописывать p m c». Если предложение писать y на месте польского \acute{o} может быть оправдано фонетически (польские буквы u и \acute{o} читались одинаково), то предложение писать p m c на месте польского rz не может объясняться таким образом: польское rz совпадало по звучанию с \acute{z} , и при ориентации на произношение логично было бы предложить писать m c как на месте m c, так m c на месте m c. По-видимому, Николай просто-напросто стремился избавиться от надстрочных знаков, столь характерных для польской орфографии. Действительно, в проекте 1852 г. надстрочные знаки сведены к минимуму. Отметим в этой связи, что если проект 1844 г. сохраняет польское написание \acute{e} для передачи закрытого гласного [е] (буква \acute{e} была принята в польском правописании до 1891 г.), то проект 1852 г. передает обе польские буквы -e и \acute{e} - одинаково через e.

Проекты 1844 и 1852 гг. различались и в отношении воспроизведения польской буквы h. В проекте 1844 г. предлагалось передавать эту букву «посредством ε с надстрочным знаком», а именно как F. Между тем в проекте 1852 г. предлагалось передавать как g, так и h одной и той же русской буквой ε , что отвечает традиции транслитерации иностранных имен в русском языке (ср. передачу Hamburg как Fambourg, Heine как Fambourg и т.п.).

Итак, предложение перевести польскую письменность на кириллическую основу в конечном счете приводит к еще более радикальному предложению: писать по-польски в соответствии с навыками русского письма — или, иначе говоря, в соответствии с принципами русской орфографии. Из нашего источника наглядно видно, как именно это происходит.

Мы видим, что деятельность комитета, созданного по инициативе Уварова и Паскевича в 1844 г., не привела к практическим результатам. Как кажется, сама идея предполагавшейся реформы вызвала противодействие некоторых членов комитета, которые подчеркивали трудности, возникающие при ее осуществлении. При этом они обращали внимание на несовершенство самой русской азбуки («недостаточность русского алфавита») применительно к поставленной задаче. Так, О.А.Пржецлавский полагал, что «русская азбука в теперешнем своем составе не в состоянии выразить многих звуков, свойственных польскому языку», отмечая, что она неспособна сделать это и в отношении других иностранных языков и далее в отношении «малороссийского наречия». «Принятие русской азбуки для польского наречия, — утверждал при этом Пржецлавский, — не может соответствовать главному условию всякого нововведения, пользе, и (...) перемена эта могла бы быть введена постепенно и со временем. Надежнейшею посредницею в том послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно. Теперь еще знакомство это довольно слабо, хотя в последнее время и стали обнаруживаться симптомы вожделенного сближения сего». Таким образом, Пржецлавский возражал против искусственного решения данного вопроса административным путем, считая, что переход польской письменности на кириллическую основу мог бы быть результатом естественного процесса сближения поляков и русских. Еще более радикальную позицию занял П.И.Прейс. По его словам, «приложение нынешнего состава гражданского письма к какому-либо славянскому диалекту невозможно без существенных изменений настоящей системы писания и без усовершенствования ее». Прейс указывал на пример сербского языка, для которого «создана уже из элементов кирилловского алфавита система правописания, самая совершенная и самая простая из всех славянских». «Преобразование польского нынешнего алфавита, основанное единственно на замене одного недостаточного алфавита другим, также не удовлетворительным, — заявлял Прейс, — потрясет во многих славянских племенах доверие к письмам [т.е. буквам] св. Кирилла и Мефодия и надолго отдалит эпоху соединения славян в этом важном деле».

Обобщая мнения, высказанные членами комитета, Уваров вынужден был признать, что «мысль заменить в польском языке латинскую азбуку русскими буквами, сколько бы ни казалась она заманчивою, при осуществлении своем представляет такие затруднения, которые оказываются непреодолимыми»; затруднения эти могут быть устранены «не иначе как разве с течением времени и при совершенном слиянии двух народов, двух отраслей одного корня». «Чтобы выразить звуки польского языка русскими буквами, надобно будет прибегнуть и к изобретению новых, доселе неупотребительных знаков, и к заимствованию букв из других алфавитов, напр[имер] латинского, т.е. составить особый алфавит; эта новая азбука будет совершенно чужда полякам и в значительной части непонятна русским (...) Всякое изобретение нового алфавита бывает успешно только при первоначальном возникновении письменности у народа; изобретение его, и даже нововведение значительное, в эпоху позднейшего развития всегда останется попыткою неуспешною, всегда будет анахронизмом; по крайней мере история языков не представляет нам примеров подобного явления». Мы едва ли ошибемся, предположив, что эта последняя формулировка отражает мысли Прейса.

На этом комитет Уварова и Паскевича закончил свою работу, однако дело на этом не закончилось. В начале 1852 г. Николай I пожелал узнать, «на чем остановилось производившееся в Министерстве народного просвещения дело о применении русской азбуки к польскому языку». Отвечая на этот запрос, князь П.А.Ширинский-Шихматов, сменивший в конце 1849 г. С.С.Уварова на посту министра народного просвещения, во всеподданнейшей докладной записке высказал мнение, «что исполнение означенного предположения не представляет непреодолимых затруднений и что опыт применения русской азбуки возможен и в настоящее время»; можно предположить, что это мнение, явным образом противопоставленное заключению Уварова, было инспирировано очевидной заинтересованностью императора в положительном решении данного вопроса. Не дожидаясь распоряжения императора, Ширинский-Шихматов сразу же поручил разработку данного вопроса «двум русским православного вероисповедания», а именно К.С.Сербиновичу и П.П.Дубровскому, и предложил напечатать рус-

ской азбукой хрестоматию из произведений польских писателей, издав ее «от имени профессора Дубровского как частный труд его (...) Такая книжка могла бы даже быть разослана в библиотеки учебных заведений в виде пожертвования или приношения в пользу их со стороны профессора Дубровского, нисколько не обнаруживая участия в этом деле правительства». Это предложение удостоилось одобрения Николая I, который 5 января 1852 г. положил на докладной записке Ширинского-Шихматова следующую резолюцию: «очень можно, и полагал бы потом вводить во всех воспитательных заведениях взамен нынешнего букваря». Такая книга вскоре — через два месяца! — и была издана от имени П.П.Дубровского (его фамилия была обозначена инициалами П.Д.); книга вышла в частной типографии К.Края. Она основывалась на правилах воспроизведения польских текстов, предложенных Сербиновичем и Дубровским и отредактированных лично Николаем I, который, как мы видели, внес в эти правила ряд существенных изменений. В соответствии с резолюцией императора Ширинский-Шихматов распорядился снабдить экземплярами этой книги польские учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения, «преимущественно состоящие в Царстве Польском и в губерниях, возвращенных от Польши [т.е. в Западном крае]».

До сих пор считалось, что Дубровский издал эту книгу по своей инициативе: в ней видели обычно проявление панславистских интересов автора. Участие в этом деле правительства оставалось исследователям неизвестным — так же, как и то, что Дубровский не был единственным исполнителем этого политического заказа. Тем более никто не предполагал, что книга эта основывается на правилах польского письма, разработанных при личном участии Николая I.

Как видим, проект 1844 г. (комитета Уварова и Паскевича) и проект 1852 г. существенно различаются по поставленным задачам. В самом деле, проект 1844 г. был предназначен для поляков: речь шла о том, чтобы перевести польскую письменность на кириллическую основу, и, соответственно, создаваемая система транслитерации была максимально приближена к польской. Речь шла о реформе в области графики, но не в области орфографии, и члены комитета 1844 г. могли исходить из того, что соответствует и что не соответствует свойству польского языка: оказывалось, например, что способ обозначения палатализации, принятый в русском языке, для польского языка неудобен, и т.п. Характерно в этом смысле, что учредители комитета 1844 г. считали необходимым участие в работе поляков. Между тем в 1852 г., как мы видели, дело было поручено «русским православного вероисповедания».

Проект 1852 г. (комиссии Ширинского-Шихматова) ставил перед собой совершенно другие задачи: согласно программе Ширинского-Шихматова, речь шла прежде всего об ознакомлении русских с «замечательнейшими произведениями польской литературы». Вполне возможно, что Ширинский-Шихматов исходил при этом из мысли, высказанной в процессе работы над проектом 1844 г.: говоря о том, что переход на русский алфавит может быть осуществлен лишь «постепенно и со временем», Пржецлавский в свое время замечал: «надежнейшею посредницею в том послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно» (см. выше); этой задаче и должна была, по замыслу Ширинского-Шихматова, служить издаваемая книга — первая польская книга, напечатанная русскими буквами.

Соответственно, проект 1852 г. был предназначен — по крайней мере, по видимости — для русской аудитории, и книга, изданная под именем Дубровского, носила название: «Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ для русскихъ». «Изучение польского языка для русских нетрудно..., — говорилось в предисловии к этой книге. — Только употребление поляками латинских букв препятствует, чтобы польский язык сделался для нас доступным». С этой точки зрения оказывалось уместным и оправданным использование принципов русской орфографии при воспроизведении польских текстов. Вместе с тем данную книгу с самого начала предполагалось распространять в польских учебных заведениях. В докладной записке князя Ширинского-Шихматова от января 1852 г. речь шла о рассылке ее по библиотекам «как опыта литературного сближения двух языков одного корня», который должен был показать полякам саму возможность подобной реформы.

Создается впечатление вообще, что у Ширинского-Шихматова не было собственных взглядов по данному вопросу. Инициатива принадлежала не ему. Он создал комиссию, предвосхищая желание императора. Представлялось ясным, что Николай I остался неудовлетворенным докладной запиской Уварова и желал бы, чтобы дело было продолжено. Ширинский-Шихматов ознакомился с работой комитета 1844 г. и отвечал на запрос императора так, как от него ожидали; при этом он воспользовался мыслью Пржецлавского о том, что осуществление данной реформы должно быть результатом сближе-

ния русской и польской литературы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формулировки Ширинского-Шихматова не самостоятельны и так или иначе восходят к формулировкам Уварова и Пржецлавского. Так, если в докладной записке Уварова от 5 апреля 1845 г. говорилось о том, что «мысль заменить в польском языке латинскую азбуку русскими буквами (...) представляет такие затруднения, которые оказываются непреодолимыми», и что затруднения эти могут быть устранены «не иначе как разве с течением времени», то в докладной записке Ширинского-Шихматова от начала 1852 г. утверждалось, напротив, что «исполнение означенного предположения не представляет непреодолимых затруднений и что опыт применения русской азбуки возможен и в настоящее время»; если Пржецлавский в записке 1844 г. говорил, что для осуществления поставленной задачи «нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно», то Ширинский-Шихматов предлагает издать образцы польской литературы «для доставления русским возможности пользоваться замечательнейшими произведениями польской литературы» и именно «как опыт литературного сближения двух языков одного корня».

Заметим, что Ширинский-Шихматов в своей докладной записке говорит о рассылке издаваемой им хрестоматии «в библиотеки учебных заведений», не уточняя, какие именно учебные заведения имеются в виду, но надо полагать, что речь шла прежде всего о местах совместного проживания поляков и русских, т.е. об учебных заведениях Царства Польского и Западного края; предполагалось, по-видимому, что наличие подобной книги должно было приучить поляков к самой мысли о возможности писать польские тексты русскими буквами.

Между тем в резолюции Николая I на этой записке предлагалось использовать данную книгу как учебное пособие — «взамен нынешнего букваря». Эта резолюция давала делу совершенно иной поворот.

Естественным следствием этого предложения явилось затем (с 1865 г.) появление польских букварей, а вслед за ними и других учебных пособий, не только напечатанных кириллицей, но и ориентированных на русские орфографические принципы. Одновременно в 1866 г. были переизданы «Образцы...» Дубровского; на этот раз данная книга вышла не в частной типографии, а в типографии императорской Академии наук, причем на обороте титульного листа значилось, что она «напечатана по распоряжению Министерства Народного Просвещения».

В отличие от «Образцов...», учебные пособия 1865-1869 гг. предназначались для поляков, а не для русских; таким образом, перед составителем этих пособий стояли, вообще говоря, те же задачи, которые ставил перед собой комитет 1844 г. Эти задачи решались им, однако, принципиально иным образом. Если проект 1844 г. был в принципе соотнесен с польскими принципами письма, то учебные пособия для польских школ в определенной степени оказались ориентированы на русские принципы.

Это особенно наглядно проявляется при обозначении согласных, противопоставленных по твердости-мягкости: так же, как и в русском письме, это противопоставление передается последующей гласной, т.е. противопоставляются слоги ба и бя, бэ и бе, бо и бё, бы и би, бу и бю и т.п. Равным образом противопоставляются и написания бъ и бь, и буква ъ пишется в конце слова, оканчивающегося на твердый согласный, — в полном соответствии с правилами русской орфографии (до реформы 1917-1918 гг.). Что касается носовых гласных, то они представлены отдельными графемами, но графемы эти имеют славянскую (кириллическую), а не латинскую графическую основу. Так, наряду с буквами q и ę здесь присутствуют буквы я и з для обозначения носовых [ja] и [e]: q и я, з и е противопоставляются как обозначения нейотированного и йотированного варианта соответствующей носовой гласной.

Составителем этих учебных пособий был С.П.Микуцкий (Stanisław Mikucki), и вместе с тем ближайшее отношение к их изданию имел А.Ф.Гильфердинг (который с 1863 г. активно работал в комитете по делам Царства Польского). Издавая в 1871 г. свою «Общеславянскую азбуку», Гильфердинг писал в предисловии: «По мысли Н.А.Милютина [статс-секретаря, занимавшегося делами Царства Польского] была сделана в 1865 г. попытка издания русскими буквами нескольких книжек на польском языке, назначенных для народных школ. Вместе с С.П.Микуцким пишущий эти строки участвовал в установлении, на началах здесь изложенных, системы применения кирилловской азбуки к польским звукам. Попытка не осталась вовсе без успеха, как доказывает тот факт, что одна из книжек, напечатанных этим способом, "Элементаўъ для дзеци вейскихъ", потребовала уже третьего издания». Можно предположить вообще, что Гильфердинг был идейным вдохновителем, а Микуцкий — практическим исполнителем данного предприятия.

Действительно, такого рода азбука могла восприниматься как общеславянская, и характерным образом С.Микуцкий определяет ее именно как «общеславянскую азбуку русскую». Это ближайшим образом отвечает идеям А.Ф.Гильфердинга о создании общеславянской азбуки на русской основе; не исключено, что именно издание этих учебников и явилось стимулом для его работы над «Общеславянской азбукой». Так, 24 февраля 1868 г. Микуцкий писал И.П.Корнилову (занимавшему с 1864 г. пост попечителя Виленского учебного округа): «По указанию науки и государственной мудрости необходимо печатать польские католические молитвенники общеславянской азбукою русскою. Покойный граф Михаил Николаевич [Муравьев] считал применение к польскому наречию общеславянской азбуки русской весьма важным государственным делом. Ныне, слава Богу, сделана с Высочайшаго одобрения замечательная попытка применения общеславянской азбуки русской к польскому наречию и отпечатано "Элементарь для дзеци вейскихъ" и другие книжки для народа (...) Позволительно уповать, что по воле и ходатайству Вашего Превосходительства в Вильне будут печататься молитвенники и назидательные книжки для народа — на польском наречии, но общеславянскими буквами русскими». Итак, «применение общеславянской азбуки русской к польскому наречию» призвано было отвечать требованиям «науки и государственной мудрости»: под «наукой» имеются в виду, очевидно, панславистские идеи А.Ф.Гильфердинга, под «государственной мудростью» — политика культурной ассимиляции (русификации) польского населения Российской империи.

Знаменательно, что эти учебные пособия, напечатанные «общеславянской азбукою русскою», были предназначены для сельских школ. Здесь также прослеживается славянофильская — и вместе с тем почвенническая — идея: предполагалось, по-видимому, что польский народ (крестьянство) в большей степени сохранил славянский дух, чем шляхта и горожане, которые оказались зараженными западным влиянием, — и, следовательно, должен быть более восприимчив к идее славянского единства. Тем самым народ оказывался противопоставленным остальным слоям польского населения: идея славянского единства должна была противостоять идее польского единства. Это отвечало крестьянской реформе Н.А.Милютина, и не случайно, как мы видели, Милютин имел самое непосредственное отношение к изданию интересующих нас учебников. Интере-

В ПОЛЬШЕ СНОВА ХОТЯТ УЧИТЬ РУССКИЙ

Беседа с Розалией Скибой — ученым секретарем окружного комитета XXXV Олимпиады по русскому языку, консультантом-преподавателем Щецинского центра консультации и повышения квалификации учителей

- Языковые олимпиады в Польше не новость...
- Предметные олимпиады, в том числе и языковые, проводятся в Польше многие годы. Это своего рода шанс для наших школьников.
 - Олимпиада по русскому языку этого года оказалась юбилейной...
- Да, это уже 35-я олимпиада. Первая прошла в 1968-1969 учебном году. Тогда ее поддерживало Общество польско-советской дружбы теперь ее поддерживает объединение сотрудничества «Польша—Восток».

Олимпиада проходит в три этапа: первый носит внутришкольный или межшкольный характер; второй — окружной, ныне практически уже воеводский, и третий — центральный. В этом году он состоится в апреле в Варшаве.

Кроме того, каждые три года проходит Международная олимпиада в Москве. Раньше ее проводили по разным возрастным группам. Теперь на нее едут только лучшие старшеклассники.

- Как организована в этом году олимпиада по русскому языку?
- Так же, как и другие языковые олимпиады. Участникам даются аналогичные задания, и проверка их производится аналогичными способами. Разные только экзаменационные комиссии, которые создает на первом этапе директор данной школы. Затем работы участников пересылаются в окружной комитет, который их проверяет и лучшие допускает ко второму этапу.

На окружном этапе — новые задания. Здесь школьника проверяют двояко: каковы его возможности говорить и писать. Экзамен заключается в сочинении на тему, выбранную по жребию, и ответах на вопросы. Комиссия стремится как можно лучше установить знание языка.

На окружных экзаменах действуют две комиссии, независимые друг от друга. Одна принимает работы, проверяет и оценивает. Вторая заслушивает устные ответы участников. Общая цель обеих комиссий — выловить лучших, тех, кто затем будет представлять свое воеводство в Варшаве.

- Как повлиял польский перелом 1989 г. на численность участников олимпиад по русскому языку?
- Число участников наших олимпиад постоянно уменьшается. Такова общепольская тенденция, начало которой относится к 1989 году. В том году в школах ввели иностранный язык по выбору прежде, напомню, русский язык был обязателен для всех.

Однако в последние два года в школах появился натиск в пользу возвращения русского языка. Как родители, так и само юношество обращаются с этой идеей к дирекциям своих школ. Разумеется, русский не будет вводиться как обязательный предмет — только для желающих и заинтересованных. Так произошло, например, в шецинском лицее №4, где его учат «по уровням». Этот метод состоит в том, что сначала проверяют знания учащегося, а потом направляют его в соответствующую его уровню группу.

- В скольких школах сегодня преподают русский?
- У нас в Щецине сегодня только в восьмой части школ. По воеводству дела обстоят поразному. Есть, например, поветы, где его совсем не изучают, а есть такие, где обучение русскому сохранили: например, в Старгарде-Щецинском, Лобзе, Пыжицах или Грифицах. Эти данные относятся, разумеется, к средним школам [т.е. к старшим классам]. В неполных средних школах русский язык почти нигде не изучают.

— Можно ли сегодня в Польше сдавать русский в рамках экзаменов на аттестат зрелости?

— Министерство народного образования постановило преподавать в неполной средней школе только один иностранный язык. В средней прибавляется второй язык. Во многих европейских странах школьники изучают два иностранных языка уже с 3 класса.

К сожалению, в наших неполных средних школах сегодня русский язык не преподается. Молодежь учит английский, немецкий или французский и, сдавая экзамены на аттестат эрелости, выбирает один из этих языков. Сдавать русский на аттестат эрелости можно, но это требует надлежащего труда учащегося, чтобы он мог показать стандартные знания русского языка.

Я считаю, что все иностранные языки должны преподаваться в школе на основе добровольного выбора, притом с первого класса, и не надо их делить на лучшие и худшие.

— Из каких семей родом участники олимпиады?

— Из польско-русских семей — ничтожная доля. Все остальные просто интересуются русским языком и русской культурой, что в большой степени заслуга их учителей.

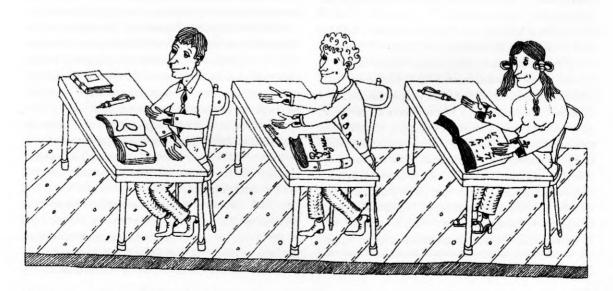
— Вы связаны с олимпиадой от самых ее истоков...

— Первые три года я стартовала как опекун своих учеников из лицея в Старгарде-Щецинском, а потом как секретарь олимпиады. Секретарем меня назначил главный комитет олимпиады и Щецинская инспекция просвещения и воспитания.

В Щецине мы тесно сотрудничаем с инспекцией просвещения, которая каждый год обеспечивает награды нашим лауреатам. Мы можем всегда рассчитывать и на центр консультации и повышения квалификации учителей, где я работаю. Дирекция центра всегда поддерживает нас и помогает во всей работе, связанной с олимпиадой. Кроме того, нам оказывают помощь и поддержку воеводское отделение объединения «Польша—Восток», Щецинский университет и русская читальня. Все мы надеемся, что благодаря олимпиаде русский язык в Польше начнет в ближайшее время переживать свое новое возрождение. Ясно же, что люди захотят снова встречаться и сотрудничать друг с другом.

 Что эсе, давайте изучать язык и культуру наших соседей.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

Олег Закиров

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок*

Чуть позже я понял, что по «объекту Козьи Горы» (так на языке чекистов называлась Катынь) КГБ ведет непрестанную агентурно-оперативную работу. Совершенно секретное дело (ДОН, то есть дело оперативного наблюдения) хранилось в сейфе начальника Смоленского КГБ генерала Шиверских, и в нем скапливались все документы по объекту Козьи Горы (сообщения агентов, доверенных лиц и т.д.), обо всем подозрительном, обо всех, задающих вопрос «кто расстрелял?», о тех, кто слишком много говорит... Это дело видел своими глазами заместитель начальника подполковник Н.М.Булдаков, от негото я и узнал о нем. Булдаков сказал мне, что видел это дело случайно, и строго предупредил: «В случае чего — я тебе этого не говорил».

Набирая номер домашнего телефона полковника Головко, я думал, что «на ловца и зверь бежит». Но, к моему сожалению, от полковника я ничего не узнал. Он сухо сказал, что завтра пошлет к женщине сотрудника, и всё. Я знал, что этим районом «занимается» сотрудник УКГБ Ляшкевич, в его ведение входило оперативноагентурное «обслуживание» района Катыни, в том числе и Козьих Гор. Это был человек себе на уме и лишнего не говорил. О Козьих Горах я к тому времени знал следующее: были там дачи руководства Смоленского УКГБ. Все, кто попадал на руководящую должность (начальники отделений, отделов и т.д.), могли иметь служебную дачу за высоким бетонным забором, который ограждал не только дачи, но и большой лесной массив (в основном, ели и сосны). Там же был еще дом для «высоких» гостей из Москвы Смоленского обкома КПСС — в этом доме бывали Ворошилов, Буденный, Каганович, Шверник и даже Горбачев. От сотрудников УКГБ я слышал, что дачникам там запрещено копать землю за территорией своего палисадника. Те, кто пробовал копать дальше от домиков (несмотря на запрет), сразу попадали на человеческие кости и черепа. От охранников Козьих Гор я знал, что каждую весну грузовые машины с песком прибывают в этот лес, чтобы засыпать кости, выглядывающие из размытой талыми водами земли и песка. Острые белые обломки торчали из земли, как сабли и штыки — это не кости замученных, это правда рвалась наружу, к свету... ибо «всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное...» (Еккл 12,14).

Естественно, все эти работы по маскировке места преступления производились по приказу руководства КГБ СССР. Сокрытие тяжкого преступления (тем более преступления против человечества) — тоже тяжкое преступление, де-факто и деюре это соучастие в преступлении.

В Козьих Горах (охранниками объекта) работали в разное время прапорщики Н.Ф.Шаповалов, Федосеев и другие. От них и от пенсионеров НКВД-КГБ я выяснил, что Катынский лесной массив около дач КГБ (т.е. Козьих Гор) — это гигантское место захоронений репрессированных. В стране набирала силы перестройка, боролись за гласность, а также со злоупотреблениями. Но коммунистическая партия продолжала (согласно конституции СССР) оставаться руководящей и направляющей силой. Поэтому на реальные изменения в обществе мало кто рассчитывал. Напротив, в партии и КГБ крепли антиперестроечные силы.

Под влиянием перестроечных настроений я стал открыто бороться с тем, что начальник Смоленского УКГБ ездит на дачу служебной «Волгой». Но, конечно, больше всего меня возмущало то, что на костях репрессированных людей находятся дачи КГБ, где начальство отдыхало и развлекалось (пили, парились в бане...) Помню, что я этого уже не мог переносить ни психически, ни физически и... начал открытую борьбу за ликвидацию дач на местах захоронений погибших от репрессий. Вме-

^{*} Начало см. в «Новой Польше», 2004, №№ 9 и 12.

сте с демократической частью Смоленска (с помощью газет, радио, митингов) нам удалось выгнать чекистов с места преступлений и прекратить это вопиющее кощунство — похуже «пира во время чумы». Конечно, произошло это позже, не в один день.

В Смоленском УКГБ еще работали пенсионеры НКВД, однако особой охоты говорить на тему Катыни никто из них не проявлял. Первый, кто мне обмолвился несколькими словами, — Егор Григорьевич Поляков; в 1940 году он работал в гараже Смоленского УНКВД механиком. Он твердо и уверенно сказал мне, что расстрелянных граждан захоранивали в Козьих Горах (в Катыни), а также назвал фамилии еще живущих пенсионеров ЧК-ОГПУ-НКВД: Гуркова, Ноздрева и Титкова.

Я начал выяснять их домашние адреса в Смоленске. Как потом оказалось, один из пенсионеров жил прямо напротив УКГБ, через дорогу. Несмотря на это, начальник управления потом постоянно заявлял, что поиски свидетелей не привели к успеху, «свидетелей найти не удалось» и т.д. Вскоре я нашел пенсионера НКВД Федора Гуркова, он был уже тяжело больным стариком (почти не вставал с постели), я ему показал удостоверение сотрудника КГБ и соврал, что в связи с перестройкой музею нужны сведения о расстреле польских офицеров и он мне может все смело рассказать. Эта прелюдия его не особо убедила, но мое удостоверение майора на него подействовало — Гурков признал, что польских офицеров в 1940 г. привозили на станцию Гнездово в вагонах, расстреливали в НКВД Смоленска, а трупы закапывали в Козьих Горах, там же хоронили и репрессированных советских граждан. В конце Гурков назвал еще живущих ветеранов НКВД, которые помнят все лучше его: Григорьева, Титкова, Ноздрева. Шел июль 1989 г., гласность давала о себе знать, а чиновники больше всего боялись журналистов и телеведущих (например, телевизионной программы «Взгляд»). Сейчас в путинской России происходит, к сожалению, обратное: чиновники ничего не боятся. А в стране исполняются самые смелые мечты бывших членов ГКЧП и покойного председателя КГБ СССР Андропова: власть становится все более «вертикальной», чиновники и генералы растут, как грибы после дождя. Только некому было защитить детей в Беслане, а Путин отмалчивался за Кремлевской стеной, как и в случае с подводной лодкой, и с театром на Дубровке. Права была

покойная Галина Старовойтова, когда говорила в 90-х годах о необходимости люстраций (но ее мало кто слушал тогда).

Помню, летом 1989 г. в Смоленском УКГБ прошел слух: приезжал-де из Москвы журналист, который интересовался судьбой польских офицеров и местами захоронений репрессированных. Генерал Шиверских с ветеранами НКВД, заранее подобранными и обработанными, принял корреспондента (всё в духе перестройки!) и спросил их: «Правда же, что вы ничего о расстреле польских офицеров не знаете?» — те хором ответили: «Правда». На этом встреча с корреспондентом закончилась, и тот уехал в Москву ни с чем...

В это же время я в очередной раз заявил генералу о недопустимости иметь дачи на костях расстрелянных жертв репрессий. Шиверских изобразил на лице удивление и произнес:

- Откуда у вас такие сведения, нету доказательств на это и свидетелей!
 - Я вам найду свидетелей, пообещал я уходя.
- Ищи, парировал генерал неосторожно (потом он публично отказался от своего слова). Так как я стал говорить пенсионерам КГБ, что пришел по поручению лично генерала, это некоторых сразу располагало к откровенности, иных просто прорывало (человеку тяжело хранить страшные тайны, для некоторых такая ноша просто невыносима...).

Так случилось с И.И.Титковым, которого я нашел в тот же день — 24 июля 1989 года. Он был личным шофером Куприянова в 1940 г. (Емельян Куприянов — начальник УНКВД Смоленской области в 1940-м). С 1934 г. Титков работал шофером в НКВД, был водителем у шести или семи начальников, которых по очереди расстреливали как врагов народа. «Помню, — говорил он, вызовут начальника в НКВД, в Москву, и всё ни слуху, ни духу». Титков мне рассказал правду о Козьих Горах, что это гигантское кладбище репрессированных, что, сколько он себя помнит, расстрелянных в Смоленском НКВД тайно хоронили там, в песке (под тонким слоем почвы: в Катыни песчаный грунт). Потом (через несколько месяцев) Титков мне рассказал, что расстрелянных польских офицеров тайно хоронили в Козьих Горах в 1940 году. «Утром, рассказывал он, я отвозил Куприянова на станцию Гнездово (под Смоленском), начальник выходил из легковой автомашины и лично контролировал прибытие

транспортов с польскими военнопленными, которых пересаживали в "черные вороны" и отвозили в сторону Смоленска. Станция была оцеплена конвойным полком, Куприянов давал какието указания конвоирам».

Все это происходило весной 1940 года. Титков рассказал, что лично видел автомашины с расстрелянными, которые ночами курсировали между Смоленским НКВД и Козьими Горами, а шоферами были Комаровский, Григорьев, Костюченко... Позже жена Титкова мне сказала, что он тоже водил такие машины до Козьих Гор, только боялся это написать. Когда письмо это (Титкова) попало в газеты и на радио, оказалось, что шофер НКВД Григорьев — отец секретаря Смоленского обкома КПСС (по идеологии), и последнего быстро «ушли» в отставку. Тогда же начались адресованные мне угрозы и оскорбления от «бывших» и «настоящих» чекистов. Но все это было ничто по сравнению с тем, что я имел наконец письменное свидетельство очевидца событий 1940 года!

25 июля 1989 г. я передал это свидетельство руководству Смоленского УКГБ с просьбой передать его в областную комиссию по реабилитации. Это свидетельство вызвало буквально шок у начальства — генерал Шиверских клялся, что никогда не поручал мне искать свидетелей репрессий. Меня обвинили в злоупотреблении удостоверением сотрудника УКГБ и запретили всяческие поиски свидетелей, а письмо Титкова спрятали. Все это я предвидел и копию письма Титкова передал на Смоленское радио, а позже — в газету «Московские новости». Я не знал, вернее не представлял себе, на что может решиться руководство КГБ, и решил подстраховываться, передавая все добытое средствам массовой информации.

б августа 1989 г. в «Московских новостях» была опубликована статья Геннадия Жаворонкова, где он писал, в частности, что о расстрелах в Катыни не удалось найти информации, даже при помощи генерала Шиверских. Это была явная ложь, так как генерал имел на руках свидетельство Титкова еще в конце июля. Теперь я знал фамилию журналиста, который был в Смоленске, и решил написать ему правду.

Главное было то, что теперь я имел доказательство заведомой лжи генерала и всего КГБ, доказательство преднамеренного сокрытия сведений о репрессиях и местах захоронений.

Радость моя была преждевременной, так как по моим следам стали ходить сотрудники КГБ и запугивать найденных мною свидетелей - пенсионеров НКВД. Например, Титкову припомнили его подписку о неразглашении секретных сведений, которую он давал еще при Ежове или при Берии. Ударили его и по самому больному: «Вы не забыли, от кого получаете пенсию?» Таким образом его принудили написать второе письмо, в котором он уже «не настаивает на передаче первого письма в комиссию по реабилитации». Правда жгла руководству КГБ руки, они попытались вообще вернуть Титкову его свидетельства... Спасло положение то, что дочь Титкова и его внук Сергей неожиданно приняли сторону гласности и начали стыдить отца и деда. Это дало результаты: Титков не отказался от написанного, а позднее выступил как важный свидетель по Катыни.

Так приходилось бороться за каждого найденного мною свидетеля, и не всегда удачно, с переменным успехом (позднее были и специальноподставные свидетели, вернее антисвидетели из числа надежных и твердолобых сталинистов). Я понял: на Лубянке выработали специальную тактику по противодействию выходу на свет правды о Катыни. На меня посыпались угрозы и первые дисциплинарные наказания, кадровики до дыр прочитывали мое личное дело, ища компрометирующие материалы... Тихушники (так в народе называли гэбистов) всполошились не на шутку. Приехали из центра два полковника КГБ и предложили мне, «мягко говоря», сменить место службы — в любой город СССР, но я категорически отказался, и они уехали с угрозами.

Наконец осенью 1989 г. в «тихий омут» был брошен камень «гласности». Вышла в свет радиопередача Смоленского радио (которым руководил сторонник перестройки Новиков) — там прозвучал голос Титкова и было прочитано его письмо о расстрелах репрессированных. Подготовил эту смелую информацию журналист А.П.Якушев по предоставленным ему мной материалам (мне удалось познакомить его с Титковым лично). Это был первый серьезный успех. Позднее Якушев провел несколько радиопередач по моим материалам, и впервые по Смоленскому радио — и вообще в СССР — прозвучало, что это наши, в 1940 году, расстреляли польских офицеров, а не немцы в 41-м. Новиков и Якушев выполнили с честью свой журналистский долг, поборов страх и ложь. Все это вызвало замешатель-

ство и растерянность в Москве — на Лубянке, а мне позволило еще какое-то время продержаться в «славных» рядах вооруженного отряда компартии и найти еще нескольких свидетелей.

И.Л.Ноздрев оказался бодрым и живым ветераном с хорошей памятью, несмотря на свои 90 лет интересовался происходившими в стране событиями. Он мне рассказал все (как бы снимая гнетущий камень с души), а рассказать он мог многое: вступил в коммунистическую партию еще при жизни Ленина, а в органы ЧК-ОГПУ — еще при жизни Дзержинского, видел воочию самого батьку Махно и т.д. Ноздрев подтвердил, что весной 1940 г. польских офицеров привозили в вагонах из Козельского лагеря, расстреливали в Смоленске, а закапывали в Козьих Горах. Кроме того он много рассказал о репрессиях против советских граждан, которых хоронили там же, а также на Братском кладбище и на кладбище возле Смоленской областной больницы (тайное кладбище). Именно Ноздрев по поручению начальства ежемесячно выплачивал деньги специально подобранным лжесвидетелям за то, что те все валили на немцев: такие платные лжесвидетели использовались на Нюрнбергском процессе, чтобы скрыть сталинское преступление по Катыни. Кстати, тогда, в 1945-1946 гг., представители прокуратуры СССР настаивали, что это преступление против человечества, а сейчас Военная прокуратура России заявляет, что это обычные преступления, — заврались, как говорится, дальше некуда. Всем ясно, что за нынешним заявлением Военной прокуратуры стоит Кремль. Военная прокуратура, насколько мне известно, чаще оглядывалась не на закон, а на командира. Во время перестройки ее вообще хотели ликвидировать как институт государства, не служащий закону и справедливости. Жаль, что так не случилось, много хороших идей перестройки осталось «в воздухе».

От Ноздрева я вновь услышал фамилию Стельмаха, который руководил расстрелами приговоренных к ВМН и сам в них участвовал. Стельмах

был начальником комендантской службы НКВД Смоленской области, и его команда занималась приведением в исполнение приговоров «тройки». Он с подчиненными расстреливал в 1940 г. польских офицеров. Позднее два человека из его службы покончили жизнь самоубийством. По словам Ноздрева, этот Стельмах очень переживал из-за того, что ему случилось собственноручно расстрелять даже своего лучшего друга. Умер этот палач в 1960 г. при страшных физических мучениях (какая-то острая боль ломала все его тело).

Ноздрев явно не страдал склерозом и припомнил интересные детали: что комиссия академика Бурденко (по Катыни) была хорошо подготовленным спектаклем, а его режиссерами были Сталин и Берия. Бурденко как опытный специалист с самого начала понял, что вся их работа сплошная «липа», но страх заставил его работать над сокрытием сталинского преступления. Перед смертью академик признался другу, что стыдится в конце жизни одного — участия в катынской фальсификации. По словам Ноздрева, во время работы комиссии Бурденко в Катыни совершались самые разные фальсификации, в открытые могилы подбрасывали всякие предметы, чтобы свалить вину за преступления на немцев. Копию свидетельств Ноздрева я передал Якушеву (корреспонденту Смоленского радио) и послал в «Московские новости». Уже через несколько дней, зайдя к Ноздреву, я застал его в расстроенных чувствах, жена его (инвалид) была перепугана. Оказалось, что к нему приходили двое из УКГБ (Тихонов и Герасимов) и угрожали — шантажируя его старыми грешками (Ноздрев в 1941 г. был ответственным за эвакуацию Смоленского архива НКВД, а вагоны попали под бомбежку, и часть архива была утрачена). Я его успокоил тем, что теперь он может не переживать: прошло 48 лет, - что ему просто хотят заткнуть рот.

Ноздрев-то и назвал мне еще живущего сотрудника команды Стельмаха — Бороденкова (по словам Ноздрева, участвовавшего в расстрелах).

Продолжение следует

Бронислава Вайс (Папуша)

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕС

Полюбил меня лес, дал мне цыганское слово. научил меня ветер петь, плакать — река научила. Лесные цветы платье вышили мне. Все, что живо в лесу это сестры и братья мои. Родные леса мои дым к небу возносят, костры Бога молят, чтоб не занялся лес огнем. Не сегодня-завтра жизнь моя кончится, а песни мои простые останутся жить в лесу моем. Петь их будет лес черный, зеленый, червонный.

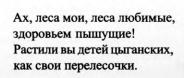

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Ах, леса мои, леса!
На всей большой земле
ни на что б я вас не променяла —
ни на золото,
ни на камни драгоценные,
камни самоцветные
переливчатые,
что людей к себе приманивают.

Ах, горы мои, горы скалистые, камни мои над реками, вы дороже мне, чем все сокровища сверкающие.

А в лесу моем ночами под самым месяцем костры горят-сияют, словно камни драгоценные, словно перстни красоты невиданной.

Ветер сердце, как лист, колышет — бояться им нечего. И поют себе дети цыганские, хоть в нужде, хоть в голоде, скачут они и пляшут — лес их так научил.

ЛЕС, ОТЕЦ МОЙ

Лес, отец мой, черный отче, ты воспитал меня, ты меня бросил. Листья твои дрожат, и я дрожу, как они. Ты поешь — и я пою, смеешься — и я смеюсь. Ты не забыл, и я тебя помню. Боже, куда идти? Что делать, где брать сказки и песни? В лес не хожу я, рек не встречаю. Лес, отец мой, черный отче!

Я ПРИШЛА К ВАМ

Я пришла к вам не за хлебом насущным. Я пришла, чтоб вы мне поверили. Я пришла к вам не за деньгами. Я пришла, чтоб вы их раздали. Я пришла к вам из драных шатров — ветер сорвал их, унесла их вода. Я прошу вас всех — стариков, малых детей, юных красавиц: стройте, стройте дома серебристые, словно лесные шатры, морозами убеленные! Я пришла к вам вовсе не за деньгами. Я пришла, чтоб вы приняли всех, чтоб никогда не настала черная ночь средь бела дня.

Ежи Фицовский

ПАПУША И ЕЕ ПЕСНЯ

Художественное явление, имя которому — Папуша, заслуживает внимания уже хотя бы потому, что оно беспрецедентно и единственно в своем роде: цыганка, которая большую часть жизни кочевала со своим табором, слагает стихи-песни и записывает их на собственном, цыганском языке. Да, существуют цыганские песни, произведения анонимного народного творчества, но никогда — за все пять столетий, что цыгане кочуют по Польше, — мы не знали сознательного творца, певца кочующих таборов, поэта-цыгана, чье имя было бы известно и сохранилось в коллективной памяти.

Те, кто творил цыганскую народную песню, остались безымянными. Ибо они слагали песни, не зафиксированные на письме; порой эти песни жили долго, хотя и сохранялись лишь в устной традиции, однако часто были эфемерны, импровизированны, улетучивались из памяти сразу после их исполнения поэтом-певцом или поэтессой-певицей. Такие неведомые нам сегодня предшественники, несомненно, были у Папуши на протяжении многих веков. Их присутствие и специфику их песен в Литве отмечал Теодор Нарбут. В книге «Исторический очерк цыганского народа» (Вильно, 1830) он писал:

«Встречаются у них поэты природные, безо всякого учения: одни ограничиваются тем, что слагают песни, другие импровизируют целые поэмы, часто диалогические. Вообще стихи подбираются к музыке, а музыка — к предмету выражения, по прихоти поэта. Что ни песня — иная музыка, а порой — что ни строфа. Поэт, напевая, слагает стихи, а слагая стихи, поет — именно так и не иначе рождается их поэзия. Забытая музыка уводит в забвенье и стихи. Цыгане говорили мне, что знают таких импровизаторов, которые, не задумываясь, создавали новые, неизвестные прежде произведения... Их пение — это род речитатива, причудливо меняющего такт и длительность».

Среди поэтически-вокальных импровизаций особенно часто встречались, отличаясь величайшей выразительностью, песни-поэмы, оплакивающие умерших и выражающие тоску по утраченной свободе, по воле, кочевой жизни, весне, которая открывает кочевникам дорогу в мир. По крайней мере так говорит легенда.

Мы не найдем текстов этих импровизаций в немногочисленных записях этнографов, которые пытались регистрировать у нас цыганское песенное творчество. Это были — в отличие от укорененных в традиции, повсеместно распространенных коротких песен — произведения слишком эфемерные и неповторимые, чтобы во времена, не знавшие магнитофона, их смогли записать собиратели-фольклористы, работавшие среди цыган.

Такими же — неуловимыми, исчезающими без следа — были песни Папуши, прежде чем она начала, поддавшись на уговоры своего будущего переводчика, записывать тексты своих поэтических импровизаций. Фиксация их на письме означала, что Папуша стала первым цыганским поэтом, чьи произведения и имя не канули в забвение. Однако возможность записи лишила Папушу той ничем не скованной свободы, которую давала вокальная импровизация и сопутствующая ей музыка, окрыляющая воображение, слова и фразы. Таким образом, ограниченные навыки письма, которые были у Папуши, до известной степени являли собой нежелательную преграду и вдобавок не всегда содействовали верному подбору слов, точности средств выражения. Часто многословие было следствием кропотливого, тяжелого труда письменной фиксации, которая не поспевала за ходом мысли и не всегда могла сладить с нею. Несмотря на трудности, отягощавшие творческий процесс, Папуша все же создала стихи, представляющие собой не только бесценный документ, но и произведение искусства — уже не анонимное, но еще сохраняющее черты народного творчества, свежесть примитива.

Известны, правда, поэты-цыгане в Болгарии, Югославии, Венгрии, но это профессионалы, которые либо пишут на языке своих стран, как, например, цыган и венгерский поэт Кароль Бари, либо в своей лирике далеко отходят от характера цыганской песни, как Райко Джюрич из Югославии, пишущий по-сербски и по-цыгански. В Советском Союзе, особенно в тридцатые годы, публиковались стихи и поэтические сборники на цыганском языке, однако они не отличались особыми достоинствами, а цыганское начало в них ог-

раничивалось, как правило, языковым уровнем. Это были преимущественно далекие от исконной традиции произведения, агитирующие за прекращение кочевой жизни, выявляющие ее убожество и преимущества продуктивного оседлого существования.

Папуша не была поэтессой социальной дидактики, но и она написала когда-то несколько стихотворений в поддержку кампании по «продуктивизации» цыган. Это были — по крайней мере в декларативных фрагментах — самые слабые ее стихи. Ничего удивительного: представительница кочевников написала их вопреки себе, чтобы «купить» благосклонность лиц, распоряжавшихся судьбами цыганских сообществ в Польше, заслужить пристойную крышу над головой, которая, по ее мнению, могла пригодиться хотя бы как место постоянной зимовки между кочевьями (добровольно отказаться от кочевья она не хотела).

Ее творчество началось в переломное для польских цыган время, в годы массового, по распоряжению сверху, принуждения извечных кочевников к оседлости, в пору великой драмы цыган. Папуша — выразитель и участник этой драмы, ее стихи — единственное художественное свидетельство о ней.

Говоря о процессах перемен среди польских цыган, мало кто отдает себе отчет в том, что на фоне положительных и отрицательных проявлений их эмансипации разворачивается великая, можно сказать, трагическая драма этого народа, которая острее всего ощущалась на начальных этапах внедрения принципиально нового уклада. Перемены происходили отнюдь не путем постепенной эволюции — дороги цыганам были перекрыты внезапно, после многих веков непрерывного кочевья. Категорический запрет на кочевой образ жизни, решительно осуществленный административными властями, был введен лишь в 1964 г., то есть через 13 лет после официального предупреждения и принятия предварительных мер, но уже с 1950-го было известно, какова цель этих мероприятий. Принужденные к оседлости цыгане часто относятся к новой ситуации как к положению, которое надо перетерпеть; прерванное кочевье предмет их самых задушевных воспоминаний, а также надежд на будущее.

Цыганские старейшины, имеющие власть над еще недавно кочевыми родами, на все лады выражают свое неприятие новых форм жизни и требований, часто категорических, которые навязывает чуждый внешний мир. Старейшины — осознанно или неосознанно — видят в этих требованиях опасность уничтожения цыганства, исчезновения цыганского этнического облика. И хотя утверждения, которые можно услышать от стариков-цыган, говорящих о вреде просвещения, — это всего лишь симптом темноты, тем не менее представляется верным сопутствующий им прогноз ассимиляции, «конца цыганского племени». Несомненно, это процесс длительный, но в конце концов он может привести к исчезновению языка и всей народной культуры цыган.

На этом фоне очевидно, что Папуша, прощаясь в своих песнях с ушедшей молодостью и потерянными кочевьями, стала певицей судеб своего народа, выразительницей его привязанностей, привычек и тоски. Тоска по утраченному, spiritus movens ее творчества, — это не обособленная, личная тоска, но тоска, разделяемая со всеми братьями-цыганами. Братья не отплатили поэтессе благодарностью за это прекрасное, сердечное единение. Ей пришлось умолкнуть. Через семнадцать лет она отозвалась несколькими новыми прекрасными стихами, чтобы вновь погрузиться в молчание, уже пожизненно. Папуша умерла 8 января 1987 года. Это была смерть цыганки, Брониславы Вайс — такие имя и фамилию она носила, — но смерть поэтессы Папуши наступила много раньше. Ее личная трагедия, вызвавшая мстительного волка из цыганских лесов, судьба ее насильственно умерщвленного творчества — один из многих конфликтов, одна из жертв у порога новой, иной жизни, который так трудно переступить. Цыгане нетерпимы к общению с чужими, оказанное чужим доверие воспринимается как измена такой урок вынес этот народ из своей многовековой изоляции, из неприязни чуждого окружения, из ситуации постоянной угрозы, на которую он всегда был обречен. Что уж тут говорить о времени, когда под угрозой оказалась сама суть традиционного цыганского бытия! Тут цыганство словно отступает в лесные дебри, усматривая акт враждебного отступничества в любом пустяке к примеру, в том, что допущена публикация цыганских песен.

Еще в 50-е годы на Папушу двинулась лавина цыганских угроз и обвинений. Ей грозили смертью, даже били. Она заплатила за это тяжкой нервной болезнью, которая переродилась в психоз, в маниакальные страхи, которые преследовали ее до самой смерти. Более тридцати последних лет она

прожила по сути под проклятьем. Не покинул ее только старый больной муж, которому самому требовался уход, какую-то связь сохраняли с ней ближайшие родственники, хотя жила она отдельно, в одиночестве. Однако другие сторонились ее, а самые дальние — даже ругались сквозь зубы при звуке ее цыганского имени. Могло ли быть хуже? Могло. Как изменница цыганского народа — а старейшины признали ее изменницей — она, в соответствии с древним цыганским законом, должна была быть покрыта позором (магенрди) и изгнана из цыганского сообщества. Это тяжелейшая кара, особенно если речь идет об «измене», сотрудничестве с чужаками во вред цыганам. Иной раз бывало и хуже: виновный — именуемый по-цыгански «фамузо», что значит «бесчестный» — навсегда исчезал с глаз людских. От такой судьбы Папушу спасла болезнь, которую, очевидно, учли как смягчающее обстоятельство, быть может, решив, что она не вполне отвечает за свое поведение. Итак, она осталась в изоляции (в конце жизни — вместе с сестрой), была погружена в горькие мысли, которые выразила когда-то в лапидарной жалобе-констатации: «Если б я, дура, не научилась читать и писать, может, была бы счастлива».

Не требует доказательств, сколь абсурдны были обвинения против Папуши. Они были столь же несправедливы, сколь действенны. К концу жизни семидесятилетняя Бронислава Вайс совершенно забыла о Папуше. Ни словом (ни помыслом?) не возвращалась она к своим песням, даже в воспоминаниях не призывала их, навсегда выбросила их из памяти.

Но они остались. Тщетно искать в них многие элементы личной драмы поэтессы и общей драмы ее соплеменников. Умолчание о них, сокрытие многих существенных деталей имеет причины тактические, выросшие из опасений и предчувствий. Папуша, когда писала и посылала «братишке» (пшалоро), как она называла своего переводчика, тексты своих стихотворений, принимала во внимание возможность их перевода; ей приходилось считаться и с цыганским, и с нецыганским общественным мнением, предвидеть реакции и возможную недоброжелательность обеих сторон. Как видно, она просчиталась, хотя мало кто так, как цыгане, умеет считаться со словами, использовать выросшую из подозрительности «цыганскую дипломатию». Старая цыганская пословица говорит: «Отруби себе язык, прежде чем язык отрубит тебе голову».

Это не снижает подлинности поэзии Папуши, творчества самородного, не черпавшего ни из каких профессиональных образцов, лишь до некоторой степени выросшего из стихийной цыганской народной песни.

После возвращения нижеподписавшегося из его первого кочевья с цыганами ему стали приходить по почте письма от Папуши, а в них — первые ее поэтические пробы, записанные неумелым, неровным почерком. На конвертах как отправитель значилась Бронислава Вайс, а стихи, как и письма, были подписаны цыганским именем Папуша, что значит «кукла».

То, что она зафиксировала свои сочинения, было прямым результатом уговоров; это стало возможным благодаря тому, что она умела писать и знала польский алфавит, который в целом достаточен для обозначения звуков цыганского языка, так, чтобы запись не вызывала особых смысловых сомнений. Папуша родилась в 1909 г. (из некоторых источников следует, что в 1908, из других — что в 1910). У этого поколения польских цыган умение читать и писать почти не встречается. Так что уже здесь сказывается исключительность Папуши, выделяющая ее из среды собратьев. Папуша никогда не ходила в школу, от неграмотности она избавилась необычным способом. В своем фрагментарном дневнике-биографии она писала об этом по-польски так:

«Мое происхождение. Папа был из вармияков и серников (названия подгрупп польских цыган — $E.\Phi.$), мамочка из галицийских цыган. У отца семья лучше. Отца плохо помню, мне было пять лет, когда он умер в Сибири. Мамочка вышла замуж через восемь лет за Вайса Яна. Я была одна у матери. Было мне в чем-то хорошо, а в чем-то плохо, потому что в двенадцать лет я не умела читать... Я очень хотела учиться читать, но родители не заботились обо мне. Отчим был пьяница, в карты играл, мать не имела понятия, что такое ученье и надо или не надо ребенка учить. И мамочке было трудно с отцом, что он был пьяницей, как и теперь, и до смерти так будет. Как же этот ребенок мог учиться? Такой ребенок сам себя воспитывал. Я просила детей, которые ходят в школу, показать мне какие-нибудь буквы. И так было. Потом что-то воровала и носила им, чтоб они меня учили. Так я научилась abcd и так далее. Недалеко от нас жила еврейка, лавочница. Я ловила кур и ей давала, а она научила меня читать. А потом я читала много газет и разные книги. Читать я умею

хорошо, но пишу отвратительно, потому что писала мало, а читала много. И так осталось во мне на всю жизнь до сего дня. Я этим учением горжусь, хоть и не ученая в школах, а учила себя я сама и жизнь, что я прожила. Жизнь меня многому научила. Я помню все до сего дня и до смерти помнить буду... Через год я была уже не так мала — 13 лет жизни. Была я худая и ловкая, как белка лесная, хоть я была черная. А что я добрая к людям и читать умею, так цыгане надо мной смеялись и плевали в меня... Что хотели, то и говорили про меня, а я им назло читала все больше. И гадала много. Они плевали в меня, а я, бывало, плакала, но свое делала, что мне нравилось. Записалась в библиотеку и брала любые книги, потому что не знала, какие хорошие, — и так уж отличала жизнь от жизни. Просила родителей, чтоб отдали меня в школу, но они не хотели слушать: "Вот еще, будешь учительницей!" И я отстала от них и только читала, читала так, что глаза болели. (...) Один раз наши музыканты играли на Немане-реке, на корабле, и меня отчим взял с собой. Они играли, а я гадала и читала какую-то книгу. И подошла ко мне какая-то пани и говорит: "Цыганочка умеет читать! Это хорошо". Я рассмеялась, как дитя, со слезами на глазах, она расспрашивала меня по порядку, как и что, — а я ей говорила. Она поцеловала меня и ушла, а я была горда и потом еще больше читала».

Эта похвала, которую она запомнила на всю жизнь, брошенные мимоходом слова уважения из уст незнакомой женщины на «Немане-реке» перевесили неприязнь и враждебность среды по отношению к странным прихотям и своеобразным пристрастиям цыганской девочки. Она отнеслась к этим словам, как к почетной награде и поощрению. С тех пор ей перестало хватать только жизни в кочевье и гаданий, хотя это по-прежнему была единственная приемлемая форма существования для цыганки по плоти и крови. Начались мечты и песни, которые обрели высшую силу выразительности лишь тогда, когда кочевая жизнь подходила к концу и позднее, когда она была позади и Папуша могла возвращаться к ней только в воспоминаниях. Мучительное отсутствие привычной кочевой среды требовало восполнения, компенсации в творчестве. Ибо пришла непредвиденная цыганскими обычаями Великая Остановка, настало время завидовать «кочующей реке».

В цыганской жизни зима была ежегодным перерывом в странствии, колеса кибиток вмерзали в землю, до самой весны наступала пора воспоминаний и рассказов. Теперь зимовью, времени ожидания, впервые суждено было длиться пожизненно, невзирая на происходившую, как всегда, смену времен года. Вокруг было по-прежнему многолюдно, но как-то пусто и бесплодно, все застыло, не было ежедневно меняющихся пейзажей — и песни Папуши устремились к былым годам и лесным кострам, следы которых «заросли грибами».

Дороги довоенных странствий Папуши — в основном Волынь, Подолье, Гродненщина — переместились на западные земли. После сорока с лишним лет кочевой жизни Папуша вместе с несколькими семьями родственников пыталась вести оседлую жизнь в разных местах, то в Жагане, то в Гожуве-Велькопольском, лишь изредка и ненадолго ускользая в цыганские леса. Она просила дать ей квартиру с деревьями за окном, мечтала о кусочке леса по соседству, чтобы чувствовать себя более привычно. Но ей не было этого дано. Она поселилась в Гожуве, а в последние годы жизни переехала к сестре, в Иновроцлав, но зелень не заглядывала к ней в окно, шумела только в ее стихах.

Лес, живой сосед цыганских биваков и странствий, — в песнях Папуши не только элемент пейзажа, но и выразитель чувств, задушевный друг, лирический герой рассказа. В ее стихах веш багел (лес поет), хтеникхелен, по веш лен аджя сиклакирджя (скачут они и пляшут — лес их так научил), кицы туме романе чхаворен бариакирде, сир кушча тумаре тыкне! (растили вы детей цыганских, как свои перелесочки!).

Это обогащенные и развитые мотивы цыганской народной песни. Жизнь этой песни сложна. Она, правда, переходит из уст в уста, передается из поколения в поколение, но тексты теряют реалии, изменяют их, заменяют новыми. Редко исполняемая песня, относящаяся к конкретному по месту и времени событию, как, например, песня о гибели цыган в Освенциме в 1943-1944 гг., начинает утрачивать память о своих исторических истоках и если не погибнет окончательно — а уже немногие цыгане ее помнят, - то может стать обычной тюремной песней, вне- и надвременной, каких у цыган немало. Таковы законы народной песни, в особенности цыганской. Ибо цыган вообще отличает — на нынешней стадии их общественного развития - отсутствие исторической памяти, интереса к собственному прошлому, даже не слишком отдаленному, относящемуся к предыдущему поколению. Еще рожда-

ются — правда, все реже — новые народные песни, но прежние понемногу утрачиваются, сводясь иногда к остаточным словесным образам.

В цыганских народных песнях обычно нет той содержательной емкости, какая свойственна произведениям Папуши. Эти тексты доверены только памяти, ограничены несложным содержанием и весьма коротки, во многих случаях это фрагменты забытого целого. Их можно пропеть чуть ли не на одном дыхании, поэтому они постоянно возвращаются и повторяются. Более длинные произведения балладного типа, о которых уже шла речь, редки, их никогда не поют дважды в одном и том же словесном варианте. Бумага и перо — не говоря уж о поэтическом таланте помогли Папуше зафиксировать в стихе больше, чем способна объять бесписьменная народная поэзия. Поэтесса могла выразить многие темы, не находившие сколько-нибудь полного воплощения в народной поэзии, иной раз позволяла себе более сложный сюжет, более глубокую мысль, более вольное течение стиха.

Возможность записи принесла с собой и минусы: первый вариант произведения оказывается в то же время окончательным, так как Папуша в своих рукописях почти не делает поправок, ничего не зачеркивает. Отсюда длинноты, случайные повторы, содержательно и художественно «пустые» места, растянутость... Поэтому переводчик взял на себя ответственность за выбор строк, пропуская в переводе то, что счел излишним балластом, производя своего рода отбор. Произведения Папуши не могли, как народные песни, совершенствоваться при многократном исполнении, которое исправляет, формирует текст, вносит в него новые элементы и отбрасывает избыточные, те, что не выдержали пробы общим пением.

Рукописи Папуши носят следы поспешности, обычно очень неразборчивы, всегда с многочисленными ошибками, пропусками целых слогов и даже слов или их ошибочным удвоением и т.п. Это создает многочисленные трудности при чтении текстов и иногда обрекает на неверное прочтение. Уточнение текстов, помощь автора при расшифровке неразборчивых слов или предложений, согласование сокращений — все это было невозможно, учитывая, что эти действия могли вызвать обиду, нежелание больше писать. Поэтому переводчик в первых вариантах своих переложений сделал ряд ошибок, а также опустил некоторые фрагменты оригинала не по причине их слабости, а из-за невозможности прочтения.

Позднее многие ранее опущенные фрагменты были восстановлены, так как после очередной попытки удалось их прочесть, а немногочисленные смысловые ошибки исправлены.

Папуша не делит свои произведения на рифмованные строки, кроме нескольких особых, исключительных случаев. Она пишет подряд от края до края тетрадной страницы, лишь иногда отмечая конец фразы чем-то вроде скобки. Только при чтении удается ясно выделить отдельные стихи, завершающиеся созвучными окончаниями. Рифмы цыганской поэзии — преимущественно рифмы грамматические, их в цыганском языке великое множество. Достаточно сказать, что огромное большинство глаголов в одном и том же времени, лице и числе рифмуются между собой, например: багел, керел, пхирел, марел, бешел, традел (поет, делает, идет, бьет, сидит, едет). Благодаря этому и любая проза на цыганском языке, и разговорная речь невольно зарифмованы, усеяны созвучиями, которые отнюдь не продиктованы никаким декоративным, стихотворческим замыслом.

Сознавая это, переводчик решил частично или полностью отказаться от рифм при переводе лирических стихотворений Папуши, тех, где метафора и образ являют собой доминанту, главную ценность произведения. Рифмы оставлены в текстах, где, по-видимому, играют существенную роль музыкальность ритма и иные распевные, песенные качества. Рифмы сохранены также в песнях-рассказах, в отчетливо эпических стихотворных повествованиях, где созвучия подчеркивают плавность поэтического сообщения, его пульсацию. Ритмика большинства этих стихотворений нерегулярна и разнообразна, в пределах произведения многократно меняется; она текуча, перегружена избытком слов, предшествующих рифме в конце фразы. Если цыганскую народную поэзию назвать песней, то стихи Папуши — это «говорная песня», из которой испарилась музыка.

Зимой, в начале 1951 г., переводчик вручил Юлиану Тувиму присланную ему и адресованную великому поэту «Цыганскую песнь, из головы Папуши рожденную» вместе с подстрочником. Тувим был восхищен этим, как он выразился, «родником чистой поэзии» и не раз читал «Цыганскую песнь» посещавшим его друзьям. В первом письме к Папуше, от 7 февраля 1951 г., он писал:

«Милая и дорогая Поэтесса! Наш общий друг только теперь сумел передать мне Ваш адрес, поэтому с таким опозданием пишу Вам и со всей сердечностью благодарю за прекрасное стихотво-

рение, которое от Вас получил. Трудно выразить, с какой радостью читал я эти свежие, горячие, сердечные слова. Буду Вам очень благодарен, если Вы напишете мне несколько слов, а когда будете в Варшаве, пожалуйста, навестите меня. Пока же очень прошу Вас — продолжайте писать стихи. Если Вам понадобятся какие-нибудь книги и журналы, вообще все, что могло бы помочь дальнейшему развитию Вашего таланта и умножению знаний, прошу меня известить, я все устрою».

Тувим посылал Папуше книги, помогал во многих затруднительных положениях, добился для нее стипендии. Обещал то, что было осуществлено лишь через три года после его смерти: издание ее стихов. В 1952 г. он писал:

«Продолжайте писать — и всегда именно такие простые стихи, льющиеся из души цыганки! Когда еще немного наберется, мы издадим их книжкой (по-цыгански с польским переводом). Это будет первое на польской земле цыганское печатное издание, своего рода историческая книга».

Обещанная книжка вышла в издательстве «Оссолинеум», она включала небольшую подборку ранних стихов Папуши. Из четырех (по крайней мере) писем Тувима к Папуше удалось сохранить только два. Остальные — вместе со всеми многочисленными письмами переводчика-«братишки» преследуемая поэтесса в спешке и отчаянии уничтожила как якобы «отягчающие вину» улики, пребывая в тяжком нервном расстройстве во времена травли, которую ей устроили ее соплеменники... Более десяти писем Папуши осталось в архиве Тувима. При всех недостатках (по вине отчасти переводчика, отчасти научного редактора) первого издания песен книга была благосклонно принята критикой, ощутившей обаяние этой поэзии. Анна Каменская, поэтесса, чуткая к красоте народного творчества, писала: «В лучших песнях Папуши сравнения и эпитеты точны и ясны в своей народности, проверенной многими певцами. Но уже не народна, а своеобычна, индивидуальна эмоциональная ценность этих песен, проверенных и в ином смысле — самой жизнью Папуши, ее трудами, голодом, бегством, ее женской судьбой... "Цыганская песня" — произведение весьма удачное, созданное на едином дыхании, как единый плач любви к уходящей жизни».

Юлиан Пшибось, один из ведущих поэтов краковского авангарда, но и знаток народной поэзии, тоже не жалел похвал для цыганской поэтессы. В ее творчестве он увидел «необычный документ поэзии, изначально простой, еще не отнятой от кормящих сосцов цыганской народной поэзии». Далее Пшибось писал: «Произведения Папуши явление в наших краях необычное не только потому, что они возвещают о первой цыганской поэтессе. Они представляют собой редкий пример первородной, подлинной поэзии (...). Песня Папуши (...) прекрасна и, быть может, она ближе всего по духу к цыганской народной песне, она — нечто вроде "Exegi monumentum" цыганки. Я скажу, возможно, смешную вещь: мысль этой песни показалась мне глубже и благородней, чем гордое Горациево завещание».

С территории молчания, куда Папуша была изгнана на долгие годы, она сделала единственную вылазку в 1970 году. Тогда она написала несколько чудесных стихотворений, которые созревали в ней долго, все эти годы немоты. Переводчик-братишка, опубликовав произведения Папуши, невольно навлек проклятья на ее голову, вызвав мстительное подозрение, что она «спела чужим свои песни, спела и все остальное, выдала все тайны нашей жизни»...

Тувим, всегда столь доброжелательный и готовый помочь, умер еще в 1953 году. А собратьяцыгане сначала предали ее позору, потом отреклись от нее. Она осталась в одиночестве, полном кошмаров и страшных видений, покинутая всеми, кому верила и кого ни за что не хотела потерять, так что в последних своих стихах она разговаривает уже только с птицами — как с родными братьями, с лесом — как с отцом, с рекой — как с матерью, с теми единственными, кто не обманул.

Те бариол романо веш андре лакро болибен.— Да растет в ее небе цыганский лес.

Войцех Кучок

Перевод Андрея Базилевского

ГНИЛЬ

Отрывок

Слюна. Плевки, харкотина, мокрота, зеленые сопли, сгустки слизи. Школа была их обиталищем. Слюной здесь метили территорию, слюной общались, слюной объяснялись в любви и ненависти.

Все плевали, и мы плевали. Меня научили плевать. Прежде чем на меня наплевали впервые, в один из первых моих дней в школе, я увидел, как разговаривают плевками: двое семи- или восьмиклассников, во всяком случае двое из тех великовозрастных гигантов, у которых мы в первые годы путались под ногами, кто обращал на нас не больше внимания, чем на голубей, двое из них беседовали плевками, посредством плевков, быть может, это была последняя фаза разговора, который не увенчался компромиссом, а быть может — его единственная возможная фаза, быть может, эти двое уже давно общались исключительно при помощи плевков; так или иначе, тот молчаливый разговор был одной из первых приветственных картинок, одним из первых эпизодов, которыми встретила меня школа, старая, довоенная, с хорошей репутацией (как говорил старый К., много лет назад тоже ходивший в эту школу), то есть, может быть, этот разговор был даже первой картиной, которую я навсегда запомнил, из которой мне пришлось делать выводы. Один плевал в другого, другой плевал в него, сначала по очереди, словно обмениваясь мнениями, потом все яростней, синхронно, очередями, уже не ожидая, когда надлежащая порция слюны вытечет на язык из слюнных желез, а просто салютуя абы как, любой ценой, все более жалкими брызгами морося друг другу в лицо; они разговаривали, направляя плевки в лицо друг другу, за ними устало наблюдала группка других великовозрастных дылд, а когда во ртах у собеседников пересохло, они утерлись рукавами формы и разошлись, каждый восвояси.

Это была очень старая школа, самая лучшая, по словам старого К., некоторые учительницы его еще помнили. Он говорил:

— Я ходил в эту школу, и твой дядя, и твоя тетка, и никто никогда не посрамил честь нашей семьи, ты тоже не можешь ее посрамить.

Так что я всеми силами старался, только бы не посрамить, бдительно напрягал глаза и уши, чтоб как можно быстрее понять как можно больше, научиться, что значит быть учеником этой школы, между тем ничто не бросалось мне в глаза так сильно, как слюна. Слюна была поучительна. Она быстро отвадила меня от контактов с перилами, от какого бы то ни было контакта, не говоря уж о таком невинном баловстве, как езда по перилам, ибо перила в этой школе были всегда заплеванные, липкие от слюны, зеленеющей тут и там, вследствие обычая не только великовозрастных, но и младших учеников этой школы, обычая перегибаться через перила верхнего этажа и плевать вдоль колодца-коридора вниз, плевать на руки, неосмотрительно перемещавшиеся по перилам, на ладони тех, кто еще не отучился хвататься за перила. Конечно, не всякий плевок попадал в руку, иногда охота не удавалась, хотя техника поиска цели всегда внушала мне уважение: плюющий выцеживал изо рта шарик слизи на слюнной ножке и позволял ему свободно свисать между губами, пока не наводил его на подвижную цель, тогда сгусток освобождался и летел в заданном направлении. Не всегда он попадал в беспечную ладонь, порой, хотя группа охотников была велика, никто не попадал точно, никто не одерживал победы в соревновании, зато почти вся харкотина попадала на перила, и рано или поздно рука, которая невредимой ушла от обстрела, стирала сопли с перил, то есть так или иначе неосторожный был проучен, и этот урок, один из тех, что дала мне слюна, я усвоил и запомнил быстро; быстрее и больше всего на начальном этапе образования меня научила слюна. Казалось, в этой школе все страдали избытком слюны, они только и стремились избавиться от нее, без устали и без повода, словно всех мучило перманентное слюнотечение; ну, конечно, плевали прежде всего мальчики, причем мальчики особенные, так называемые «хахари» со Штайнки, то есть с улицы Кладбищенской, которая во времена оккупации называлась Каменной, Штайнштрассе, с улицы, где жили исключительно бывшие, нынешние или будущие

могильщики и их семьи, с улицы алкоголиков, нищих и преступников, которые копулировали тем плодотворней, размножались тем ожесточенней, чем больше горя им приходилось мыкать, чем безнадежней была их доля. Несмотря на относительно небольшую площадь, занимаемую Кладбищенской улицей и ее округой, прокреативные достижения здешних обитателей были столь высоки, что совершенно стирали различия между хахарями со Штайнки и остальными учениками, спешившими на уроки из других районов, рассеянных по более отдаленным частям города, остальными учениками из так называемых хороших семей, из так называемых нормальных семей; ах, можно даже сказать, что остальные, те, кто ходил в эту школу из районов, имевших репутацию обычных, нормальных и даже безупречных, составляли в этой школе меньшинство, можно сказать, в этой школе задавали тон хахари с Кладбищенской и из ее округи, страдавшие перманентным избытком слюны. Заасфальтированный двор, осаждаемый толпами детей во время большой перемены, был изукрашен кругами плевков, отмечавших места, где происходили групповые дискуссии. Когда в группках из нескольких человек происходили эти без малого двадцатиминутные беседы между звонками, оратор то и дело прерывал рассуждения плевком, а слушатели поддакивали, цедя слюну сквозь зубы, и чем больше они поплевывали, тем решительней соглашались с говорящим, а венцом подобных прений было общее харканье на асфальт всех разом. И, собственно, ничего больше в их жизни уже не менялось, я видел их потом годами, уже взрослых, по сей день вижу, как они кучкуются возле домов, стоят кружком и болтают о двигателях, фильмах-карате и гениталиях своих женщин, которые стоят рядом и смеются; они болтают, курят сигареты и плюют на асфальт, после них остаются круги слюны, как четверть века назад на школьном дворе.

Слюна была моей первой учительницей, она приводила меня в чувство, она прерывала игры, в которые играли мы, младшие, тогда еще пребывавшие на стадии подражания, так что игры у нас были те же, что у великовозрастных семи- и восьмиклассников, подростков-хахарей с Кладбищенской улицы. Когда мы играли в чику, бросая монеты в специально выкопанную ямку, слюна скучающего дылды была окончательным сигналом к завершению игры; эти великовозрастные бескорыстно плевали нам в ямки, и мы были вынуждены копать новые, куда они тоже плевали, и нам, объединяемым дрожью общего риска, приходилось украдкой пользоваться их ямками, приобретая при этом навыки конспирации. Слюна дала мне первый урок скромности, когда я принес показать дружкам тетраль с автографами и мы ее разглядывали перед уроком в узком кругу, толкаясь, чтобы лучше видеть, когда заинтересованный скоплением народа семиклашка подошел и спросил: «Чё там у вас?», а я услужливо подал ему тетрадь, с гордостью и почтением говоря: «Автографы»; когда, бросив взгляд на подпись короля форвардов лиги, он сказал: «Клево», взял тетрадь под мышку и ушел, а я бежал за ним и просил, чтоб он не забирал, просил громко, плаксиво и занудно: «Отдай, ну отдай»; когда наконец ему надоело и он ответил: «Ладно, заполучи», и прежде чем вручить мне тетрадку, плюнул в нее особо подготовленным, зелено-коричневым харчком из-под самого мозга, из центральной части

лобных пазух, прямо на страницу с игроками команды, после чего закрыл, сжал и с восторгом склеил страницы; да, слюна была хорошей учительницей. Ее можно было ожидать откуда угодно: прямо в лицо, когда противникам не хватало слов; сбоку, потому что когда на школьной экскурсии кто-нибудь засыпал, его будили, харкая в ухо; сверху, если по дороге в школу пройдешь не под тем балконом. Ох, дорога в школу, тогда меня метили особенно сзади.

Ох, дорога в школу. Ведь от так называемых приличных районов, но и от школы тоже, я был отделен Кладбищенской улицей и ее округой, ведь целых восемь лет, чтоб вовремя прийти на урок, я вынужден был ходить через всю Кладбищенскую улицу. А на Кладбищенской улице

Paulina Zielona

слюна грозила отовсюду: из окон и с балконов, мимо которых я проходил слишком близко, но также, и даже прежде всего — из-за спины, сзади; я каждый раз ускорял шаг на Кладбищенской, которую восемь лет дважды в день преодолевал на всем ее протяжении. Я ускорял шаг, потому что всегда чувствовал, что за мной идут по пятам, сзади всегда кто-то шел, это были хахари со Штайнки, самые гнусные, те, кто даже в школу не ходил. Молча рассевшись в сенях и на дворах, они наблюдали за своей улицей, улицей могильщиков и их семей, улицей нищеты, грязи и преступлений, они следили, не появился ли часом на их улице какой-нибудь инородный элемент, не нарушает ли нечто единую композицию луж, мостовой, красных кирпичных стен и зеленых подоконников, не забрела ли какаянибудь чужая дворняжка, не сидит ли на заборе кошка из другого района. Они сидели и караулили, чужой дворняжке привязывали к хвосту горящую тряпку и смотрели, как собака крутится волчком, одновременно пытаясь и убежать от огня, и догнать его («Xe-xe, вот теперь она, бля, породистая, бля, дворняга жженая, хе-хе»); кошек из другого района они швыряли с крыш, слишком высоких, чтоб те могли упасть на четыре лапы и выжить («Бля, дождь будет, кошки чё-то, бля, низко летают, хе-хе»), а за мной они просто шли. Я чувствовал на спине их дыхание, я ждал удара, которого мне так и не нанесли, только когда я наконец добирался до школы, дружки говорили мне: «Опять у тебя вся спина обхаркана», потому что хахари со Штайнки, идя за мной, оплевывали меня, плевали мне в спину, когда я шел по их улице, так они меня метили. Ох, дорога в школу.

Старый К. говорил, что это лучшая школа, в которую я мог попасть, он знал, что говорит, потому что сам в нее ходил, так же, как тетка и дядя.

— Это школа с традициями, да и ближе всего, другим детям приходится ездить на трамвае, на автобусе, а у тебя школа почти под носом, всего-то две-три улицы, и ты уже там.

Старый К. никогда не упоминал о хахарях с Кладбищенской, словно не знал об их существовании, но он мог не знать о них по той же самой причине, по которой удивлялся табунам алкашей в нашем районе и их тупым деткам, готовым проколоть шины любого указанного автомобиля за лимонад, пиво или сигареты, готовым проколоть и что-нибудь еще кому следует, удивлялся и повторял:

— В мое время такого не было. — И хотя это повторяют все отцы и деды, он понимал это буквально.

— Помни, этот дом построил твой дед, мой отец, это самый старый дом в округе. Когда я был маленький, вокруг были сплошные пустыри, потом начали строиться другие, потом эти бараки, а потом, после войны, рядом с нами поставили блочные коробки. Отсюда эти паразиты, дебилы чертовы, в мое время такого не было! У нас у первых был такой дом в городе, твой дед построил его подальше от центра, чтоб его оставили в покое, теперь небось в гробу переворачивается. Столько дебилов под окном, и ничего с этим не поделать, Боже, ты видишь это и не поразишь их громом...

Кладбищенская улица во времена старого К. наверняка еще только превращалась в Кладбищенскую улицу, много лет до этого она в безлюдной монотонности пребывала мощеной просекой, от

каменной мостовой ее и назвали Штайнштрассе; наверняка во времена старого К. у прежней Штайнштрассе не было даже так называемой округи, во всяком случае, это была необитаемая округа; наверняка поэтому и сам старый К., и его сестра, и его брат могли без опаски ходить по этой улице в эту школу, в их времена там были поля и пруды, никто не шел по пятам, не подкарауливал, не плевал в спину. Но теперь были времена хахарей со Штайнки, именуемой ныне Кладбищенскою улицей, да, это были их времена, ведь не мои же; я никогда никому не скажу «в мое время», потому что никакое время не было моим, даже когда оно у меня было.

Лешек Шаруга

«ЭТОТ ДОМ»

«Гниль» Войцеха Кучока (издательство «В.А.Б.», Варшава, 2003) — очередная книга из серии «романов воспитания»; она отличается тем, что в первой части описана весьма важная для понимания современных событий предыстория, корнями уходящая в межвоенное двадцатилетие. Это существенно для понимания того, как целое вписано в историко-географический пейзаж. «Гниль» имеет смысл читать в контексте повес-

тей «Дом, сон, детские сны» Юлиана Корнхаузера или «Два города» Адама Загаевского, так как эти книги рисуют верхнесилезский фон экзистенциального опыта героев. Это некоторым образом вписывает роман Кучока в разряд прозы о «малой родине», и такое прочтение явно можно подтвердить интерпретацией.

Однако тут есть дополнительное сомнение. Сам Кучок в интервью последовательно говорит о том, что он дал картину «гнили» жизни, и это, безусловно, правда, особенно на фоне финальной сцены, в которой «этот дом» проваливается в гнилостные хляби. Однако я прочитал здесь рассказ неприкаянного, «гнилого» человека, который не в состоянии до конца понять мир, в котором живет. Впрочем, грамматически различное, омонимическое истолкование заглавия не ведет к взаимоисключающим прочтениям.

Несомненно, герой Кучока транслирует не столько собственную историю, сколько историю «этого дома», он обуян манией «это-

Войцех Кучок

го дома». С уничтожением дома и он сам перестает существовать: «Я был, меня уже нет», — так завершает он свое повествование. Поэтому представляется принципиальным вопрос о тождестве повествователя. Гниение дома позволяет ему избыть собственное гниение. Катаклизм, приведший к тому, что дом, построенный дедом, разрушается, позволяет ему наконец заговорить о своем собственном опыте: о дрессировке, которой его подвергал «старый К.», как он называет своего отца. Этот рассказ — исповедь? — есть акт освобождения, метаморфозы.

Признаюсь, новая книга Кучока несколько меня озадачила. Я предпочитаю его не лишенные юмора и языковой изобретательности рассказы из предыдущих книг: «Рассказы тех, о ком слыхали» и «Скелетярка», — где свободная игра воображения, не чуждая сюрреалистических концептов, «несет» повествование, поражая небанальными решениями, до известной степени рассчитанными

на то, чтобы ужаснуть. Впрочем, и здесь такой тип повествования дает о себе знать в сцене взрыва выгребной ямы, поглотившей «этот дом», и, конечно, в развязке романа.

Катаклизм ограничивается только некоим обособленным пространством. Когда обитатели дома решают проверить, коснулось ли несчастье и их соседей, они убеждаются, что жертвами стали только они сами: «Ливень с секущими молниями, рвущими небо, ударил только в их дом, только над их домом ангелочки злорадно перекатывали бочки. Только над этим домом, наследственным, самым старым в округе, построенным дедами и прадедами, вода злобилась так искренне. Они сделали несколько шагов в сторону люмпенблока (как называл его старый К.) и прошли сквозь стену дождя, вымокшие, они стояли под сухим и благосклонным небом, глядя то на свой дом, то на остальной мир, не верили, крутили головами, рвали на себе волосы».

Эта семья, живущая среди других, — в то же время обособленная общность, она культивирует свои собственные традиции, укорененные в мещанско-аристократической (страшно и вспоминать-то такие термины!) атмосфере, позволяющей и возноситься над другими, и в то же время скрывать свои слабости, маскировать комплексы. Стиль повествования невыносимо ассоциируется с климатом прозы Гомбровича: реализм, подшитый гротеском, абсурдом, — вот, пожалуй, единственный серьезный недостаток романа; впро-

чем «гомбровичевская» стилистика с давних пор и по сей день остается непреодоленным наследием современной польской прозы — освободиться от нее, видимо, свыше сил нашей литературы, особенно той, которая пытается рассказать о попытках освободиться от ограничений, навязываемых традицией. Быть может, это освобождение должно неизменно вести к самоуничтожению повествователя?

И еще одно: эта «антибиография», как в подзаголовке определяет ее Кучок (а такой подзаголовок, в конце концов, не может не быть значимым), бросает вызов биографии: и то, и другое — обещание создать самого себя (ex nihilo?). Если роман Кучока прочесть в публицистическом контексте, то действительно — давно пора выбраться из гнили, в которой нам выпало жить, особенно последнее время. Я не усматривал бы здесь, как поступает часть рецензентов, только критику «патриархального общества» (это как раз дело второстепенное, хотя и бросается в глаза) роман, ведущий к самоуничтожению повествователя, имеет все же более широкие амбиции. Не случайно выгребная яма взорвалась именно теперь. Хотя, разумеется, различие реакций мужчин и женщин заслуживает углубленного гендерного анализа (предупреждаю: с моей стороны это шутка): «Женщины обморочно стонали:

- О Боже, выгребная яма взорвалась...Мужчины угрюмо ругались:
- О бляха, взорвалась выгребная яма...»

Янина Куманецкая

РУССКИЙ СЕЗОН В ПОЛЬШЕ

«Поляков уже не нужно убеждать в величии русского искусства», — написала одна журналистка, возвещая об открытии «Русского сезона» в Польше. Сезон начался осенью 2004 года и продлится до весны 2005-го. Вот что говорит об этом начинании координатор от польского Института Адама Мицкевича Гжегож Висневский: «Думаю, что после долгого перерыва, вызванного пресыщением, начинают преобладать положительные ассоциации. Частично это объясняется ностальгией по прошлому, а частично неподдельным интересом молодежи, у которой нет негативного опыта, связанного с ПНР, но которая интересуется всем новым. А в российском исполнении это оказывается чем-то захватывающим».

«Русский сезон» в Польше начался с яркого события, которым стало открытие выставки «Warszawa—Moskwa/Mockвa—Варшава. 1900-2000». В залах варшавской галереи искусств «Захента» представлено около 400 работ. По словам автора концепции Анды Роттенберг, «показать польско-российские художественные контакты XX века при столь небольшой площади экспозиции — довольно рискованная задача. Это первая попытка взглянуть на искусство XX века обеих стран, абстрагируясь от политического багажа, который отягощал наши отношения до 1989 года». О выставке подробно говорится на следующих страницах, здесь же приведем лишь мнение о ней Дороты Ярецкой: «Особенно сильное впечатление производит часть, посвященная художественной революции и тому, что от нас осталось после того, как мы были пропушены через тоталитарные жернова. Рушится какой-то барьер, открывается какой-то путь. Это крупная и важная выставка».

Выставка сопровождалась организованным в кинозале «Захенты» просмотром русских и советских фильмов, на котором было представлено 20 самых выдающихся кинокартин, созданных в 1918-1982 годах.

В программе открывшегося в ноябре 2004 г. «Русского сезона» есть и множество других событий. В ноябре, декабре и январе Национальная фильмотека организовала ретроспективный показ российских фильмов. Кроме того, в декабре своего рода дополнением к некоторым киносеансам стала выставка рисунков Сергея Эйзенштейна в варшавском павильоне «Круликарня». В начале 2005 г. организаторы готовят пиршество для театралов — гастроли петербургского Малого драматического театра — Театра Европы с чеховским «Дядей Ваней» в постановке Льва Додина и Московского театра-студии Олега Табакова с горьковскими «Последними». К этому следует добавить музыкальные события, из которых самый большой успех имел пока что концерт русской музыки в исполнении Московского академического камерного оркестра «Мизіса Viva» под управлением Александра Рудина. А еще до начала сезона толпы валили на концерты хора им. Александрова и Санкт-Петербургского государственного мужского балета Валерия Михайловского.

Дополнением к большой выставке в «Захенте», охватывающей целый век взаимного влияния и проникновения, стала более скромная, но тоже необыкновенно интересная выставка польского и российского актуального искусства «За красным горизонтом. Актуальное искусство из Польши и России», организованная Центром современного искусства в Уяздовском замке. Посмотрев ее, можно оценить сходство и различия последних тенденций в искусстве обеих стран. Подводя итог, обратимся еще раз к мнению Дороты Ярецкой, которая, пожалуй, наиболее метко и лапидарно определила, что нас объединяет и разделяет в современном искусстве: «Проблема России — власть. Настоящая, крепко держащая людей за руки. Поляки тоже говорят о власти, но скорее о власти СМИ, символических и эстетических кодов, а также национальных стереотипов (...) В польском искусстве идет спокойная дискуссия об эстетике. В России эстетика отодвигается на второй план. Поляки говорят о языке искусства. Русские — о том, что из отрубленной головы всегда польется кровь».

Весной 2005 г. выставка «Warszawa—Moskwa/Mocква—Варшава. 1900-2000» откроет «Польский сезон» в России. За ней последуют другие культурные события. Будем надеяться, что они будут интересны российской публике.

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

СТО ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

Жители крупнейших европейских столиц давно привыкли к большим международным выставкам. В числе этих столиц уже много лет находятся Москва и Петербург. Достаточно вспомнить о таких грандиозных проектах, как «Париж—Москва/Москва—Париж. 1900-1930» в московском Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина и парижском Центре Помпиду, или «Берлин—Москва/Москва—Берлин. 1900-1950» и его второй части «1950-2000» в берлинском выставочном зале «Мартин-Гропиус-Бау» и московском Государственном историческом музее.

В конце минувшего года к этим городам присоединилась Варшава, где в галерее искусств «Захента» открылась выставка «Warszawa—Moskwa/Москва—Варшава. 1900-2000».

Замысел этого масштабного проекта вынашивался много лет. Столь крупная выставка требовала детальной проработки концепции, привлечения огромного количества участников, музе-

ев, государственных и частных фондов и, наконец, спонсоров. Главным разработчиком концепции с польской стороны был Институт Адама Мицкевича, а главным куратором выставки — Петр Новицкий.

КАК ПОСТРОЕНА ВЫСТАВКА

Варшава, в отличие от других европейских столиц, не располагает большими выставочными залами, а Национальный музей уже давно задыхается от тесноты и невозможности показать в полном объеме даже собственное собрание. Поэтому главная часть экспозиции была размещена в сравнительно небольших залах галереи «Захента», построенной в начале XX века Обществом поощрения изящных искусств. И, как следствие этого, возникла необходимость применения «выставочной стратегии», заключающейся не в широком и

всестороннем показе художественных направлений, но в представлении отдельных точек соприкосновения, в которых проявляется близость и взаимовлияние, а также явлений, характерных для польской и русской культуры. Правда, сами определения «польский» и «русский» применительно ко многим авторам могут быть неясны. Отсюда множество недоразумений. Достаточно вспомнить, как было воспринято приветственное письмо президента Квасневского, где помимо слов о том, что поляки всегда восхищались русской культурой, президент напомнил, что и русская культура многим обязана полякам. Далее прозвучали четыре фамилии «польских» художников: Орловский, Семирадский, Врубель и Малевич (?!). Впрочем, эти «недоразумения» могут показаться серьезными только людям, которые смотрят на искусство как на футбольное поле, где сражаются две национальные команды. Лучшей иллюстрацией этого утверждения может послужить творческая и человеческая судьба Казимира Малевича.

малевич вчера, сегодня и всегда

Можно спорить с теми, кто утверждает, что «Черный квадрат» — самая важная картина XX века, но то, что это произведение стало осью варшавской выставки, своего рода ее иконой, сомнению не подлежит. В марте 1927 г., когда Малевичу впервые разрешили выехать за границу, он приехал в Варшаву, где оказался не среди эпигонов и почитателей, но среди художников, с которыми на протяжении многих лет он вел своеобразный творческий диалог. В их числе следует особо упомянуть его друга и сподвижника Вацлава Стшеминского, который уже в 1918 г. был

плодовитым и зрелым живописцем, работавшим над чистой формой. Варшавская экспозиция произведений Малевича 1927 года — авторское произведение художника. Судя по сохранившимся фотогра-

фиям и документам, она сыграла большую роль в его творческой биографии. Малевич впервые имел возможность показать генезис и развитие своей живописи в таком объеме. Думаю, что эта экспозиция заслуживает реконструкции, подобно тому, как были скрупулезно реконструированы памятник III Интернационалу (представленный на варшавской выставке) и «Летатлин».

Приезд Малевича не прошел без следа. Он дал новый импульс творческим поискам многих до- и послевоенных польских художников. И если в России его творчество было заново открыто в 1960-1970-х гг., то в Польше диалог с ним был непрерывным вплоть до наших дней. Вспомним хотя бы, что автор колористической концепции варшавской выставки — Леон Тарасевич, известный польский художник и последователь Малевича. Важнейшей фигурой современной польской живописи стал и Ежи Новосельский, знакомый москвичам по недавней персональной выставке. Влияние Малевича на эстетику его картин неоспоримо. А десять лет назад группа тогда еще молодых, а ныне признанных живописцев, среди которых были Игнаций Чвартос, Станислав Коба, Войцех Чвертневич и Бетина Бересь, основала творческое содружество «Отварта працовня» («Открытая мастерская»). В их «неоабстракциях» открытия Малевича и Стшеминского находят сегодня свое новое воплощение.

ВМЕСТЕ И ПОРОЗНЬ

Не всегда в нашей истории взаимное влияние было следствием естественного притяжения культур и творческого диалога художников. Речь, понятное дело, идет о пресловутом соцреализме, главным символом которого для поляков стал варшавский Дворец науки и культуры. Раболепные вожди ПНР дали ему имя Сталина, и возвышался он среди тогда еще полуразрушенной Варшавы как символическое продолжение московской оси высотных зданий. «Письмо с фронта» Александра Лактионова, «Утро нашей Родины» Федора Шурупина, «Строители Братска» Виктора Попкова и, конечно, «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной живо напоминают полякам лучшие или худшие работы послевоенных польских мастеров идеологического фронта, прославлявших коллективизацию на селе, строительство Новой Гуты или труд рыбаков.

Правда, лично на меня значительно большее впечатление произвела

Михаил Ларионов «Кацанская Венера», 1912 Токгородский художесственный музе

реконструкция типичных московской и варшавской квартир 70-х годов (автор идеи — куратор выставки Анда Роттенберг). В варшавской квартире — ковер, диван, книжные полки, журнальный столик, два кресла, проигрыватель, на полках книги Набокова, Геллера и еще несколько сот самиздатовских томов, пластинки Высоцкого, Окуджавы, Бичевской. В Москве — тот же шкаф, диван, столик и проигрыватель, на полках — журналы «Польша» и «Пшекруй», пластинки Марыли Родович и Анны Герман. Жизнь почти одинаково серая. Так вы-

Тимон Несёловский «Купание», 1919 Национальный музей, Варшава

глядел конец той эпохи, когда политики пытались заставить художников творить под диктовку. Хотя «польский барак» в этом лагере выглядел повеселее. Достаточно вспомнить, что «суровый стиль» картин Коржева и Попкова в России считался крайне либеральным отклонением от норм соцреализма, между тем как в Польше в это же время возродилась традиция довоенного авангарда (Краковская группа, Тадеуш Кантор, Йонаш Штерн). Первая независимая варшавская галерея искусств открылась в 1966 г., т.е. на десять лет раньше выставочного зала на Малой Грузинской. Подобных сопоставлений можно было бы привести гораздо больше.

ВМЕСТЕ И ПОРОЗНЬ. СТО ЛЕТ НАЗАД

Совсем иначе представляется экспозиция, открывающая варшавскую выставку. Искусство начала прошлого, как, впрочем, и начала нынешнего столетия, в обеих странах пользуется сходным пластическим и метафорическим языком, невзирая на границы. И то, что сегодня мы объясняем глобализацией и доступностью материалов и информации, в то время определялось существованием «культурных столиц», таких, как Париж, Мюнхен или Москва, в которых сосредотачивалась культурная и научная жизнь эпохи. Залы, представляющие творчество русских и польских символистов, свидетельствуют о близости творческих и метафизических поисков в художественной среде начала XX века. Большое внимание на варшавской выставке уделено художникам, получившим образование в российских художественных школах, в основном в петербургской Академии художеств (Фердинанд Рущиц, Ян Цёнглинский, Конрад Кшижановский, Казимеж Стабровский, Людомир Следзинский и др.), а также тем, кто по тем или иным причинам долгое время пребывал в России (Болеслав Цибис, Зигмунт Валишевский, Виткаций, Владислав Стшеминский, Катажина Кобро).

ТАК ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

Тот же феномен «похожести» наблюдается и сегодня, на пороге XXI века. Иногда, глядя на произведение искусства, мы не можем с уверенностью сказать, к какой национальной культуре принадлежит его автор, и даже понять, с какого он континента. Варшавскую выставку завершает произведение, которое не только интеллигентно и с юмором описывает эту ситуацию, но и наводит реальные мосты между культурами. Своеобразной виньеткой, венчающей наш контакт с более чем 400 экспонатами, стала инсталляция «Весна

священная» Катажины Козыры. Этот мультимедиа-проект сталкивает между собой культуру начала и конца XX века, а также искусство видео, представляющее премьеру одноименного балета в хореографии Вацлава Нижинского в 1913 году.

В заключение необходимо сказать, что огромное количество тщательно подобранных экспонатов дополняли многочисленные лекции лучших знатоков русской и польской культуры, а своеобразным развитием темы стал ретроспективный показ классики советского и российского кино — от Эйзенштейна до наших дней.

Огромная выставка дает множество тем для размышления, и каждый, кто ее уже увидел или еще посмотрит, будет многократно возвращаться к ее идеям и отдельным произведениям. Но самый простой и ясный вывод — это ответ на вопрос: вместе или порознь? Историки и политики ищут этот ответ в «перечне взаимных болей, бед и обид», между тем как художники его давно уже знают.

После закрытия выставки в Варшаве она приедет в Москву и будет экспонироваться в залах Третьяковской галереи.

Проект осуществляется под патронатом президента Российской Федерации Владимира Путина и президента Польской Республики Александра Квасневского.

Организаторы выставки:
Министерство культуры Польской Республики
Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации
Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Центр международного культурного сотрудничества «Институт Адама Мицкевича»
Государственный музейно-выставочный центр РОСИЗО МК РФ
Государственная Третьяковская палерея

Национальная галерея искусств «Захента» Государственный центр современного искусства Центр современного искусства «Уяздовский замок»

Гжегож Пшебинда

СВЯТЫЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

К выходу польского перевода книги Георгия Федотова «Святые древней Руси»

Книга «Святые древней Руси» — необычайное произведение. Впервые она увидела свет в «русском Париже» в 1931 г., но лишь 60 лет спустя была издана в Москве, а теперь и в Польше, в переводе Генрика Папроцкого (Белосток—Быдгощ, Братство польской православной молодежи и изд. «Нотіпі», 2002).

Не засушивать святых...

Федотов — русский знаток Средних веков, но такой, кому одновременно была бы близка (если б он ее знал) историософская догадка польского поэта Циприана Камиля Норвида: «Прошлое — сегодня, только чуть подальше». «Святые древней Руси» заканчиваются XVII веком. Затем наступила синодальная эпоха, когда весьма существенно изменились условия православной канонизации. Петр I после смерти Патриарха Адриана (1700) уже не позволил избрать нового Патриарха, а в 1721 г. создал Священный синод во главе с мирянином. Синод руководил церковной жизнью в России, в т.ч. канонизациями и догматическими вопросами, вплоть до 1917 года. На протяжении почти двух столетий, т.е. до восшествия на престол Николая II (1894), были канонизированы всего четверо святых, почти исключительно епископы (в частности, Димитрий Ростовский и Тихон Задонский). Федотов пишет: «С точки зрения официальной, иерархической церкви, святой епископ казался единственно достойным прославления. Отсюда и недоразумение, вкравшееся в литературный русский язык: нередко святителем называют всякого святого. Отсюда и знаменитое циническое определение святого, дававшееся острословами духовных академий: святой — это сушеный архиерей».

В СССР лишь к тысячелетию Крещения Руси была произведена первая православная канонизация. В 1988 г. РПЦ причислила к лику святых девять исторических лиц: победителя татар князя Димитрия Донского, иконописца Андрея Рублева,

монаха-мыслителя Максима Грека, митрополитаписателя Макария Московского, православного старца-мыслителя Паисия Величковского, юродивую Ксению Петербуржскую, епископа-богослова Игнатия Брянчанинова и монаха-отшельника, религиозного писателя Феофана Затворника. Они весьма достойно представляют историю и богатейшие «категории святости» Руси и России с конца XIV до конца XIX века.

Среди причисленных к лику святых в 1988 г. оказалась юродивая Ксения, чему очень обрадовался бы Федотов. «Не велико, — писал он, число святых жен в русской Церкви: Церковью канонизированы, кажется, всего двенадцать». Во главе их стоит, разумеется, св. равноапостольная княгиня Ольга, бабушка св. Владимира. Федотов упоминает еще Ефросинию Полоцкую (‡1173), Анну Кашинскую (‡1368), Ефросинию Московскую, жену Димитрия Донского (‡1407) и Юлианию Лазаревско-Муромскую (‡1604). В 1601-1602 гг., во время страшного голода, когда на Руси случалось людоедство, Юлиания открыла крестьянам свои амбары. Она была окончательно канонизирована лишь в 1903 г., когда ее имя было включено в изданный Священным Синодом «Верный месяцеслов Востока». Как и Нил Сорский, святой XV века, она считается покровительницей интеллигенции: «В ней находит свое оцерковление ее традиционное народолюбие и пафос социального служения».

Православные жертвы революции

При Горбачеве канонизировали святых, принадлежавших к дореволюционной истории, за одним исключением: в 1989 г. к лику святых был причислен Патриарх Тихон (Белавин, ‡1925). После того как СССР рухнул, появились условия для канонизации жертв большевиков. Кровавые преследования Церкви начались прямо осенью 1917-го, массовый характер приобрели в 1918-м,

апогея же достигли в 1937-1938 гг. Как сообщает сегодня официальная интернет-страница Санкт-Петербургской митрополии, в 1937 г. было арестовано 136,9 тыс. лиц из рядов духовенства или связанных с Церковью, из них 85,3 тысячи были расстреляны; в 1938 г. эти цифры составляют 28,3 и 21,5 тысячи. В августе 2000 г. на Юбилейном синоде православных епископов было канонизировано свыше тысячи человек, прежде всего жертв революции. Церковь сослалась на примеры культа мучеников в первые века христианства. Среди новых святых — например, протоиереи Философ Орнатский и Иоанн Восторгов, замученные в 1918 г., митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и архиепископ Калужский Августин (Беляев), погибшие в 1937-м. Канонизированы также исповедники XX века, в частности, архиепископ Симферопольский, хирург-чудотворец Лука (Войно-Ясенецкий, ‡1961).

Споры возбудил факт канонизации царя Николая II и его семьи, расстрелянных большевиками в 1918 году. Когда в 1981 г. их признала новомучениками Русская Зарубежная Православная Церковь, возражения раздавались не только из брежневского СССР, но и из рядов эмиграции. Подчеркивалось, что казнь Николая II и членов его семьи не может быть признана «мученичеством за Христа», Однако синод РПЦ в 2000 г. нашел выход из этого лабиринта и причислил царя и царскую семью к лику святых как страстотерпцев.

Кто в русской Церкви канонизирует?

Это сложный вопрос, особенно когда он касается древнерусского прошлого. Напомним, что на Западе с XIII века причисление к лику святых стало исключительной прерогативой Папы. В русской же Церкви вплоть до эпохи Петра I мы имеем дело с куда большей «демократией», может быть даже «анархией». Федотов пишет, что в перечнях русских святых обнаруживается много противоречий, особенно если говорить о числе канонизированных. Поэтому выйдем за пределы книги и попробуем это упорядочить.

В истории русской Церкви есть, если брать хронологически, пять периодов канонизации. Первый начался в XI веке и продолжался до 1547 года. Причисляли к лику святых в основном правящие в своих епархиях архиепископы; почитание святых носило местный характер, но во многих случаях почитание того или иного святого приобретало общерусский характер. Тогда к лику святых причислили свыше 60 человек — сначала страстотерпцев Бориса и Глеба (‡1071, первые русские святые), затем равноапостольных княгиню Ольгу (канонизирована до монгольского нашествия) и князя Владимира (канонизирован после победы Александра Невского над шведами в 1240). О всех этих святых красочно рассказывает Федотов, как и о других святых этого периода — Феодосии Печерском (‡1074, канонизирован в 1118), князьях-мучениках, таких, как Михаил Черниговский (погиб в Орде в 1246), московских митрополитах XIV-XV веков.

Второй период — 1547 и 1549 гг., когда при молодом царе Иване IV на двух синодах во главе с митрополитом Макарием канонизировали 39 святых. Собирание всех русских святых совершалось во имя Третьего Рима — нового государства Московского как наследника Византии. Двадцать лет продолжалась подготовка материалов к житиям святых, от крещения Руси «в земле Российской просиявших». В 1552 г. жития были кодифицированы в Великих Четьях Минеях. Цензура поработала: из житий убирали многочисленные «регионализмы», перечившие политическим устремлениям Москвы.

Третий период продолжался полтора века — от смерти Макария (1563) до 1700 года. Канонизациями тогда занимался Синод при Патриархе Московском. Здесь у Федотова особенно интересны описания Иосифа Волоцкого и Василия Блаженного, юродивого московского. Вместе с политизацией Церкви святость начала исчезать. По расчетам Федотова, в XVII веке было уже только 13 святых, причем 11 из них — в первой половине столетия: «В последний свой век она [Русь] горделиво утверждала себя как святую, как единственную христианскую землю. Но живая святость ее покинула». Однако православная канонизация происходила тогда не только в Москве, но и в Киеве, т.е. на тогдашней территории Речи Посполитой Обоих Народов. В 1643 г. митрополит Петр Могила канонизировал здесь 118 святых, мощи которых покоились в Киево-Печерской лавре. Только в 1762 г. Священный синод включил их в общерусский церковный календарь.

В четвертый, синодальный период (1721-1917) лишь 11 человек были причислены к лику святых, в т.ч. семь — в царствование Николая II (1895-1917). В 1903 г. Священный синод канонизировал Серафима Саровского (‡1833), а в 1913-м, на 300-летие дома Романовых, — Патриарха Московского Гермогена (‡1612).

О пятом периоде, начатом восстановлением патриаршества и продолжающимся по сей день, коротко сказано выше.

Канонизация для земли

Федотов — либерал с повышенной чувствительностью к вопросам трансцендентного. Поэтому в феноменологическом смысле вопрос «святости» обладает у него внеземным аспектом, а канонизация того или иного святого — это лишь церковный выбор. Однако этот выбор носит также исторический и человеческий характер. Ценность книги «Святые древней Руси» вытекает и из ее гуманистического аспекта: «Канонизация — не для неба, а для земли». В каждом из описываемых им святых, даже если это всего лишь представитель древнерусского «типа святости», Федотов хочет и ныне найти живые черты.

Два самых древних русских святых, Борис и Глеб, казалось бы, всего лишь лики с иконы, становятся под пером исследователя героями нашего времени. Федотов обращает внимание на то, что в Киевской Руси особо популярной была повесть о святых братьях, которая выдвигала на первый план человеческий характер их страдания. Значительно меньший интерес вызывало сочинение Нестора (XI век), где Борис и Глеб рассматривались в духе нравственно-политического толкования — как «послушные старшему брату». Для Федотова мученичество братьев-князей было «подражанием Христу», а не политическим долгом, вытекавшим из принципа первородства (послушания старшему брату). Здесь мы находим и объяснение разницы между мучеником и страстотерпцем. Первый погибает «за веру христианскую». Второй принимает смерть «во имя Христа» и, подражая Его страданиям, проявляет смирение и повинуется судьбе. «Страстотерпцем» позднее в Московской Руси признали царевича Димитрия, убитого в Угличе сына Ивана Грозного. К этой же категории святых, как я уже сказал, причислили в 2000 г. Николая II и его семью.

Федотов не выдвигает на первый план аскезу русских святых. Ему ближе те, кто строил христианскую культуру — как в монастыре (Феодосий Печерский), так и в миру (Стефан Пермский). Занимаясь юродивыми, Федотов обращает внимание на их социальное служение и обличение неправедных властителей. Он приводит рассказ о разговоре св. Николы, юродивого псковского, с

Иваном Грозным. В 1570 г., уже после резни в Новгороде, Иван пригрозил тем же Пскову: «Известная легенда прибавляет, что Никола поставил перед царем сырое мясо, несмотря на великий пост, и в ответ на отказ Иоанна — "я христианин, и в пост мяса не ем" — возразил: "А кровь христианскую пьешь?"»

Если бы Федотов дожил до нашего времени, ему было бы над чем задуматься... Летом 2002 г. «православные патриоты» распространяли в России иконки «святого царя» Иоанна Грозного... Патриарх Алексий II возразил тогда: «Нельзя прославлять одновременно и убиенных, и их убийц. В противном случае пришлось бы деканонизировать святителя Филиппа, митрополита Московского, который был задушен Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного».

Особого внимания в «Святых древней Руси» заслуживает большая глава, посвященная святителю Стефану Пермскому (ок. 1345-1396). Он был миссионером, посвятил свою жизнь обращению языческого племени пермяков (зыряне, коми). Образованный Стефан знал греческий язык, научился пермскому, что в сумме с русским делало его знатоком трех языков. «Явление, — как пишет Федотов, — не столь редкое в древнем Киеве, но уже совершенно исключительное на московском севере». Стефан Пермский был эллинистом, но расстался с наукой из любви к язычникам-зырянам. Он создал для них алфавит, стал создателем зырянской литературы: «Он не пожелал соединить дело крещения язычников с их обрусением. Не пожелал и идти к ним со славянской литургией, разъясняемой проповедью на народном языке. Он сделал для зырян то, что Кирилл и Мефодий — для всего славянства. Он перевел для них богослужение и св. Писание — вероятно часть его. Предварительно он должен был составить зырянскую азбуку, и немногие сохранившиеся до нас образцы древнего пермского письма показывают, что он воспользовался для него не русским и не греческим алфавитом, но, вероятнее всего, местными рунами — знаками для зарубок на дереве (...). Так вместе с Христовой верой, в стране совершенно дикой зажигается очаг христианской культуры».

Сергий Радонежский (‡1392) был канонизирован в 1452 г. и по сей день остается одним из самых чтимых святых Московской Руси. Он возродил здесь монастырскую общежительность, созидавшуюся в Киевской Руси Феодосием Печерским,

но уже в XII веке уничтоженную в Киеве. Сергий Радонежский жил и действовал в последний век татаро-монгольского ига, когда, по словам Федотова, на Руси воцарилось «всеобщее огрубение и одичание» как «естественное следствие» нашествия. В палестинском духе Сергий соединил задачи монашеской жизни с благотворительностью, но был далек от отвержения культуры, характерного для восточной аскезы. В то же время, что Федотов особенно подчеркивает, он был мистиком и богословом Пресвятой Троицы (большая редкость для «бедной богословием Руси»). Сергий Радонежский — в то же время и покровитель национального дела Руси: в 1380 г. он благословил войска Димитрия Донского перед Куликовской битвой.

Святые и империя

Мы видим в Федотове русского патриота, который знает, что в сознании московского народа XV-XVI вв. св. Сергий Радонежский занял достойное место рядом с Борисом и Глебом. Одновременно исследователь напоминает о митрополитах Московских, святителях Петре, Алексее и Ионе, много послуживших православию и государству. Заслуживает внимания фрагмент о Патриархе Московском и всея Руси Гермогене, уморенном голодом во время польской интервенции в 1612 г., во второй период Смутного времени.

Однако Федотов хорошо знает, что русские святые — это еще не весь русский народ. Он неустанно опровергает и тезис, согласно которому уже в первые века своего существования в Киевской Руси Церковь причисляла князей к лику святых за их национальные или политические заслуги. Этому противоречит тот факт, что среди канонизированных князей мы не найдем ни Ярослава Мудрого, ни Владимира Мономаха, «тех, кто больше всего сделал для славы России и для ее единства»: «Церковь не канонизирует никакой политики — ни московской, ни новгородской, ни татарской; ни объединительной, ни удельной. Об этом часто забывают в наше время, когда ищут церковно-политических указаний в житии Александра Невского. (...) Император Петр, перенеся его мощи из Владимира в новую столицу, в годовщину Ништадтского мира, сделал его ангелом-покровителем новой империи».

Русские привыкли, как говорит Федотов, к очевидной в древнерусских летописях и «Слове о полку Игореве» общерусской национальной

идее и похвале политики собирания земель. Однако в Средние века эти принципы пробивались в христианское сознание лишь с огромным трудом. Зато в нем жила «концепция малой родины»: «Это отечество, эта русская земля — не государство, которого еще не существовало, - вместе с городской областью, малой родиной является в княжеских житиях предметом нежной и религиозной любви». Только московский период принес фундаментальные перемены. Федотов описывает систематическое падение святости во все более сильном и территориально все более могущественном государстве. Корни этого явления он усматривает в эпоху Ивана Грозного: «1547 — год венчания на царство Грозного — в духовной жизни России разделяет две эпохи: святую Русь от православного царства».

XXI век

Издавая свой труд в 1931 г., Федотов писал, что в лице русских святых мы не только чтим покровителей святой и грешной Руси, но одновременно ищем в них примера для собственного духовного пути. Он предвидел и то, что случилось в Европе после 1989 г., и в то же время указывал православным пути к XXI веку: «Революция, сжигающая в огне грехи России, вызвала небывалое цветение святости, святость мучеников, исповедников, духовных подвижников в миру. Но гонимое малое стало русской церкви сейчас изгнано из созидания русской жизни, из новой творимой культуры. (...) Но придет время, и русская церковь станет перед задачей нового крещения обезбоженной России. Тогда на нее ляжет ответственность и за судьбы национальной жизни».

Сегодня Федотов, несомненно, был бы горячим противником той антикатолической актуализации русских святых — например, Александра Невского и патриарха Гермогена, — проводимой националистическими группками в Российской Федерации. В своих статьях, например, «Польша и мы» [см. «Новую Польшу», 2003, №3], «Над гробом Пия XI», «Александр Невский и Карл Маркс», он всегда выступал против враждебности православного Востока по отношению к католичеству, Польше и латинской Европе. Делал же он это во имя своей утраченной родины: «Защита России» — очень точное название сборника его статей, вышедшего в Париже в 1988 году.

СЕЙЧАС МЫ МОЖЕМ ГОВОРИТЬ НА РАВНЫХ...

Беседа с композитором Тимуром Коганом

Тимур Иосифович Коган родился в 1943 г. в Баку. Выпускник Бакинской и Ленинградской консерваторий по классам фортепьяно, органа, симфонического дирижирования и композиции. Работал дирижером в эстонском театре «Ванемуйне» в Тарту. Автор детской оперы «Огниво» по сказке Г.Х.Андерсена, балетов «Легенда», «Ковбои», «Суламифь», телебалетов «Галатея» и «Старое танго», ораторий «Венский кадиш» и «...Я приведу вас в землю обетованную», вокального цикла на стихи Аполлинера «Алкоголи» и других, мюзиклов «Мещанин во дворянстве», «Сусанна и старцы», «Заколдованный портной» (по Шолом-Алейхему) и др., а также музыки ко многим художественным фильмам. Автор книг «Сочинение балета», «Сочинение оперы». Создатель Санкт-Петербургского еврейского музыкального ансамбля, исполняющего танцевальную и свадебную еврейскую музыку, автор музыки к документальному музыкальному фильму «Музыка, ушедшая из России», посвященному народной музыке еврейских поселений России, Украины, Польши, Румынии.

10 ноября 2004 г. в Санкт-Петербурге, в храме Божней Матери Лурдской в Ковенском переулке, состоялась предпремьера оратории петербургского композитора Тимура Когана «Gloria Polonica». Оратория посвящена истории Речи Посполитой и возрождению польского государства и приурочена ко Дию Независимости Польши.

Произведение Тимура Когана прозвучало в исполнении симфонического оркестра Санкт-Петербургской консерватории и хора «Lege Artis» (художественный руководитель Борис Абальян). Солистки Виктория Ганжа и Анжела Галушко, дирижировал автор.

— Тимур Иосифович, расскажите о своем новом сочинении.

 Я хотел отразить историю Польши с 1918 года по сегодняшнее время. К сожалению, польская независимость долго не продлилась: через два десятка лет последовало нападение фашистской Германии, а за ним — оккупация Польши Советским Союзом. И только относительно недавно Польша стала действительно независимой. В 1920 г. большевики бросили клич: «Даешь Варшаву!» — и несметные полчища, в том числе Первая Конная армия, пошли на штурм Варшавы. И можете себе представить, чем бы это все кончилось, если бы маршал Пилсудский не организовал оборону Варшавы, сумев объединить разных людей в Польше? Наша армия катилась обратно вплоть до Киева, потом было «чудо на Висле» (битва под Варшавой), о котором в России сегодня мало кто знает. Есть у меня эпизод «Солдаты

Вестерплатте». А что такое Вестерплатте, никто в России не знает. А Вестерплатте, этот несчастный кусочек польской земли, защищала от нашествия немцев горстка поляков. Потом они были вынуждены сдаться. Немцы были потрясены мужеством поляков и пленных не расстреляли. Это как наша Брестская крепость, но только в меньших масштабах. Для художника такие вещи очень интересны, потому что они не такие лобовые. Оратория — обычно хвалебное, заздравное произведение. Но у меня это трехслойная вещь. Вопервых, это традиционные хвалебные католические тексты на латыни в исполнении хора и симфонического оркестра. Во-вторых, я написал несколько песен на стихи Константы Ильдефонса Галчинского, которые исполняются в русском переводе. Галчинский попал в немецкий лагерь для военнопленных и уцелел. Его стихи отражают душу поляков, этого поэта очень любят в Польше, и по совету консула Хиеронима Грали, который очень много содействовал этому сочинению, я написал музыку на его стихи. Наконец, в ораторию входят симфонические отрывки, которые отражают события трагической и кровавой истории Польши в 20-летний межвоенный период, когда Польша была независима, там есть и «Чудо на Висле», а затем есть и Варшавское гетто, и Варшавское восстание, и другие эпизоды.

Проще простого было бы взять латинский текст и написать, какие все счастливые. Но это была бы формальная халтура, одни флаги и аплодисменты. Кому это надо? Бесконфликтная была бы Глория. Так в XVII или в XVIII веке писали бесконечные Глории какому-нибудь графу или князю по поводу его женитьбы или рождения наследника. А это непростая, кровавая Глория. Там есть довольно тяжелые, трудные, нервные эпизоды. Что делать? У каждой страны своя судьба. Но, слава Богу, все кончилось действительно независимостью польского государства. Я решил попробовать написать такое произведение. А что получилось, судить уже не мне.

— А когда вы написали эту ораторию?

— А я написал ее молниеносно. Вообще у меня такой стиль: когда вижу решение, то пишу быстро. Писал в конце весны и летом. Настолько четко видел, что писал сразу партитуру. Я очень много знаю об этом народе, об этой стране. Корни мои со стороны матери — в Польше. У нас

дома даже говорили кое-что по-польски, и мне эта страна очень близка. Я не поляк, я все-таки еврей. Вы знаете, какое количество евреев жило в Польше, — огромное. Потом они все погибли в газовых камерах, чего я тоже не мог не отразить. Писать просто хвалебную вещь довольно традиционно и скучно, малоинтересно для драматургии сочинения. «Польская Глория» — это не простая слава, это очень горькая и кровавая слава, которую Польша завоевала ценой миллионов погибших людей, и об этом нельзя забывать. Польша — одна из самых трагических стран в мире. Ее драли на куски. Русское владычество, бесконечные восстания, которые подавлялись с неимоверной жестокостью, немецкое нападение — на таком маленьком отрезке времени получить столько крови и столько погибших людей. Польша жила между молотом и наковальней. С одной стороны — немцы, с другой — Россия. Каждая сторона терзает, рвет. Это очень трагическая страна с трагической историей. Я был в Варшаве неоднократно. Хорошо, что они восстановили город, но, когда ты в центре видишь сталинские дома в огромном количестве, это о многом говорит, жуткое впечатление. Швеция, к примеру, благополучно жила, когда все вокруг истекали кровью, не было ни оккупации, ни концлагерей. Есть народы со счастливой судьбою, но поляков к ним не отнесешь. Поэтому моя Глория окрашена грустными и трагическими тонами.

Внутри ее много всяких настроений, много тональностей и много переживаний. Но я не мог закончить ее чем-то печальным и грустным, это была бы уже не Глория. Она кончается колокольным перезвоном, действительно — слава, мы теперь никому не подчиняемся, наконец-то мы теперь ведем собственную политику!

— Вы уже пробовали что-нибудь исполнять в этом храме?

— Нет, никогда, это первая проба. Очень опасная проба, потому что вдруг там все заревет? Но зато интересна сама обстановка, это тоже имеет значение. Я сам выбрал это место для первого исполнения. Для меня также важно участие нескольких детей из польской школы в польских национальных костюмах, они подпоют в одном эпизоде. Красочка маленькая, но приятная.

— A какие-нибудь послевоенные события в Польше для вас имели значение?

— Для композитора все имеет значение, если он настоящий композитор и драматург, а не просто пишет нотки формальные. Я знаю историю Польши. И знаменитую Катынь. Мне отец еще в сталинские времена говорил: «Когда-нибудь, я уже не увижу, но ты-то узнаешь правду о Катыни». Я тогда был в первом классе. Отец был военным. Он, слава Богу, не участвовал в этом кошмаре. Но он знал, что польских офицеров уничтожили вовсе не немцы, а уничтожили мы.

— Откуда он это знал?

— Отец не служил в войсках НКВД — он был архитектор, строитель. Он знал, потому что после войны остался в Польше работать. И, видимо, у него были сведения по поводу этого ужасного убийства. В Польше он воевал. У меня дома хранятся его письма к моей маме из Польши, его польские смешные открытки времен войны, почтовые карточки с видами польских городов. Это всегда было очень важно для меня. Папа рассказывал, как напротив горящей Варшавы стояла наша, до зубов вооруженная армия — и палец о палец не ударила, чтоб спасти. Могли помочь, но не хотели. Отец умер еще при советской власти, то, что я слышал от него ребенком, знают теперь все, кто мало-мальски интересуется польской историей.

— A как ваш отец остался работать в Польше?

 Тернополь и другие южные города, которые раньше принадлежали Польше, а сейчас принадлежат Украине, были совершенно разрушены. Папа восстанавливал эти города. Он был главным архитектором Львова, архитектором в Тернополе. Львов и другие города ведь всегда принадлежали Польше. Сталин просто ножницами кромсал польские земли. Сколько оттяпали территорий! Польша потеряла очень много своих исконных городов, своей исконной культуры. Послевоенные события тут были очень страшными. Победа советской армии кончилась приходом НКВД и Болеслава Берута, началась чистка, до 1953 г. хватали, расстреливали, ссылали людей. Как и у нас, более или менее спокойная жизнь началась только после смерти Сталина.

Знаете, мой папа был всегда очарован польскими женщинами, он говорил, что это самые красивые женщины в мире. Более красивых женщин, чем польки, он не встречал. Мне кажется, он даже на какой-то польке хотел жениться, но не

женился, потому что уже был я. Он мог там остаться и, может быть, был бы счастливее, чем когда вернулся сюда. «Это самые красивые женщины на свете!» — говорил он. Не знаю, наверное, так оно и есть. Когда я был в Варшаве, я понял, что самое приятное в польках — это ощущение гордости, которого нет у других женщин. Польские женщины — особенно гордые, с высоко поднятой головой.

— А мама что рассказывала про Польшу?

— Мама ничего не говорила, потому что уже попала в советское время, а бабушка много говорила по-польски, рассказывала польские стихи, польские анекдоты, пела даже какие-то польские песни. Много интересного рассказывала.

— Из какого места в Польше они были?

— Они из Вроцлава. Это долгая история. Бабушка выросла в еврейской буржуазной семье. С поляками они общались, были какие-то светлые моменты. Бабушка много интересного мне рассказывала о поляках, о Польше, об их традициях. Но бабушка уехала оттуда еще до революции. Дедушку пригласили в Баку на нефтяные промыслы, он был техническим руководителем бакинских нефтяных залежей. Бабушка уехала с ним вместе в Баку, и все на этом кончилось.

— Бабушка тосковала по Польше?

— Ну, конечно, тосковала. Там же прошли ее молодые годы. Но единственное, что отравляло ее воспоминания, — вопрос: почему все-таки поляки так несправедливы к евреям? Не все было лучезарно в ее рассказах, как это ни обидно. Между поляками и русскими, между поляками и евреями сложнейшие национальные отношения. Это очень болезненно, и вскрывать эти нарывы больно. И не вскрывать их, загонять внутрь — больно. Когда мы познакомились с Хиеронимом Гралей, я спросил его, почему такая тяжелая неприязнь между нашими народами? Когда она, наконец, кончится? Помоему, сейчас, когда Польша обрела независимость, мы можем говорить на равных. И это очень хорошо. Все получили наконец то, что хотели.

— А как вы думаете, можно это преодолеть в музыке? Как вам это удалось? Или не удалось?

— Музыка не преодолевает, она не танк. Мне просто удалось выразить свою душу, свое отношение. Вот и вся история.

Знаменитую польскую песню «Алые маки на Монте-Кассино» тоже написал еврей. И очень многие из польских евреев были талантливыми людьми. И неприятие поляками этого народа — большая заноза, которая ничем хорошим не кончилась. Польское еврейство — это грандиозно интересная тема. Были поляки — махровые антисемиты, были, наоборот, очень хорошо относившиеся к евреям люди и помогавшие им, по-разному было. Я считаю, что массовый исход евреев стал большой потерей для Польши. Когда масса людей вдруг исчезает из страны, и причем людей ученых, талантливых, это, конечно, остро ощущается. Но что делать?

— О каком периоде вы говорите?

— Я говорю о периоде Гомулки. Это уже после Берута было, когда стали искать внутренних врагов, как у нас в период сталинского дела врачей, дела Михоэлса. Всегда в таких поисках оказываются «крайними» евреи. Отношения с еврейским населением тоже были очень напряженные и неприятные. И этот вопрос, к очень большому сожалению, решился неприятно — евреи уехали. Я считаю, что Польша потеряла очень много одареннейших людей: ученых, музыкантов, поэтов.

И если я что-то мог внести в это примирение слишком маленькая я фигура, чтобы вносить, но я так хотел сказать: что делать, история историей, но не можем же мы вечно подозревать, ненавидеть друг друга и т.д. Мы все же должны идти к какому-то пониманию, примирению, так же можно вечно ненавидеть всех и припоминать им старые обиды. Как будто НКВД уничтожило только польских офицеров и только в Катынском лесу. Оно своих офицеров сколько уничтожило без всякого Катынского леса!.. Но для поляков это геноцид. А то, что они перебили русских людей, своих же, — это как бы «ваши проблемы». Понимаете, в чем несчастье? Поляки не видят глобальности насилия, а только когда они изнасилованы. А то, что свои люди миллионами погибли здесь, в России, и не самые плохие люди, для них это как бы... ну вот, это ваши, разбирайтесь. И когда им пытаешься объяснить: ну, ребятки, ну наших же тоже они побили, и сколько ваших они побили после 1940 года, а наших-то побили с 1917 года. И вот мы гуляем по Петербургу, а смотрите, на Гороховой вот этот дом знаменитый, там в подвалах были уничтожены лучшие: и граф, и князья, их дети и внуки. И убийство, скажем, мужа Ахматовой, великого нашего поэта Гумилева — это тоже, простите, не самые плохие люди погибли. И Блок практически тоже убит. Хотя вроде бы умер своей смертью. Но не пускать на лечение смертельно больного человека — это практически убить его. А им это как-то неинтересно... У каждого — что болит, тот о том и говорит.

Есть вещи, которые очень обидны. Чрезвычайно обидно читать высказывания некоторых людей — а ведь среди них есть и величайшие русские писатели. Даже не хочу фамилии называть. Просто диву даешься. Вроде бы такие писатели, гуманисты замечательные, а тут «полячишки», всякая шляхта. Я уж не говорю о «Тарасе Бульбе», как там описаны поляки. А с другой стороны, вроде бы великая литература. Причем Гоголь сам-то, может быть, был поляк, Гоголь-Яновский. А смотрите, как описаны поляки. Читать страшно. Но мыто знаем, кто такие были запорожцы на самом деле! А поляки выставлены в каком свете!

— Скажите, пожалуйста, не кажется ли вам, что получилось довольно феноменальное сплетение обстоятельств: вы, еврей, пишете ораторию во славу польского государства, которое вроде бы известно своим антисемитизмом.

 Вы знаете, из-за того, что какой-нибудь Болеслав Берут или Гомулка... Гомулка — это еще не Польша. Шопен, я думаю, или Элиза Ожешко вот Польша. И у нас в России был, и в каждой стране есть свои Гитлеры. Вот у меня такое сочинение было — «Венский кадиш». Я его писал по заказу американцев года четыре тому назад. Там тоже такой вопрос: как может в одной Австрии -Моцарт и Шуберт, и тут же рядышком родился Гитлер, и весь нацизм пошел из Австрии, даже скорей, чем из Германии. Это вопросы, на которые нет ответа. Народы разные. В Германии Гитлер пришел к власти не так, как у нас большевики в результате ночного переворота. Пришел легально, путем выборов. Почему Германия проголосовала за Гитлера? Он обещал избавить Германию от евреев, и под это дело за него пошли голосовать. Ну что же теперь делать? Было, никуда не денешься. Такая история. Гитлер ведь не Ленин, он и не хотел устраивать ночные перевороты, как у нас в 1917 году. Он хотел, чтобы его избрал народ. Поэтому на немецком народе лежит вина

огромная: они его добровольно избрали. А мы что, не избираем? Вот сейчас у нас есть голосование — кого мы часто избираем, а потом ужасаемся? А кто ж тебя просил голосовать? Мы, говорят, не знали. Но вот «не знали» — так ты и имеешь. Надо было знать. Так что не так все просто. Один человек мог быть и спасителем государства, и одновременно... А разве мало мы знаем про Петра I? Про все его темные стороны? Знаем. Тем не менее, он у нас, видите ли, сейчас герой номер один. А напишите обратное — да вас изобьют, скажут, что вы антипатриот. Маломальски образованные люди знают, что такое Петр I и что он творил. Хорошо, хоть концлагерей не строил, спасибо хоть на этом.

Но музыка обладает тем счастливым качеством, что она поднимается над всякой политической грязью. Политика — грязная вещь. А музыка — не грязное. Музыка еще никого не убила, никого не загнала в концлагеря.

— А Вагнер?

 Вагнер — это, во-первых, исключение из правила. Это единственный композитор в мире, такого второго композитора нет. И музыка у него совершенно антигуманная. Она жестокая, мощная. Это единственный композитор, у которого по существу нет любви, как у Верди, у Чайковского, у Моцарта. И я не понимаю тех людей, которые объясняются ему в любви. Есть какие-то отдельные симфонические красоты, но мне совершенно это непонятно... Я сколько раз пытался его как дирижер и как музыкант понять, осилить — кроме насилия и бесконечного восхваления немецкой расы там ничего не видно. Ни в музыке, ни в его бесчисленных литературных сочинениях, где постоянно расовое — то, что немцы выше всех. У нас таких писателей даже нет. Ну, где-то Достоевский в «Дневнике писателя». Но у нас все равно расовый вопрос никогда не стоял. А вот немцы подарили миру такого композитора, настоящего нациста. И тут нечего скрывать.

— А сами себя вы считаете себя россиянином?

 Безусловно. Иначе бы я давно уехал отсюда, сто лет назад уехал бы.

— А как вы из Баку приехали?

— Из Баку я приехал учиться в Ленинград. Окончил там композиторский факультет, а потом приехал сюда учиться на симфонического дирижера и органиста. И получил здесь диплом. Меня научили здесь дирижировать, мне не надо бегать по разным дирижерам, просить, чтобы они исполнили мою музыку. Потому что для них это халтура финансовая, а для меня — собственное творчество. Поэтому композитор, не владеющий роялем и не умеющий дирижировать, на мой взгляд, за редким исключением... Ну, хорошо, Шостакович не умел дирижировать, но у него был рядом Мравинский. А где сейчас его возьмешь, когда наша музыка в таком ужасающем состоянии находится, как никогда.

— Вы так считаете?

— Более чем. Ни в какие сталинские и ленинские времена наша музыка не была в таком кошмарном состоянии, как сейчас.

— А с чем это связано?

 А это связано с очень многими причинами. Мы держались дольше других: когда на Западе не было уже практически никого, у нас еще были живы Прокофьев, Шостакович. Хачатурян, Свиридов, Гаврилин. А вот умер Гаврилин, и я считаю, что кончилась музыкальная культура. Пошли крепкие середняки, которые играют себе и дирижируют, но это всё середняки. Они крепкие, но лучше бы они были не крепкие... А вот эпоха Возрождения — где сегодня итальянские художники? У них вроде бы не было ни Сталина, ни Ленина, а художников нет. Умер Пуччини, и музыка кончилась. Умер Марио дель Монако, и певцы кончились. То есть, конечно, есть певцы, и поют, и сочиняют, всё что хочешь делают, но где эти вершины? Вот поэтому поляки и гордятся своим Шопеном. Потому что место Шопена вакантно. До сих пор. Сколько композиторов ни сочиняют, все равно место Шопена вакантно. Потому что поляки никогда не запоют атональную музыку и ту додекафонию, которую пишут их авторы, которые хотят быть прогрессивными.

— Вы имеете в виду Пендерецкого?

— Да всех абсолютно. Почему он польский композитор, а не китайский? Некрасиво как-то одному композитору о другом так отзываться, но это мои убеждения, чисто музыкантские. Ты польский композитор, так будь польским, чтобы в твоей музыке были элементы польские. А раз ты всемирный, значит ты никакой. Это мое убеждение.

Я очень люблю пятый пункт в творчестве. Конечно. Потому что я знаю: если это Бородин, то это русская музыка, Мусоргский — русская му-

зыка, Дебюсси — французская. Русский не напишет, как Дебюсси. А Верди не напишет, как Брамс. В этом-то их и ценность, что каждый выражает дух своей нации, и при этом он всемирен. Правда? Или нет?

— А композитор Коган — это какой композитор?

— Я, конечно, себя считаю русским. Но что значит «русский»? Во-первых, я азербайджанский по рождению и по консерватории. Конечно же, еврейская у меня музыка. Даже когда я пишу о Польше. Это неважно. Это Польша глазами непольского человека. Хорошо. А что Левитан написал «Золотую осень» или «Над вечным покоем» — это что, нерусская живопись? А Антокольский — это нерусская скульптура? Как по-вашему? Как вы считаете? Тогда надо Левитана выкинуть из Русского музея и сказать, что это не соответствует русскому, что это не Шишкин.

Это очень хорошо, что люди разных национальностей по рождению работают, пишут, но у них вот такая Россия. У Шагала своя Россия, у Левитана своя Россия. А Шишкин в «Утре в сосновом лесу» увидел этих медвежат. Левитан бы не мог медвежат написать, правда? Местечковый еврей, он не может написать медвежат. А Шишкин может, потому что это его дом. А у Левитана это вечная гостиница. Но тем не менее великий художник, мы же им гордимся. Правда? Айвазовский армянин, он пишет море, ну и что? Все равно русский художник. Это деление на кровь, оно мало что значит... Но, конечно, у меня в основе лежит еврейский фольклор. Я не могу подделываться под поляка. Даже если я возьму подлинные польские мелодии, все равно у меня какой-то элемент да проскользнет. Я это вижу так. А вот кто никак не видит, так это атоналисты, додекафонисты, электронщики. У них есть только одна религия — доллар.

— А когда вы говорите о «пятом пункте», то говорите о гражданстве или о национальности?

— Нет, конечно, не о гражданстве. Вот Пушкин, например, «Каменный гость» — Испания. Но все равно, когда ты читаешь «Каменного гостя», ты видишь, что такую вещь не написал бы ни армянин, ни поляк, ни китаец, ни француз, никто. Это русский «Каменный гость», хотя всё вроде: Дон Гуан, Лепорелло... Но это же чисто русское произ-

ведение. В этом сила Пушкина. Да, всё вроде испанское, и вместе с тем там такие лобовые русские куски идут. А работать под Тирсо де Молину или под Сервантеса, зачем ему это надо? Он сам себе голова. В этом-то и сила. Не надо бояться своего происхождения. Надо просто честно работать, честно сочинять и, мне кажется, надо почувствовать. Как Левитан, у него была своя Россия, а у Шишкина — своя. Вот у меня своя Польша. А Пендерецкий тоже может считать, что у него своя Польша. Правда, я там не вижу этой Польши. Я Польшу вижу у Шопена, у Монюшко, а у таких людей не вижу, потому что додекафония и всякие атональности спиливают национальное, как наждаком. И у других композиторов, и у наших тоже. Знаете, никуда не денешься. Вы представляете себе Бородина, который не написал бы «Половецкие пляски», скажем?

А вот еще одна вещь. Смотрите, сколько поляков по крови: Шостакович — поляк, Стравинский поляк. Но они же не в Польше родились и не в Польше жили. А смотрите, вот какую музыку написали. Это гордость России. Но, тем не менее, никуда не денешься — это поляки. И Стравинский, и Шостакович, да мало ли кто? Значит, что-то в них есть такое... Эта болезненность Шостаковича может быть, это как раз элементы его польскости. Копаться в чужой музыке — это, знаете, очень страшно: можешь до чего хочешь докопаться. Но я хочу сказать, что многие авторы польской национальности, родившиеся здесь, очень много сделали для русской культуры, для русской музыки. Вот это смешение — любовь-нелюбовь, неважно, смешение русской культуры с польской культурой и дало миру и Стравинского, и Шостаковича. Это подсознательно происходит. Они же не знали польского языка и не были католиками, Шостакович вообще ни в какие храмы не ходил. Но это все тайна. Слава Богу, что она есть. Разве не так?

— Из польских композиторов в вашей оратории звучат какие-то цитаты...

— Нет. Нет ни одной. Я только оркестровал польский гимн по-своему, сам сделал оркестровку польского гимна. И я хочу, чтобы польский гимн прозвучал в моей обработке, в моей аранжировке. Мы начнем концерт как раз с польского гимна. Мне очень приятно, когда сзади меня стоят... Со мной уже один раз было такое, когда была годовщина независимости Израиля, и прозвучал израильский гимн Я-то знаю, что за него

сажали, если он где-то звучал. Просто могли посадить за то, что пели этот гимн. Потому что не было государства, а гимн уже был. И мне было очень приятно, когда сзади, за моей спиной весь зал встал. Это очень красиво, когда ты дирижируешь, и люди встают в знак уважения к государству. Это очень сильное впечатление.

— Значит, когда исполнялась ваша кантата, посвященная 55-летию образования Государства Израиль, тоже звучал гимн?

 Да, «Атиква». Я сам его оркестровал. Потому что у них в посольстве был просто какой-то сладкий морс - мягонький, совершенно не соответствующий. Скрипки так ныли, как на одесской свадьбе. Это меня очень возмутило, и я сделал его очень твердым, мрачным, так что даже трудно о нем говорить. У меня есть видеокассета с этого концерта. Там все совершенно по-другому, без этих слюней и размазываний. И когда этот гимн спели на иврите, я был гораздо счастливее, чем потом, когда потом пошла моя собственная вещь. Она посвящена Теодору Герцелю, основоположнику сионизма, который говорил, что все равно нам надо создавать свое государство. И, как ни странно, если бы не Гитлер, его бы до сих пор не было. Только тогда евреи осознали наконец, что пусть маленький кусочек, но свой, и что вечно быть в гостях — это тоже не очень хорошо, ты всегда можешь подвергнуться уничтожению, истреблению, погромам и т.д.

Вот я бакинец. Но я не могу объяснить, почему азербайджанцы не любят армян, а армяне азербайджанцев. Я никогда в жизни не получу логичного ответа, почему надо тех или этих резать, убивать. Непонятно это для меня. Оба — кавказские народы. Я прожил 22 года в этом городе, я там родился. И видел взаимную ненависть этих двух народов, которая подогревалась сверху. На самом деле там ничего нет, ничего нет. Я убежден, что между поляками и русскими, поляками и евреями тоже ничего нет. Это кому-то из политических временщиков нужно столкнуть их лбами. Они вносят в народ идею, что кто-то должен быть виноват в их несчастьях. К сожалению, иногда и народы дают основания. К сожалению, в польской коммунистической партии, так же, как и в польском НКВД, увы, было много моих соплеменников, что тоже не прибавило к ним любви польского народа. К сожалению, но опять же факт: в ВЧК у Дзержинского и в

НКВД их тоже было огромное количество. Никогда мой народ не служил в органах подавления. Но вот пришла советская власть, и они полезли. Впрочем, почему я должен говорить о них, а не об Эйнштейне, о Густаве Малере, о Левитане. Ну что делать? Нельзя перекладывать на народ — это, мол, такой омерзительный народ. И армянская резня, которая была в Азербайджане, на моей родине, — жуткая вещь. Жуткая, страшная вещь — вырезать армян, которые там родились. Я никогда не мог понять. А почему вы, собственно, их ненавидите, а что они вам сделали? О=ни не могут объяснить. Это уже животное чувство. Оно не поддается анализу. Как сказал один французский философ: «Антисемитизм — это страсть». Очень хорошая фраза. Это невозможно объяснить, почему ты кого-то любишь страсть. И ненависть — тоже страсть.

— Давайте поговорим немножко об исполнителях оратории.

 Хор наш, петербургский, под управлением Бориса Абальяна. Это очень хороший хор, подвижный, гибкий, хорошо читающий с листа. Они уже исполняют третью мою вещь. Вчера мы впервые сыграли эту Глорию, впервые просто с листа прочитали от начала до конца. Они даже овацию устроили, мне было очень приятно. Обычно исполнители композиторов живых... знаете, как у Пушкина: они любить умеют только мертвых. Пока что им понравилось. Певицы из Гатчины. Я обнаружил двух певиц с прекрасными голосами и очень музыкальных. Это Виктория Ганжа и Анжела Галушко. Две певицы, которых совершенно никто не знает, но прекрасные голоса, прекрасные тембры. Я не побоялся дать им петь эту мессу впервые в их жизни. Потому что очень красивые голоса.

— Молодые они?

— Не очень. Не в этом дело. Просто голоса хорошие, красивые очень, и очень хорошо поют. Вот они, две солистки. Ну, и я сам буду дирижировать. Надеюсь, что свою музыку я не искалечу. А оркестр Малого театра совместно с консерваторским оркестром. Собственно, и всё. Очень надеюсь, что акустика в костеле будет подходящая.

— Вы сказали, что вам в чем-то помогал Хиероним Граля?

— Не просто помогал. По-моему, это вообще единственный чиновник — среди всех, кого я в жизни видел, — который не просто разбирается и в музыкальном искусстве, и в истории, а любит,

знает и понимает. Я знаю очень много людей и в посольствах, и в консульствах — особенно, к сожалению, в израильском, где царит полнейшее бескультурье. Но Граля — это исключение. Это человек настолько образованный, интеллигентный, музыкальный. Мы с ним оба италоманы, любим итальянскую оперу. Он мне посоветовал Галчинского взять, которого я не знал.

Впрочем, это экспериментальная вещь. Я сейчас не говорю, что она талантливая, но уж то, что она экспериментальная, это точно. Таких вещей не делали никогда.

— А как вы думаете, исполнение в Польше возможно?

 Ну, это уже не от меня зависит. Если захотят, сыграют в Польше или в Москве, или где-нибудь еще. Не захотят — значит, не сыграют. Я об этом не думаю никогда. Мало ли кто захочет, какие там чиновники сидят, — если вещь понравится, может быть, и сделают. Не захотят, я буду рад и одноразовому исполнению. Что делать? Я же не для этого пишу музыку. Это просто интересно. Это народ со всеми его противоречиями и страданиями. Это очень интересно — попытаться понять. Я думаю: а что чувствовал Левитан, которого без конца гоняли с места на место, потому что он вообще не имел права жить ни в Москве, ни в Питере? И тем не менее он любил эту страну и написал «Над вечным покоем» и «Золотую осень». Теперь мы им гордимся, а раньше полицейские гоняли его за то, что он не имел права проживать вне черты оседлости. Время покажет. Время покажет, что было настоящим, а что — липовым.

— А вы смогли бы жить в сегодняшней Польше?

— Нет. Я кроме Петербурга нигде, даже в Москве жить бы не мог. Это мой город, и это все мое. Мне ничего другого не нужно. Хотя я и в Эстонии был дирижером, и по-эстонски умею говорить, и ко мне эстонцы прекрасно относились. Нет, кроме Петербурга — нигде. Это мой город.

— Вы говорили, что учились у Шостаковича.

В аспирантуре, да.

— Расскажите немного о нем.

— Талантливых людей я видел немало, но таких людей, как он, я не видел никогда, ни в одной области. Это был просто ходячий Иисус. По доброте, по порядочности, по человеколюбию я не знаю никого подобного, даже из очень талантли-

вых людей. Это был совершеннейший херувим, это был человек такой шквальной доброты, нежности, деликатности, мягкости. Но о нем трудно говорить. Это единственный случай в моей жизни, когда кто-то и как композитор, и как человек одинаково гениален. И то и другое было в Шостаковиче гениально.

— Он как-то осознавал свою польскость?

 Думаю, нет. Он был советским, даже не русским композитором. Его, как и многих людей в то время, увлекло все, что тогда делали: 1919, 1920, 1921 годы. Он же жил в нищете, ужасной нищете, и ему казалось, что строится новое государство рабочих и крестьян. Но когда начали расстреливать людей, его лучших друзей, он все понял. Потом в нем всю жизнь было чувство страха — даже когда и в помине не было этой власти, он все равно ходил ссутулившись и как бы боялся. Под подушку себе кусочек мыла клал, простыню и полотенце. И каждый день ждал ареста. Пыток он боялся страшно. Он был человек надломленный психологически. Когда стали расстреливать его ближайшее окружение, а его самого с треском выгнали из нашей консерватории, он очень переживал. То ему Сталин звонит домой, то его чуть ли не уничтожают и пишут жуткие статьи... Как кошка с мышкой играла с ним советская власть.

— A в какие годы вы у него учились в консерватории?

- Ой, я сейчас уже не помню. Это было гдето в 1965 году. Но он уже в Питер только наезжал, он уже был москвичом. Правда, у меня были и другие замечательные педагоги, выдающиеся. Например, я работал с великим хореографом Якобсоном — это мне колоссально много дало. Если бы не он, я бы не написал свои балеты «Галатея» и «Старое танго». Видели вы их? С Максимовой. Это просто гордость моя, потому что такая балерина, как Максимова, танцевала. Я был молодым совсем человеком. Писать музыку для такой балерины — просто счастье. Два фильма... Много было счастливых моментов. Когда дирижировал великих композиторов: Бетховена, Брамса, на органе когда играл. У меня была красивая жизнь.

— А из польских композиторов вам близок только Шопен?

— А кто еще? Правда, Монюшко очень милый, мелодичный, но это просто не то измерение.

Шопен — это титан, это душа, совесть польского народа. У нас Шопена играть никто не умеет, потому что не понимают истоков, не понимают славянской кантиленности, славянской души, польской глубины и стонов и французской легкости. Шопен — единственная звездочка, никого больше. Зато какая звездочка! У датчан, у голландцев или в какой-нибудь Бельгии никто так не светит. Они прекрасно живут, но Шопена у них нет. И не могло быть.

— У датчан есть Карл Нильсен.

— И это Шопен, вы считаете? Это второсортный композитор. Я спросил у Шостаковича: «А есть ли композитор, у которого вся музыка хорошая, без проколов?» Шостакович задумался и ответил: «Пожалуй, только Шопен».

— И даже не Моцарт?

— Нет, что вы, у Моцарта очень много провальных вещей, написанных левой ногой за деньги. Я очень люблю Верди и Чайковского и знаю их. Но у них есть оперы, ну просто застрелись: скучные, длинные, бессмысленные. А у Шопена я не знаю слабых вещей. Правда, он ограничил себя только фортепиано. Если бы он писал симфонии или оперы, неизвестно, что было бы. Но Шопен знал, что делает.

Можно что угодно говорить о поляках — лучше или хуже, — но когда ты говоришь, что есть Шопен, — всё. Великие люди закрывают многие не самые лучшие страницы. Польша — это они, а не какие-то озлобленные люди, которые даже после изгнания немцев умудрились устроить еврейский погром. Это ведь тоже правда. Это же кошмар: пройти все ужасы и потом еще получить такое от поляков. Лучше бы и не знать такую историю! Я думаю, что, наверное, Соломон в Библии правильно сказал: большие знания ведут к большим бедам. И утомляют сердце.

— Скажите, а в сегодняшней России, в сегодняшнем Петербурге вы боитесь че-го-нибудь?

— Нет. Ничего не боюсь. Уже не боюсь. Вопервых, я уже совсем немолодой. Чего мне бояться? И как вообще можно жить под страхом? На нас, слава Богу, уже всё опробовали — на этом городе, на этой стране. Но я, несмотря ни на что, оптимист. Без оптимизма вообще жить страшно.

— Удручающее состояние нашей музыки касается и исполнительской культуры?

— Да, всех областей. Мы сейчас переживаем, на мой взгляд, самый худший период. Потому что в самые худшие времена сталинизма такого середнячества у нас не было никогда. Не было ни в какие времена. Да, были периоды расстрелов, была гражданская война, были сталинские концлагеря, но такого убожества в искусстве, как сейчас, я не знаю. Не было никогда такого.

— А с чем это связано?

— Выдохлись. Почему у итальянцев нет больше Рафаэля? Значит, Бог, видимо, дает по частям. Ведь мы очень поздно начали. Пушкин в 1837 году погиб. Ну, посчитайте. И 150 лет мы царствовали — видимо, нам дали столько времени. Мы за это время дали столько великих людей, что у других народов этого и за 800 лет не было. А теперь все кончилось. Пришло время накопления, время жадности, время серости. Что делать? Все, кончилась наша порция, съели мы свою котлетку.

Беседу вела Татьяна Косинова

Интервью взято 27 октября 2004 г., за несколько дней до премьеры.

Янина Куманецкая

летопись культурной жизни

- «Силезия: пространство надежды или разложения» — так называлась сессия, прошедшая в Миколовском институте, который был основан после 1989 г. в бывшей квартире поэта Рафала Воячека и представляет собой один из самых оживленных общественно-культурных центров сегодняшней Польши. Во встрече, на которой обсуждалось драматическое положение Силезии некогда самой процветающей части Польши, принял участие сенатор от этого региона, всемирно известный режиссер Казимеж Куц. Он говорил о цене цивилизационных перемен и о том, что Силезия вместе со всей Европой прощается с индустриальной эпохой. «Этот процесс идет у нас совершенно бесконтрольно, при полном равнодушии общества», — говорил сенатор, в то же время с энтузиазмом отмечая такие места, как Миколув, небольшой городок, в который на этапе общественно-политических преобразований и своего рода культурной революции начинают переезжать люди из столицы региона Катовице.
- 11 ноября, в годовщину обретения Польшей независимости, в бывшей усадьбе Юзефа Пилсудского в Сулеювеке открылась выставка уникальных личных вещей маршала. Все экспонаты — собственность потомков Пилсудского. До 1939 г. они хранились в Бельведере, затем скитались по свету, а в прошлом году наконец вернулись в Польшу.
- Присуждены главные польские архитектурные премии. Отмеченные ими здания часто порождают споры они нетипичны, полны заимствований из разных архитектурных традиций и стилей. Здания эти объединяет одно: поиски прекрасного в конструктивных возможностях использованных материалов, а не во внешних украшениях. Первые премии достались проектировщикам из Кракова, Гданьска и Познани. Лауреатом премии за творчество в целом стал Марек Дуниковский, с 1991 г. возглавляющий одно из серьезнейших проектных бюро ДОЙМ. Бюро располагается в Кракове, но сам Дуниковский стяжает лавры во всей Польше и за границей. «Ду-

- никовский прирожденный модернист, пишет о нем Ежи С. Маевский. — С течением времени его технологические и функциональные решения становятся все более изощренными, и только лапидарность архитектурного языка и рациональность решений остаются неизменными. Рационализм не исключает оттачивания деталей, мастерства и уважения к месту».
- Под эгидой торгового дома «Братья Яблковские», фирмы с более чем 100-летней традицией, создан совет Премии за честную торговлю. Премия будет присуждаться ежегодно. По словам Яна Яблковского, ее цель «положить начало дискуссии об этике честной торговли (...) Мы считаем, что ответ на вопрос об этических принципах торговли можно искать среди семейных фирм таких, которые пережили тяжелые времена, в управлении которыми участвует вся семья, а фамилию пишут на вывеске (...) Каждый год мы хотим приурочивать к вручению премии какую-нибудь акцию, которая поможет выявить добросовестные фирмы».
- Современному польскому спальному району посвящен драматургический проект «Made in Poland», осуществленный в легницком районе Пекары молодым кинорежиссером Пшемыславом Войцешеком («Вниз по разноцветному холму»). Этот необыкновенный спектакль играют не в театре, а в окруженном блочными домами бывшем пээнэровском универсаме. «Натуралистическая сценография — не единственная причина, по которой местом представления избран спальный район, — говорит директор легницкого театра Яцек Гломб. —«Made in Poland» — это первая ласточка проекта «Сцена в Пекарах», соединяющего в себе художественные и общественные цели. Пекары — самый большой спальный район города и в то же время культурная пустыня». В ликвидированном универсаме в Пекарах будет создана постоянная театральная сцена. Подобный проект осуществляется и в краковской Новой Гуте, где режиссер и деятель культуры Бартек

Шидловский получил от города здание мастерских механического техникума и перенес туда свой театр «Лазня» («Баня»). В бывших мастерских планируется создать настоящий культурный центр для жителей Новой Гуты.

- В день 50-летия со дня основания варшавского Студенческого театра сатириков (СТС) прошли многочисленные мероприятия, напоминающие об этой заслуженной сцене, на которой в свое время боролись за правду студенты-любители. Об открывшейся в Музее литературы выставке, посвященной СТС, ее куратор Барбара Рисс сказала: «Я хотела создать повесть о театре и его времени». Сегодня СТС уже нет, но мы до сих пор помним некоторые названия его программ, прочно вошедшие в нашу речь, такие, как «Мышление имеет колоссальное будущее» или «Мне не все равно». Авторы же СТС Агнешка Осецкая, Анджей Ярецкий, Ярослав Абрамов, Витольд Домбровский — заняли прочное место в польской литературе.
- «Состарившись, я пришел к выводу, что Макбет и леди Макбет убивают, потому что это их последний шанс урвать что-то от жизни. И они сделают всё, чтобы этого добиться», — сказал Анджей Вайда перед премьерой поставленного им в краковском Старом театре шекспировского «Макбета». А уже после премьеры рецензентка «Политики» написала: «Режиссер последовательно строит свою постановку на словах. Образ играет второстепенную роль. Условность спектакля подчеркивают все постановочные приемы. Идеально строгая, сведенная к ясным знакам сценография Кристины Захватович вносит в спектакль элемент современности и в то же время универсализма (...) В очередной раз оказывается, что зло не нуждается ни в каком особенном костюме».
- Свое 80-летие отпраздновал Анджей Лапицкий
 — замечательный актер театра и кино («Все на
 продажу», «Лекарство от любви»), многолетний
 ректор варшавской Высшей государственной театральной школы и директор Польского театра,
 сыгравший во многих фильмах Анджея Вайды и
 Тадеуша Конвицкого.
- Пьеса Ежи Пильха «Лыжи Святейшего отца» была написана по заказу варшавского Национального театра, на сцене которого и прошла предпремьера одноименного спектакля. До сих пор Пильх был известен как автор смелых романов.

«В своей дебютантской пьесе, — пишет Роман Павловский, — известный писатель ставит вопрос, что было бы, если бы всеми обожаемый поляк, святой при жизни, гордость народа внял призывам толпы: "Останься с нами!" — и в один прекрасный день вернулся на родину. И остался бы среди нас, испытывающих к нему такую любовь. Ответ горек: скорее всего, мы не справились бы с этим даром». Сам же автор, воспользовавшись случаем, высказался о театре: «Теперь я понимаю великих писателей, которые приходили в экстаз от театра. Это такая квинтэссенция всего, такая конденсированная действительность, и эта действительность находится в театре под таким гигантским увеличительным стеклом, что очень трудно не заглянуть в этот микроскоп еще раз (...) Поэтому боюсь, что "Лыжи Святейшего отца" не станут моей последней пьесой».

- В Польше вышла созданная французскими художниками книга «Из Вадовице в Рим», посвященная Иоанну Павлу II. Этот агиографический комикс рассказывает о жизни Папы на фоне истории Польши. А если у кого есть сомнения относительно формы... Перед выходом книги польские издатели провели в краковских школах опрос, в ходе которого школьники признались, что охотнее читают комиксы, чем традиционные книги.
- Сообщая о французской премьере спектакля по пьесе Тадеуша Ружевича «Свидетели, или Наша малая стабилизация», корреспондент газеты «Жечпосполита» пишет: «В парижском спектакле обращает внимание характерная для французской культуры гармония. Драма переживается с улыбкой на устах, под аккомпанемент торжественной органной музыки (...) Во французском театре даже скука может быть облечена в прекрасную форму. Быть может, это образ жизни, который ждет нас в Евросоюзе. Образ повседневности».
- Вышел в свет новый сборник стихов Тадеуша Ружевича «Исход». О книге 83-летнего поэта пишет Малгожата Барановская: «И вновь Ружевич опубликовал сборник, который звучит как узнаваемая нота и в то же время несет в себе огромный заряд новизны. Ружевич всегда ну, скажем, долгие годы открывает множественность времен своего и нашего существования. Одно из них это время, если так можно выразиться, репортерское, совершающаяся в данный момент действительность. Второе это вечность, которой

мысль Ружевича достигает не через жизнь вечную, но через этику и жизнь здесь, на земле, в культуре. Оба этих времени встречаются в вечном времени поэзии (...) "Исход" резко критикует массовую культуру. Кроме того, ни в одном сборнике Ружевича не было столько сказано о Боге».

- Презентация нового издания книги Тересы Торанской «Они», в которой собраны донельзя откровенные интервью с высокопоставленными сановниками коммунистической Польши, прошла в бывшей столовой ЦК, в нынешнем здании Финансового центра. Во вступительном слове проф. Кароль Модзелевский напомнил, что именно эту столовую называли когда-то «биржей». Вот это дар прови́дения!
- Уверенность в том, что хороший детектив не может быть написан в Польше, долго не покидала польских читателей, а также авторов, которые привыкли подписывать свои произведения фамилиями, звучащими на английский манер. Однако похоже, что и в этой области начинает чтото меняться. Моду на польский детектив постепенно создает Общество любителей детективов и остросюжетных романов «Труп в шкафу», организовавшее в Кракове I Фестиваль детектива. В рамках фестиваля были впервые присуждены премии за такого рода творчество (по замыслу, они должны вручаться ежегодно). Лауреатом этого года стал филолог-классик из Вроцлава Марек Краевский, награжденный за роман «Конец света в Бреслау». Премию за творчество в целом, разумеется, получила долгие годы лидирующая в списках бестселлеров королева польского детектива Иоанна Хмелевская.
- Между тем в списках бестселлеров произошли первые за долгое время изменения. Вперед снова вырвались мужчины. Лидирует Януш Гловацкий с автобиографическим романом «Из головы». На втором месте историко-биографическая книга Рышарда Капустинского «Путешествия с Геродотом». Далее идут «Божьи воины» мастера фэнтези Анджея Сапковского и, наконец, лауреат премии «Нике» Войцех Кучок и его книга «Гниль». А Катажина Грохоля с книгой «Я вам покажу!» только на 9-м месте!

 Присуждены премии лодзинского Международного фестиваля операторского искусства «Саmerimage». Главную премию фестиваля — «Золотую лягушку» — получил Дик Поуп за съемки фильма «Вера Дрейк». «Серебряной лягушки» удостоился Родриго Прието за фильм «Александр» режиссера Оливера Стоуна, который тоже приехал в Лодзь, чтобы получить «Специальную лягушку» «за особую визуальную восприимчивость». Было присуждено еще несколько премий в частности, Чарлиз Терон, лауреатка «Оскара» за фильм «Монстр», получила актерскую премию им. Кшиштофа Кеслёвского. Однако премии в Лодзи — пожалуй, не главное. «Несомненно, "Camerimage" — это важный фестиваль с большим потенциалом, — пишет Павел Т. Фелис. — Узнаваемое в мире название, оригинальная тема (фестиваль стал праздником операторов), интерес международной публики — всё это козыри, которые следует оценить по достоинству (...) Фестиваль этого года показал также, что "Camerimage" все больше становится местом встречи студентов киношкол. Это они приехали сюда со всего мира, вели страстные споры на импровизированных семинарах в холле или на свободных, не журналистских, а скорее творческих пресс-конференциях операторов». Важно, однако, и присутствие звезд мирового кино. Лично мне лучше всего запомнилось то, что сказал о Лодзи как месте проведения фестиваля знаменитый режиссер Дэвид Линч: «Я уже несколько лет назад открыл, что в Лодзи царит специфическое настроение и неповторимая атмосфера. Обычно здесь хмуро, лишь изредка пробивается легкий, словно приглушенный свет. Когда я обошел восемь или девять пустующих лодзинских фабрик, меня восхитило, как он преломляется на старых машинах, ветшающих стенах или проводах. И то, что в этих местах можно почти осязаемо прикоснуться к течению времени, процессу разрушения. Как будто перед тобой вдруг предстают Природа и Человек». Таким образом, Лодзь тоже включилась в дискуссию о цене цивилизационных перемен и конце индустриальной эры, с которой мы начали эту летопись.

Лешек Шаруга

выписки из культурной периодики

Времена меняются, и то, что когда-то казалось немыслимым, сегодня стало повседневным. В 1980-1981 гг. я работал в агентстве печати «Солидарности», занимавшемся, в частности, изданием обзоров прессы недавно созданного и едва-едва терпимого профсоюзного объединения. Тогда одной из трудностей, с которыми сталкивались редакторы, была угроза привлечения к суду за публикацию «мишуток». «Мишутки», ясное дело, символизировали восточного соседа Польши, и злоупотребление ими воспринималось как «подрыв союзов» или «ущерб достоинству дружественного государства». А сейчас в последнем номере еженедельника «Пшекруй» помещен симпатичный рисунок: огромный белый медведь с отвращением и недоверием глядит на лежащий перед ним на снегу крохотный оранжевый апельсин. Ни о каком «подрыве» или «ущербе» речи уже нет.

В то же самое время «Газета выборча» перепечатывает запретную в Польше на протяжении десятков лет статью Юлиуша Мерошевского, который вместе с Ежи Гедройцем разработал политическую линию парижской «Культуры». Знаменитая статья посвящена проблеме УЛБ, то есть Украины, Литвы и Белоруссии, и ясно доказывает, что суверенитет этих стран, лежащих между нами и Россией, — одно из основополагающих условий нашей свободы. Сегодня, когда этот вопрос перестал быть футурологическим сценарием, еще в 70-е годы воспринимавшимся как мало реалистический, на мой взгляд, крайне важно напомнить об этом тексте.

Польская самиздатская печать еще с 1977 г. — что можно проверить, заглянув в первый номер люблинского ежеквартального журнала «Спотканя» и просматривая журналы, начавшие выходить чуть позже, хотя бы «Запис» или «Критику», — интересовалась будущим польско-украинских отношений, исходя из того, что рано или поздно украинцы добьются суверенитета. Эта линия, в общем, продолжается и в III Речи Посполитой, о чем свидетельствует уже второй внушительный блок материалов, помещенный в последнем номере гданьского ежеквартального «Пшеглёнда политычного» (2004, №67-68) и готовившийся еще до того, как разразилась «оранжевая революция». Впрочем, это не единственное стечение обстоятельств: в эти же дни вышла обширная и представительная антология украинской поэзии.

В «Пшеглёнде политычном» я обратил внимание на очерк Лидии Стефановской «Граждане несуществующего государства», посвященный формированию гражданских позиций на Украине:

«После обретения независимости круги патриотически настроенных правящих верхов запустили проект "украинизации". То, что раньше было только идеологическим замыслом, должно было обрести формы институционализированной национальной культуры, объединяющей этнически разнородное население и превращающей его в полноправных и лояльных граждан новосозданного государства. Однако этот проект с самого начала наталкивался на серьезные трудности. Во-первых, на Украине самая большая среди всех бывших советских республик русская диаспора (...) которая с некоторых пор жалуется на "антирусские" настроения, требуя у властей защиты от "украинских преследований". (...) Во-вторых, значительная часть этнических украинцев в повседневной жизни говорит по-русски. И, в-третьих, Украина обрела независимость без кровавых боев и насильственного переворота, но в результате большинство советских учреждений, особенно их кадровый состав, остались неизменными и по-прежнему безнаказанно функционируют, не слишком скрывая свои симпатии.

Все это вызвало интенсивные дискуссии на тему: что сегодня понимается под украинским самосознанием? (...) В таких реалиях возродились (...) всяческие мифы, связанные с Галицией: о том, что благодаря ей наступило украинское возрождение, что это единственный европейский регион страны и что тем-то она и отличается от остальной, пророссийской Украины. Более того, некоторые считают различия настолько серьезными, что не исключают отделения Галиции и ее функционирования в качестве сепаратного организма. (...) Поиски былых традиций идут тоже — а может быть, прежде всего — на почве возвращения к идее Центральной Европы и оказываются обновлением мифа «золотого века» Галиции, который пришелся якобы на период ее принадлежности к империи Габсбургов. В этом отношении особенно известны эссе Юрия Андруховича — как из его книги "Дезориентация на местности" (1999), так и более поздние "Центрально-восточные ревизии" (2001)».

Стефановская анализирует галицийскую ностальгию писателя из Ивано-Франковска, чтобы в конце вернуться к мифу габсбурговской «Austria Felix» («Счастливой Австрии»):

«Распад Австро-Венгрии стал для жителей Центральной Европы драматическим испытанием. До сих пор живо сознание определенной психологической и культурной самобытности регионов былой монархии. Отсюда вытекает успех, которым понятие Центральной Европы пользовалось в Польше и Чехии 1980-х. Теперь оно делает карьеру на Украине. Вне всякого сомнения, большую роль в формировании галицийской идентичности сыграло сознание этой самобытности, сознание иных культурных традиций. Мнение о том, что Галиция принадлежит к Центральной Европе, было высказано еще в 1997 г. в журнале «Ї» (№9) и до сих пор остается актуальным в близких к нему кругах. Кроме того, резко подчеркнутый контекст австро-венгерских и центральноевропейских традиций можно обнаружить в журнале «Поезд 76» (выходит с 2002 г. под редакцией Андруховича). Название журнала происходит от поезда №76 Черновцы — Перемышль, который символически соединяет Венгрию, Украину и Польшу. (...) Любопытно, что на Украине понятие Центральной Европы возрождается в то самое время, когда в Польше и Чехии оно утрачивает свою содержательность и популярность. Однако это понятно в контексте поисков нового украинского самосознания в постсоветскую эпоху. Включение Галиции (или всей Западной Украины) в центральноевропейскую общность откровенно противостоит зачислению ее в ряды "восточноевропейцев", ассоциированию ее склада ума с русским или советским.

Галиция, по мнению ее жителей, — нечто совсем другое: "Галичанин — это выбор. Это европейский украинец, открытый к западной культуре. Галичанин любит Европу..." — считает Ярослав Грыцак, хотя в то же время подчеркивает, что он против использования региональной самобытности Галиции в целях распространения сепаратистских настроений. "В последние годы, — продолжает Грыцак, — такой подход довел львовскую молодежь даже до требования автономии Галиции. Молодые галичане считают, что единственный шанс вступить в Европу — это отделиться от Киева"».

Что же, когда на страницах этого номера «Пшеглёнда политычного» только начала просыхать типографская краска, молодые галичане из Львова массово направлялись в Киев. События последних недель (я пишу это в начале декабря 2004 г.) несомненно могут сыграть огромную роль в формировании самосознания украинской нации — вне зависимости от того, как дальше повернутся политические судьбы.

Но существует ли украинская нация? Можно ли уже говорить об объединяющем ее самосознании? Исключают или не исключают общность различия между восточной и западной частями государства? Эти вопросы по-прежнему остаются открытыми, и имеет смысл посмотреть на них в свете репортажа Лидии Осталовской «Виктор, успокойся» в «Большом формате», приложении к «Газете выборчей» от 6 декабря:

«В Харькове, на Восточной Украине, запретили и оранжевое, и голубое. (...) Оранжевое: Ющенко и революция. Голубое: Янукович и лишь бы нам не было хуже. Вне закона ради общественного спокойствия. Но краски не хотят покинуть город. (...) В Харькове оранжевое вспыхнуло внезапно.

Воскресенье, 21 ноября. Выборы президента Украины. В Киеве радостные вечерние митинги: по данным опросов, победил Ющенко. В Харькове ничего не происходит.

Понедельник. Власти утверждают: выиграл Виктор Янукович. В Киеве начало революции. В Харькове на площади Свободы десять тысяч человек демонстрируют в поддержку Януковича. Харьковский губернатор в своей речи обращается к Ющенко: "Виктор, успокойтесь. То, что вы делаете в Киеве, опасно для страны. Отсюда один шаг к расколу Украины".

Вторник. Харьков впадает в гнев, харьковчане сами видели фальсификации. Студенты, бизнесмены, пенсионеры собираются на площади Свободы. Вытащили из шкафов оранжевые шапки и шарфы, дамские сумочки, детские игрушки — что кто нашел. Кричат: "Ющенко — да! Слава Украине!" Сами не верят, что их так много — 80 тысяч. Ничего подобного город еще не видел. Митинговая революция: приступаем к акциям гражданского неповиновения. Толпа идет с этим к мэрии. А когда возвращается, у памятника Ленину уже стоят первые палатки.

Среда. Лагерь власти реагирует. С противоположной стороны площади местная «Партия регионов» поставила голубые пластмассовые киоски и заявляет: мы поддерживаем Центризбирком, поддерживаем Януковича.

Вечером официальные результаты выборов: поражение Ющенко. Киев плачет. В Харькове у Януковича 70%, у Ющенко — 24. Голубые расходятся по домам.

Четверг. Возле Ленина прибывает оранжевых палаток. Значит, голубым надо опять появиться.

Так и осталось. С одной стороны — одни, с другой — другие. Посередине металлические барьеры и милиция. (...) Какие-то молодые люди созвонились текстовками по мобильникам и раздают под памятником оранжевые ленточки. Нарезали щедро. Из ленточки можно сделать галстук или кокарду, заплести в косы, приколоть плюмажем к шапке, обвязать ногу, как рулет. Но в Харькове ленточки носят не демонстративно: малый опознавательный знак, только и всего. (...)

Оранжевая листовка: "Дорогие мамы, папы, бабушки, дедушки. Мы помним, как спрашивали вас: почему вы не протестовали против сталинской диктатуры? Вы не могли. В ваше время любой протест в лучшем случае кончался тюрьмой, в худшем — смертью. Сегодня мы стали родителями. Мы не хотим, чтобы наши дети через десять лет спрашивали нас: почему вы не боролись? Ведь мы можем. Сегодня мы берем их с собой на митинги не для того, чтобы использовать как щиты, а чтобы защищать их будущее. Посмотрите на нас: мы уверены". (...)

Харьков — город образованных людей: 27 вузов, 220 тысяч студентов. Самый крупный вузовский центр после Киева. Студенты голосовали за Ющенко в два раза чаще, чем прочие избиратели. Родители слабо их поддержали. (...)

В Харькове девять из десяти жителей говорят по-русски. Это украинцы, хотя часть из них самоотождествляется и с русской культурой. Многие получили советское воспитание и с ностальгией вспоминают те времена.

Здесь немало смешанных семей. Пропаганда: Ющенко запретит русский язык. (...)

Украина — страна, где живут представители 130 национальных меньшинств. Пропаганда: Ющенко вырежет евреев, русских прогонит на Колыму. (...)

Украина — страна многоконфессиональная. Православные, которых тут больше всего, принадлежат к разным Церквям. На востоке Украины они верны патриарху Московскому. Пропаганда: Ющенко заставит их подчиниться патриарху Киевскому.

В Харьковской области есть деревни и городки, где можно смотреть только государственное телевидение — российское и украинское. Они первыми поверили, что Ющенко — националист и фашист. Но среднее поколение поддержало Януковича не только потому, что он умело играл на таких настроениях. (...)

Харьковский губернатор Евгений Кушнарев перепугался оранжевой революции. В пятницу поехал в Донецк, присоединился к сепаратистам и объявил, что не будет платить налогов Киеву. Но местные депутаты выступили против него. То же произошло в Одессе, Херсоне и Днепропетровске. В понедельник Кушнарев покаялся, а автономия обратилась в фарс. (...)

Взбунтовавшийся средний класс. Они уже устроены — что им надо?

Маслов:

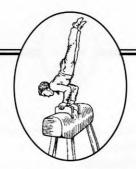
— Я никогда не думал, что займусь политикой. Не мой профиль. Помогаю штабу Ющенко, так как увидел, какая грязная кампания проводилась. Если к власти придет Янукович, система коррупции укрепится. Это огромный банк с филиалами и отделениями, где можно купить себе должность, положение. А купишь — будешь и дальше платить тому, кто тебе продал. А он — кому-то выше. В Харькове рэкетом занимается государство. Прокуроры, налоговые чиновники, инспекторы за все требуют денег. У меня юрисконсультская фирма, я знаю дела своих клиентов. Люди, связанные с донецкой мафией, заставляют харьковских бизнесменов становиться их партнерами. Те соглашаются под давлением власти, а не под физическим нажимом бандитов. Я и мои знакомые этим по горло сыты. Януковича поддерживают те, кто отмывает грязные деньги. Мы открыто поддерживаем штаб Ющенко"».

Так говорит 40-летний Леонид Маслов, глава юрисконсультской фирмы. Осталовская продолжает свой репортаж:

«И вот они дают деньги, транспорт, телефоны. Те, кто торгует продуктами, возят на площадь Свободы еду. Кто лекарствами — лекарства. Легкая промышленность привозит оранжевые флаги, ленты, одежду, спальные мешки. Что у кого есть. Недавно Леонид Маслов поехал на Барабашев рынок — это самое большое место оптовой торговли на Украине, его контролирует донецкая мафия. Через него идет контрабанда в Россию. На рынке антиющенковские настроения. Ухудшаются условия торговли, многие товары вообще нельзя будет вывозить.

— Но я знаю, что харьковские производители, которые продают свою продукцию на этот рынок, не голосовали за Януковича. И тогда я объявил, что его сторонников не обслуживаю. И не потеряю ни одного постоянного клиента. Теперь я уже знаю: галичане выходили из терпения из-за того, что никак не получается эта Украина».

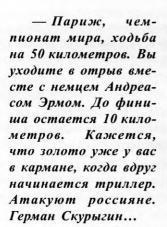
Галичане выходили из терпения. Теперь, пожалуй, им можно больше не выходить из терпения: Украина постепенно начинает появляться из общественной россыпи, преображаясь в гражданское общество. Наверняка это произойдет не сразу и пойдет нелегко. Но процесс это заведомо интересный. И уже ясно, что этот процесс составляет продолжение тех перемен, начало которых относится к 1989-му, а на самом деле — даже к 1980 году, когда рисование «мишек» считалось неположенным. Зато сегодня в польском Сейме один из менее рассеянных депутатов, увидев на столе президиума несколько апельсинов, заявил протест против... рекламы фирм, импортирующих цитрусовые.

МНЕ СКАЗАЛИ: ИДИ, — ВОТ Я И ПОШЕЛ

Беседа с Робертом Коженёвским, олимпийским чемпионом и чемпионом мира по спортивной ходьбе

Роберт Коженёвский завоевал четыре золотых олимпийских медали по спортивной ходьбе (последнюю в Афинах). Он — самый титулованный польский спортсмен: ни одному поляку не удалось получить столько золотых олимпийских медалей. В настоящее время завершил спортивную карьеру и руководит спортивной редакцией ТВП.

— ...приближался ко мне в бешеном темпе. На каждом повороте я видел, что он все ближе.

— Вы были готовы к этому?

- Я видел, что сзади, за моей спиной, о чем-то говорят. Это Алексей Воеводин и Скурыгин намечали общую тактику. Воеводина я опасался больше, чем Скурыгина. За год до этого на чемпионате мира в Мюнхене он финишировал сразу после меня.
 - Наступил кризис?

- Скорее психологический, а не физический. Я должен был решить, чем ответить на их рывок.
- За какие-нибудь пять километров до финиша Скурыгина отделяли от вас только шесть секунд. Мы боялись, что он вас догонит.
- Я уже размышлял, как повести себя, когда это случится. Я рассчитывал на свой финиш. Но в конце концов сыграл ва-банк. Прежде чем Скурыгин меня настиг, я ответил контррывком. Я не знал, испугается ли русский и выдержу ли я сам эту контратаку.
- После поражения Скурыгин сказал: «Коженёвский это великий спортсмен и великий человек». А у вас были свои спортивные кумиры?
- Когда я начинал тренироваться, у меня и в мыслях не было воображать себя Брониславом Малиновским или Владиславом Козакевичем, которые тогда завоевывали золотые медали. Еще за несколько лет до того я вообще не мог ходить на уроки физкультуры. В начале года я просто приносил освобождение на четыре-пять месяцев.
 - Трехкратный олимпийский чемпион и чемпион мира был болезненным ребенком?

— Все началось с угрозы астмы, когда мне было три года. Я принимал гормональные лекарства. Побочным эффектом лечения был зверский аппетит. Я очень растолстел. Потом меня одолели хронические ангины. Первую я подцепил в харцерском лагере, а дальше заболевал каждый месяц или каждые шесть недель. В промежутках между приступами болезни у меня все время была повышенная температура — 37,2-37,4. Я был ослаблен, но в перерывах между ангинами родители все равно не могли меня удержать — я катался на велосипеде, бегал по двору, а следующие полмесяца опять проводил в постели. У меня уже начинали побаливать суставы, колени, локти — это развивался ревматизм. Родители об этом не догадывались: они думали, что я просто устал от постоянных ангин. Но, услышав недвусмысленный диагноз, они сделали все, чтобы поставить меня на ноги. Долгое время я провел в санатории. Я очень страдал из-за того, что не мог кататься на лыжах, как другие дети. Мне полагалась только лечебная гимнастика. Ревматизм, как правило, заканчивается повреждением сердечной мышцы. Это была очень реальная опасность. Показатели болезни (ASO) во много раз превышали норму. Каждые десять дней мне делали укол с большой дозой дебециллина. Последний приступ болезни произошел, когда мне было 13 лет. Но сердце осталось неповрежденным.

— Родители не боялись рецидива болезни, когда вы начали заниматься спортом?

— Они постепенно привыкли. Я начал с занятий дзюдо два-три раза в неделю. Это было в те времена, когда после «Выхода дракона» с Брюсом Ли восточные единоборства приобрели в Польше бешеную популярность.

— Но вы не стали дзюдоистом.

— На самом деле я очень этого хотел. Шел 1982 год: военное положение, клуб ТККФ в Тарнобжеге. Мы с большим трудом раздобыли татами, планировали участвовать в соревнованиях. Но нашу группу из ста человек слишком уж часто навещали сексоты. Им не нравилось, что молодежь массово изучает боевые искусства. Тренер получил нагоняй, нам не организовали сборы, потом начался ремонт

спортзала, и нас уже никогда в него не пустили. В результате я записался на легкую атлетику и начал бегать. Через определенные промежутки времени я увеличивал дистанцию на километр. Я и оглянуться не успел, как мог пробежать десять километров! Помню, что на тренировки я приходил в старых, заштопанных тренировочных штанах, свитере и кедах с треснувшей поперек подошвой, которые родители купили мне по карточкам.

— Были волдыри и мозоли?

 Конечно. Я тренировался в кроссовках фирмы «Польспорт», в которых стелька была прибита гвоздиками. Когда я стартовал в моих первых соревнованиях в Люблине, сначала у меня на ступнях появились волдыри размером с фасоль, а потом эти гвоздики их пробили. Во время забега было даже не так уж больно. Только когда я снял кроссовку, то увидел исковерканную ступню и подумал: «Мать честная, что же я наделал!» В те времена мы прерывали тренировки только когда кто-нибудь из ребят кричал, что у него уже нет кожи на ступнях. Свои сбитые, окровавленные, стертые ступни мы просто мочили в соляном растворе, и никто особенно не переживал из-за боли. Мы и не знали, что может быть иначе. Я помню парня, который приехал на сборы с полиэтиленовыми пакетами, которые он надевал под дырявые кеды. Это тоже была норма.

— Вы помните свои первые профессиональные кроссовки?

— Чехословацкие «Маратон-пантеры». Их привез мне мой друг Адам Маслянка весной 1968 года. Они стоили 6 тыс. злотых, при том, что средняя зарплата была тогда около 10 тысяч. У них была хорошая форма, но — как и все при социализме — они быстро развалились.

— Что значит «хорошая форма»?

— Кроссовки скорохода должны иметь анатомическую форму, идеально повторяющую форму ступни. Их делают из сетки и болоньи, чтобы они были легкими и не намокали. Подошва твердая и пружинящая, хотя очень тонкая: всего 1,5 см на пятке и 12 мм под плюсной. На подошве легкий противоскользящий протектор. Собственно, это такие спортивные ботиночки, которые в последнее время модно носить с джинсами.

— Что с ними происходит после ходьбы на 50 километров?

— Если очень нужно, в них можно пройти еще столько же. Но я в одних кроссовках стартую только один раз, хотя до этого проверяю их на трех-четырех тренировках. После старта на 50 км они годятся еще на несколько тренировок, а затем окончательно деформируются, протектор стирается... Свои первые полностью профессиональные кроссовки я получил от Польского союза легкой атлетики через несколько месяцев после того, как у меня развалились чешские «Маратоны». Я как раз ехал на Кубок Дружбы в Нойбранденбург. Раньше я видел такие только в каталогах. После каждой тренировки я чистил их, протирал, а затем клал в коробку и ставил на полку. Это был почти мистический опыт.

— Подождите, подождите. Ведь вы бегали, причем на десять километров. Откуда же взялась ходьба?

— В секции нас было, наверное, человек тридцать. Мы встречались на тренировках по разным легкоатлетическим дисциплинам. То, что мое первое достижение (бронза на чемпионате т.н. макрорегиона) было связано именно со спортивной ходьбой — чистая случайность. С таким же успехом я мог бы стартовать в какой-нибудь другой дисциплине. Но успех действует по принципу лифта. Правда, я чуть было не вышел из него на втором этаже. Эта первая медаль дала мне право участвовать во всепольских соревнованиях в Познани. Я занял последнее место.

— Последнее?!

— Помнится, стояла адская жара. Я стартовал в слишком больших, одолженных кроссовках и понятия не имел, обливаться мне водой или пить ее на трассе — когда, сколько... Даже предпоследний участник соревнований обогнал меня на целый круг. Но мне и так понравилось. Может, потому, что это были мои первые хорошо организованные соревнования: 1984 год, Спартакиада 40-летия, Ярузельский и Самаранч на трибунах. К тому же в награду (конечно, не за последнее место, а за выход в финал спартакиады) я поехал на сборы в Румынию, на море. Это был первый и единственный раз, когда я пришел к финишу последним.

— В чем же была причина?

- Я не был готов к такому старту. Только после этого познанского поражения я начал готовиться к сезону как нормальный легкоатлет. Раньше тренеры просто говорили мне: «Ну, иди», и я шел.
 - Стало быть, вы начали шлифовать эту странную утиную походку. А разве нельзя ходить, как на прогулке, только быстрее?
- Технику ходьбы изобрели не для того, чтобы было смешнее. Попробуйте сами решить такую задачу: идти как можно более широким шагом, кратчайшим путем и к тому же как можно быстрее.

— И каков будет ответ?

— Кратчайший путь — это прямая линия. Значит, вам придется ставить ноги одну за другой, а не, как обычно, слегка врозь. Самый длинный шаг получается, если ставить на землю сперва пятку. Если же добавить к этому высокую частоту шага, то вы начнете ходить, как профессиональный скороход. В повседневной жизни каждый из нас ходит неэкономно. Просто скороходы наилучшим образом используют законы биомеханики.

— A ноги скорохода должны быть такими напряженными?

— Ну почему же напряженными? Это только иллюзия. На самом деле суть состоит в том, чтобы нога была как можно более свободной. Когда пятка касается земли, у тебя должны быть выпрямлены колени — тогда шаг будет самым длинным. Стопа скорохода — как лодка; он перекатывается через нее.

— Что это значит?

— Не должно быть никакого удара стопы о землю — вы никогда не услышите шагов скорохода. Есть только плавное циклическое движение от пятки к кончикам пальцев. В спортивной ходьбе есть такой принцип: пока одна нога не коснулась земли, вторую нельзя от нее оторвать. Это означает, что в ключевой момент движения ты касаешься земли кончиком пятки одной ноги и большим пальцем другой. Это возможно, только если плечи работают на одном уровне, а руки динамично «толкают» скорохода вперед. Попробуйте сами.

— Быстро ли дали результат профессиональные тренировки?

— Через год после поражения в Познани я стал чемпионом Польши среди юниоров. Это всех удивило. Мне еще не раз пришлось доказывать, что это не случайность.

— В каком смысле?

— Например, в 1990 г. я должен был четыре раза сдать квалификационный минимум, чтобы Польский союз легкой атлетики допустил меня к участию в чемпионате Европы в Сплите. Последний, четвертый минимум я сдал за две недели до начала чемпионата.

— Этого достаточно, чтобы организм пришел в себя перед следующими соревнованиями?

— Недостаточно. Сразу после финиша я вешу приблизительно столько же, сколько перед стартом. Но это только видимость. Потерю массы я компенсирую за счет выпитой воды. За время каждой ходьбы на 50 км я выпиваю около 7 литров. Уже на следующий день я становлюсь легче на каких-нибудь два килограмма.

— Почему?

— Потому что за время 50-километрового марафона мой организм сжигает около 10 тыс. килокалорий. [За час серьезного бега бегун-любитель сжигает около 1200-1300 килокалорий — Р.Л.] Я просыпаюсь с бешеным аппетитом и ем каждые два-три часа. И так несколько дней.

— А боль?

— Сразу после соревнований ничего не болит. Организм разогрет, его несет эйфория. Но на следующий день начинается... Это напоминает тяжелый грипп: температура, болят мышцы, суставы. После Парижа я не выдержал и начал принимать обезболивающие порошки.

— Откуда эта боль?

— Организм отравлен т.н. метаболитами усилия: аммиаком, молочной кислотой. Это продолжается каких-нибудь четыре дня. Потом я чувствую нормальную усталость. Через десять дней после старта организм готов к тренировкам, но еще не в полную силу. Полная регенерация продолжается около месяца. Поэтому в Сплите я был четвертым, хотя это была

ходьба «только» на 20 километров. Если бы до этого я не мучился четыре раза, то, может быть, поборолся бы за медаль. Зато именно тогда я понял, что другие спортсмены сделаны из той же глины. И выбрал спорт.

— А также одиночество: десятки, сотни километров наедине с самим собой.

— Действительно, мне до сих пор трудно найти спарринг-партнеров, которые бы от меня не отставали. Но одинок ли я? Одиночная тренировка занимает лишь два-три часа в день. Многие люди дорого бы заплатили, чтобы побыть эти два часа наедине с собой, сосредоточившись только на том, что они в данный момент делают. Кроме того, я, как правило, тренируюсь в красивых местах. Сейчас я живу на Мадейре. Тренировок на скальных полках, подвешенных на высоте 200 метров над океаном, я не променял бы ни на одну другую работу. Правда, я все равно предпочитаю тренироваться в группе. Нет, я решительно не подхожу к стереотипу «одинокого стайера».

— Однако в 1992 г. вы некоторым образом выбрали одиночество и уехали во Францию.

— Это не был какой-то драматический разрыв с Польшей, смена родины, смена команды. Я продолжал выступать за АЗС АВФ (Катовице). Просто я хотел хорошо подготовиться к Олимпийским играм в Барселоне, вот и взял академку. Да я и не был один: вскоре ко мне приехала жена, которая ждала ребенка. В то время я был не в состоянии прожить за деньги, которые получал в Польше, поэтому пришлось воспользоваться помощью французского клуба. Начало 90-х было по-настоящему трудным периодом для спортсменов. Кончились государственные дотации, талоны на машины и квартиры, рухнула система стипендий.

— A во Франции?

— В Катовице у нас с женой была комната в общежитии. Во Франции я поселился в домике при стадионе — одном из специально построенных к Олимпийским играм 1924 года. Гостиная, спальня, комната в мансарде, кухня и телефон. В Катовице телефон был только на вахте: как же мне было связаться с менедже-

ром, работающим во Франции? Не без значения была и более хорошая погода для тренировок. Кроме того, между спортсменами клуба «Рейсинг» царила замечательная атмосфера: мы приходили друг к другу на тренировки, встречались два-три раза в неделю — просто чтобы поболтать, — устраивали пикники. Если бы я уехал раньше, мне, наверное, пришлось бы принимать какие-то драматические решения, ме-

нять гражданство. Но в то время у меня уже не было такой необходимости. Я мог уехать, достичь своей цели и вернуться назад.

> — Однако вам пришлось нелегко: во время ходьбы на 50 км в Барселоне судьи сняли вас с трассы при входе на стадион, когда казалось, что серебряная медаль уже у вас в кармане.

— Газета «Экип» написала тогда, что на меня обрушилось небо. Нет, не обрушилось. Барселона означала, что небо для меня все еще закрыто, но я уже знал, где лазейка. В тот сезон у меня было лучшее время на

50 км, и, стартуя на этой дистанции второй раз за свою карьеру, я имел все шансы завоевать олимпийскую медаль. Меня дисквалифицировали перед самым финишем. Это огорчило меня, но не лишило сна. Между тем все хотели услышать от меня, что это трагедия, что я в отчаянии, что мне все надоело. Никто не пытался заглянуть глубже, а ведь для меня это был важный урок.

Через две недели после дисквалификации в Барселоне у вас родилась дочь.

— Это тоже очень помогло. Я был полностью поглощен семьей, и потому не вспоминал о поражении. Помню, что роды начались, когда мы смотрели по телевизору соревнования по легкой атлетике в Цюрихе... Рождение Ангелики было для меня очередным цивилизационным шоком — о таком медицинском обслу-

живании, о возможности находиться с женой в момент рождения ребенка в те времена в Польше нельзя было даже мечтать. Разумеется, Ангелика — полька, официально зарегистрированная в парижском посольстве. В будущем она сможет подать документы на французское гражданство. У нее есть на это право, но я не думаю, что она это сделает. Зачем? Ведь мы уже и так в Евросоюзе.

— Значит, 1992 год не был самым драматическим в вашей карьере ...

 Самым трудным был следующий год. Начался он хорошо — золотой медалью на чемпионате мира в закрытом помещении в Торонто, но потом... На чемпионате мира в Штутгарте на дистанции 50 км меня снова дисквалифицировали — за три километра до финиша. Несколько раньше закончилось мое сотрудничество с «Рейсингом»: французы реорганизовали клуб, и в нем уже не было места для легкоатлетов. В Польше я лишился места в олимпийской сборной, ехавшей в Атланту. У меня не было никакой став-

ки, никакой работы. Знакомые, друзья и враги в один голос говорили, чтобы я бросил спорт. Я был близок к отчаянию.

— Ho ...

— Я решил, что выступлю еще на чемпионате Польши в Замости, чтобы ответить себе на вопрос, способен ли я показать хороший результат. Проверка прошла очень хорошо. В трудных условиях я побил рекорд Польши, хотя совсем недавно прошел 47 км в Штутгарте. Я вновь почувствовал, что несмотря на неудачу в Штутгарте, несмотря на критику я нахожусь в шаге от успеха. Между тем даже тренер Кшиштоф Кисель потерял интерес к работе со мной. Нужно было рискнуть. Тренер Кисель позволил себя убедить, помог клуб «Вавель», который дал квартиру. За 5 млн. злотых в месяц (теперь это 500 зл.) я работал, как всегда.

Однако я был несколько в стороне от большой, мировой легкой атлетики. Зимой 1993-1994 г. я тренировался на краковских Блонях [обширный луг почти в центре Кракова — Ред.] и в подкраковских деревушках. Это была суровая зима.

— Она изменила вас?

— Это было радикальное изменение. Я научился смирению. В 1994 г. я был уже менее агрессивен на трассе. Я знал, что техника у меня все лучше. И действительно, судьи давали мне все меньше предупреждений.

— Когда вы оттолкнулись от этого спортивного дна?

 Самые решающие соревнования в моей жизни — это чемпионат Европы в Хельсинки, который прошел как раз в 1994 году. Если бы я не занял на нем места в первой шестерке, мне был бы конец. У меня не было бы аргументов в борьбе за место в олимпийской сборной, ехавшей в Атланту. Позади у меня был год лишений, я чувствовал ответственность за семью. Я не мог позволить себе держаться за спорт независимо от результатов. На первом старте (в ходьбе на 20 км) меня дисквалифицировали. За 12 минут до решающего старта в ходьбе на 50 км я закрылся в туалете и не мог выйти. Замок прокручивался. Я кричал, стучал в дверь, но безрезультатно — в раздевалке никого не было. Лишь спустя какое-то время я заметил, что могу пролезть в щель под дверью... На трассе было только два тренера, которые могли что-то посоветовать, помочь, а на стадионе журналисты бились об заклад, на каком километре судьи меня дисквалифицируют. Они потом сами хвалились. Я пришел пятым. Благодаря этому у меня было время, чтобы подготовиться к Атланте, к моей первой золотой олимпийской медали.

— А как вы оцениваете свои дисквалификации в Барселоне, Штутгарте и Хельсинки с сегодняшней перспективы? Технические ошибки, а может, амбиции, слишком большие по сравнению с возможностями?

— В Барселоне два первых предупреждения — до 35-го километра — были следствием моих ошибок. Но вот решающих карточек,

которые я получил на последнем круге, и трех голосов за дисквалификацию я не в силах понять по сей день.

— Может быть, вы так устали, что допустили ошибки машинально, а судьи их заметили?

 Но ведь я замедлил ход, следил за техникой. Впоследствии я просматривал свое выступление, десятки раз анализировал его и могу с уверенностью сказать, что эти последние километры я прошел не хуже, чем начало трассы. В Штутгарте я действительно допустил стратегическую ошибку: дерзко ушел в отрыв вскоре после старта. Еще перед десятым километром я получил две карточки. После первой я начал думать, как идти более технично. Мне хотелось понравиться судьям. А я должен был забыть об этом и полностью автоматизировать шаг. На соревнованиях не время думать о технике. Мозг должен усвоить ее и автоматически использовать в качестве образца движения, без участия сознания.

— Вы встречались с судьей, который дисквалифицировал вас в Барселоне?

— Мы стараемся не возвращаться к прошлому. Правда, некоторое время назад один из этих судей сказал: «Не зря мы тебе тогда врезали. Иначе ты не был бы там, где ты сейчас». Отчасти он прав. После серии дисквалификаций я взялся за технику, наблюдал за русскими, немцами и итальянцами, которые не получали предупреждений. Однако не надо забывать и о том, что Коженёвский 1996 г., впервые ставший олимпийским чемпионом, и Коженёвский 1991 г. — это два разных тела.

— Как это?

— В Атланте я был уже сформировавшимся спортсменом. До этого я был развивающимся, все время меняющимся организмом. А на длинных дистанциях мелочь, маленькая поправка могут иногда изменить все. В моем случае речь шла о вращении тела, связанном с искривлением позвоночника. Во время взвешивания на специальных весах оказалось, что разница в давлении моих ног на пол составляет — внимание! — 14 килограммов: 23 кг левая нога и 37 — правая! Отсюда травмы, проблемы с позвоночником. Мне прописали выравнивающую

стельку, которую я проносил несколько лет. Дефект уменьшался, но не исчезал. В последний раз я стартовал с этой стелькой в 1997 году. Вскоре после этого врач пришел к выводу, что дефект устранен.

- А если бы можно было сконструировать приспособление, контролирующее движения спортсмена и улавливающее пресловутую фазу полета, когда ноги скорохода отрываются от земли и он бежит вместо того, чтобы идти?
- Такие попытки были на это потрачено немало денег. Несколько лет назад появилась даже информация, что система разработана, и мы будем пользоваться ею на соревнованиях. Я был удивлен: если бы что-нибудь подобное действительно произошло, мне следовало бы опробовать это первым. Однако ученые допустили ошибку: они сосредоточились на обуви, на датчиках в подошве. Это неверное направление — ведь тогда нам пришлось бы носить одинаковые кроссовки, что невозможно: у каждого есть свои предпочтения. Кроме того, датчик должен был бы охватить всю подошву, что достаточно сложно технически. Наконец, еще одна проблема — изнашиваемость обуви во время соревнований. Исследования должны пойти в сторону наблюдения не за ступней, а за центром тяжести спортсмена. Когда спортсмен бежит, его центр тяжести резко смещается то вверх, то вниз; когда идет — колебания незначительные и более плавные. У скорохода с идеальной техникой они минимальны. Такая система очень нужна, но она должна быть столь же простой и точной, как, например, система измерения давления, скрытая в часах фирмы «Поляр». Впрочем, не стоит демонизировать фазу полета. Эта проблема появляется на соревнованиях, но это не единственная причина дисквалификации — ведь есть еще критерий распрямленного колена в тот момент, когда мы ставим ногу на пятку. Чаще всего с трассы снимают спортсменов, у которых уже нет сил идти технически правильно и которые вследствие слабой подготовки не в состоянии себя контролировать. Я не в форме, у меня не получается, я допускаю ошибки. Редко, очень ред-

ко когда спортсмен начинает бежать сознательно. Так было на Олимпийских играх в Сиднее, когда мексиканец Бернардо Сегура явно рискнул и удлинил фазу полета.

- В конце 20-километровой трассы Сегура резко увеличил скорость и опередил вас в тоннеле, ведущем на стадион, но после финиша оказалось, что судьи его дисквалифицировали. Золото досталось вам.
- Я не хотел рисковать, как Сегура. У меня было слишком много неприятных воспоминаний... Я до самого конца не получил ни одного предупреждения - у него их было два еще на 15-м километре. Я старался навязать всем очень быстрый, ровный темп. Мексиканец начал меня преследовать, так как за 4 км до финиша он проигрывал мне больше 80 метров. Он поставил все на одну карту — на финиш. Как потом оказалось, моя тактика была более безопасной и уж наверняка более соответствующей духу спортивной ходьбы. В этом соревновании я воспользовался одним из своих преимуществ - умением ходить в гору. Сегура и несколько других мексиканцев, а также россиян - специалисты по таким «летающим финишам». Они отрабатывают их, чтобы в случае чего в трудной ситуации рискнуть. Хорошо, что в моем случае победил принцип fair play.
 - Спустя неделю вы завоевали бесспорное золото в ходьбе на 50 километров и до сих пор остаетесь непобедимым. Теперь вы собираетесь заканчивать спортивную карьеру. Каковы ваши планы?
- С некоторых пор я был вынужден пользоваться переделанными моделями старой обуви, так как хорошей новой просто не было. В результате я решил сам производить такую обувь. Родилась идея фирмы «Walker». Walker [тот, кто идет] это я, вот я и подумал, что в последние годы карьеры стоит попробовать раскрутить собственную марку, создать что-нибудь такое, что могло бы положить начало новому бизнесу и восполнить пробел на рынке.
 - Какой пробел?

— В Польше нет спортивной одежды для детей и подростков. Если зайти в любой польский спортивный магазин с серьезными марками, то окажется, что найти спортивные штанишки для ребенка или маленький спортивный костюм — это нечто, граничащее с чудом. Делают какие-то показушные вещи, например костюмчик или кроссовочки для полуторагодовалого ребенка, но это совсем не то, что нужно детям на уроках физкультуры или спортплощадках. Будет ли мой проект иметь успех? Я верю, что будет.

— Так когда же в магазинах появится первая пара обуви марки «Walker»?

— Я все время веду об этом переговоры. Это не будет переделанная обувь какой-то другой марки. Все будет оригинальное. Производство мы наверняка откроем в Азии. Мы будем выпускать профессиональные кроссовки для спортсменов вроде меня и марафонцев, «общеспортивные» кроссовки, удобные для ежедневного ношения и любой деятельности, связанной с движением, и, наконец, обувь, в которой можно было бы отдохнуть, - например, пляжную. Я не тешу себя иллюзиями, что отвоюю значительную часть рынка у крупных фирм, но считаю, что смогу заинтересовать людей, которые не покупали фирменных вещей или искали чего-то нового, не такого, как у всех. В будущем доля порядка полутора десятков процентов на польском рынке вполне достижима. Но не в одиночку. Я должен объединиться с фирмами, которые в этом бизнесе уже чего-то достигли.

— Все беспокоятся, что у вас нет преемников. Может быть, это будут ваши братья или сестра?

 Мои младшие братья соприкасались с профессиональным спортом только эпизодически. А вот моя сестра Сильвия не на шутку удивила меня, когда в возрасте 13 лет пришла и попросила у меня план тренировок. Через три недели она хотела стартовать в Тарнобжеге в ходьбе на 3 километра. Я два раза спрашивал ее, действительно ли она этого хочет. Оказалось, хочет. Она выполнила план и победила. Успех вдохновил ее, хотя мне кажется, что в ее случае мотивация была связана прежде всего с желанием сохранить хорошую фигуру. Но другого спортивного пути в Тарнобжеге, пожалуй, нет. На стадионе «Сярки» уже третья дорожка не годится для бега. Остается спортивная ходьба или длинные дистанции. Кто знает, может, из-за этой бедности снова родится чемпион?

Беседу вел Радослав Ленярский

BUUZYFURMHI

В н-ре 12/2004 ошибочно были заменены заглавия статей и фамилии их авторов: Збигнева Флорчака и Александра Липатова. За эту досадную ошибку редакция приносит извинение читателям и обоим авторам.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

В.Семион: текст постановки рассказа Х.Гринберга «Мой отец»

Е.Помяновский: Парадокс о рампе

Я.Садовский об интеграции

К.Маслонь о польской прозе

О.Закиров: из воспоминаний

А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского

Л.Колаковский об основах права

М.Выка о Станиславе Бжозовском

К.Модзелевский о новой книге Д.Бовуа

Я.Гондович о молодых литераторах

Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?

3. Басара: беседа с Эвой Эварт

К.Бурнетко: Газетный киоск

Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Б.Поцей о Ванде Ландовской

О книге В.Тихомировой «Вторая Мировая война в польской прозе»

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,

А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др. **Беседы Сильвии Фролов** с М.Комаром, Я.Станишкис, А.Апплебаум

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА **РЕКОМЕНДУЕТ** ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и критиков

Craperinari Mocami Interpretary Dubiti exementari Indozente Sannari Proprinti exementari Indozente Sannari Indozente Indoz tworczoś, Defilitifi 110/16 cktifi Intreparypitati ckentegathik interparypitati ckentegathik interparypitati ckentegathik chenta chi compense interparypitati ckentegathik chenta ch THI COAT NOTION TO BE ACTION TO BE ALL TO SHIP OF THE PROPERTY OF A STATE OF THE PROPERTY OF T HOP ROPH TIME. ORASOBRACE BUILDING TO PATY PC.

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

ПОЛЬША Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и россий маненаваетили в Рассии произволения Вогатая подборка публицистики польских и российских давторов. Переводы малоизвестных в россии произведения. Еженесячник. Единетвенный же мигопесиме могилы польских поэтов и прозвиков. месячник. Единственный журнал, уже многие новинки годы публикующий все интересные поможения и имультим все интерестве новинел современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich, 02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374 ISSN 1508-5589